

Магдлен Риффо

329
P-56.

У партизан Южного Вьетнама

ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ
СССР

RIFFAUD MADELEINE

DANS LES MAQUIS
„VIETCONG“

PARIS — 1965

МАДЛЕН РИФФО

У ПАРТИЗАН ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Перевод с французского

МИРОНИЧ Н. С., ЛЕВИЦКОЙ Ю. Л. и ПОМОГАЕВОЙ А. Д.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Москва — 1967

Мадлен Риффо

P56 **У партизан Южного Вьетнама.**
(Перевод с французского). М., Военное издательство, 1967.

224 с. 30 000 экз. 50 коп.

Автор этой книги — известная французская журналистка, специальный корреспондент «Юманите».

В конце 1964 и начале 1965 г. Мадлен Риффо около двух месяцев провела среди партизан и бойцов Армии освобождения Южного Вьетнама, героически сражающихся против американских агрессоров. Вместе с ними она прошла по джунглям сотни километров, жила их жизнью, делила вместе с ними трудности, радость побед и горечь потерь. Она видела, как живут, как готовятся к боям и как сражаются южновьетнамские патриоты. Обо всем этом Риффо и рассказывает в своей книге.

7-3-4
62-67

324

И пусть народ поймет,
Как слабы и как слепы
Его убийцы.

Поль Элюар

I

Целых два месяца мы прожили словно на другой планете. Мы с Уилфредом Бэрчет-тсом были в то время первыми и единственными журналистами, которым довелось разделить жизнь ее обитателей.

Наши коллеги обычно наблюдают эту планету с борта вертолета. Они не видят ничего, кроме зеленого моря джунглей, золота созревших рисовых полей, дыма и пламени напалма или фосфора.

С конца ноября 1964 и до конца января 1965 года, за два месяца, проведенных «по ту сторону» в рядах тех, кого называют «вьетконговцами»¹, мы пересекли пешком и на велосипедах страну, где бамбук побеждает сталь современного оружия, где дрессированные пчелы обращают в бегство американских

¹ «Вьетконг» — по-вьетнамски сокращение слов «вьетнамский коммунист». Так в западной печати иногда называют патриотов Южного Вьетнама. — *Прим. ред.*

«советников», где население сотни раз разбомбленных деревень живет под землей «лучше, чем прежде» и где хитрость крестьянина обезвреживает любое новейшее оружие уничтожения, которое испытывают на нем.

В основе этой поездки лежала дружба двух всенных корреспондентов, которые на протяжении последних двадцати лет не раз встречались всюду, где народ боролся за свободу. При встрече они неизменно радостно хлопали друг друга по плечу. Перед второй мировой войной австралиец Бэрчетт уже был журналистом в Азии. В Корее он был военным корреспондентом той газеты, в которой я начинала свою корреспондентскую работу. И я, будучи молодым стажером, пришедшим в газету из французских маки, часто мечтала, читая телеграфные сообщения с фронта. Мечтала, что когда-нибудь, быть может, и я буду в рядах этих журналистов, свидетелей стольких человеческих судеб, борцов за братство народов.

Когда в начале осени мы покидали Европу, мы знали, что, прежде чем открыть для нас «зеленую улицу», руководители Национального фронта освобождения Южного Вьетнама долго обсуждали все, что им было известно о нашей жизни. Обсуждали настолько тщательно, что нам начало казаться, будто все наше прошлое было чем-то вроде предисловия к этому испытанию: к жизни среди народа, взявшегося за оружие, чтобы отстоять свою свободу и независимость, к жизни в джунглях, где даже в мирное время европейцам приходится тяжело.

Тогда мы еще не знали, что это будет самая богатая приключениями поездка за все двадцать лет нашей журналистской работы. И, как написал по возвращении Бэрчетт, — «самое большое событие во всей нашей жизни».

II

И вот однажды ночью мы «нырнули» в джунгли. Местом нашего назначения была война. Обогащенные опытом Бэрчетта, который за несколько месяцев перед тем побывал на Высокогорном плато и в освобожденных районах Южного Вьетнама, мы взяли с собой только самое необходимое: свое снаряжение — кинокамеры, магнитофоны, блокноты, фотоаппараты — и кое-какие медикаменты, в частности пластыри, совершенно необходимые в этом климате, где малейшая царапина, малейший укус насекомого моментально воспаляются.

Сначала я боялась. Вернее, боялась, что не сумею держаться как следует рядом с этими людьми, которые вынуждены сражаться уже в течение четверти века. При первом знакомстве с джунглями безлунной ночью мы проходили меж двух вражеских постов. Нельзя было ни говорить, ни курить, ни посветить фонариком. Мы шли вслепую по скользкой грязи, таща за плечами все свое снаряжение, сквозь заросли лиан и тростника, колючие стебли которого норовили выколоть нам глаза. Шли местами по пояс в воде, так как джунгли были затоплены после недавно пронесшихся тайфунов.

Дружеские руки поддержали нас, сняли груз с наших плеч. Мы слышали только легкое почавкивание грязи под ногами, но чувствовали себя окруженными добрыми духами, взявшими на себя заботу о нас. Они знают, когда нужно остановиться и когда можно без опаски продолжать путь. Потрескивание ветвей, шепот — это разведчики возвращаются с донесениями. Гул канонады говорит о том, что мы находимся совсем близко от так называемого театра военных действий. Нам предстоит быть за его кулисами много дней. Вокруг нас джунгли, живущие своей особой жизнью. Я задыхаюсь от запаха гнили и цветов, от теплой влажности под плотной кровлей густой листвы, сквозь которую не видно ни звездочки на небе. Я еще не знаю, что вскоре эта кровля станет и для меня заслоном от смерти, ищущей нас с неба.

Я сразу же почувствовала, что этой горячей, сухой руке поручено заботиться обо мне. Она помогла мне снять купленные в Европе мокасины, которые то и дело засасывала грязь, и надеть вместо них более практичные, хотя и слишком большие, резиновые сандалии. Чья-то маленькая рука вела меня в темноте сквозь все западни джунглей. Она вовремя указывала, в каком месте надо идти согнувшись вдвое под чащей оцетинившегося длинными колючками кустарника, и нахлобучивала мне на голову шлем из листьев латании.

А когда нужно было идти гуськом, маленькая рука молча взяла мою руку и дала мне

понять, что я должна ухватиться за заплочный мешок партизана, идущего впереди. И рука эта была женская или девичья. Я твердо была уверена в этом. Я слышала учащенное дыхание своей спутницы, когда нас встретил партизанский отряд. Она безусловно была так же взволнована, как и я.

Потом постепенно рассвело. Пройдя опасную зону, мы сделали привал. Присев на упавший ствол дерева, мы выкурили первые сигареты из отсыревшего табака, выпили из фляжек первые глотки кипяченой воды, пахнувшей дымом костра, и оглядели друг друга.

В группе партизан не было никакой девушки. Исчезла сестренка, которая всю эту первую ночь вела меня, дружески сжимая мою руку. Вместо нее юный боец с винтовкой за плечами, с моей пишущей машинкой в руке остолбенело глядел на меня.

Таковы правила безопасности в Армии освобождения. Лишь один командир нового отряда, подошедшего сейчас, чтобы охранять нас в пределах своего сектора, знал, кто мы. Наши первые спутники знали только, что им поручено сопровождать двух иностранцев от одного пункта до другого. Им не сказали ни наших имен, ни того, что один из нас женщина. При виде нашего обоюдного изумления все рассмеялись, и впервые после прибытия в джунгли я услышала, как искренне и звонко смеются вьетнамцы.

Этот заразительный смех не раз звенел у нас в ушах во время нашего пребывания в Южном Вьетнаме.

III

Мы готовились к тому, что нас ждет не туристская прогулка, а поездка, полная опасностей.

1964 год подходил к концу. После провала плана Стэйли—Тейлора, предусматривавшего «умиротворение» Южного Вьетнама за восемнадцать месяцев, план Макнамары, разработанный в 1964 году, вначале ставил своей целью «умиротворение» в течение неопределенного срока лишь десяти провинций, затем семи, затем четырех, а потом всего двух, вокруг Сайгона. Именно в этих провинциях, где мы хотели побывать, до сих пор шли самые горячие бои...

Силам народной армии к тому времени уже удалось отвоевать у сменявших друг друга сайгонских «правительств» и у американских агрессоров две трети Южного Вьетнама. Мы пересекали среди бела дня огромные районы, куда враг не осмеливался проникать ни по суше, ни по воде, несмотря на свое ультрасовременное военное снаряжение. И американские офицеры, вынужденные повсюду перейти к обороне, больше не скрывали, что в основном рассчитывают только на свои бомбардировщики. Они изо всех сил старались деморализовать население освобожденных районов, помешать передвижению войск Армии освобождения, систематически бомбя и обстреливая с воздуха все, что подает признаки жизни.

В подобных условиях путешествие двух военных корреспондентов, решивших собствен-

ными глазами увидеть, что происходит в Южном Вьетнаме, неизбежно должно было превратиться в рискованное предприятие, более насыщенное событиями и опасностями, чем любой классический приключенческий роман.

После первой же бомбардировки мы решили никогда не расставаться со своим снаряжением. Подобно нашим спутникам, никогда не расстающимся с оружием, мы постоянно таскали в холщовом мешке за плечами свои блокноты и аппараты. Тем не менее во время переходов часть наших сокровищ погибла, засыпанная землей при взрыве бомбы. Скрываясь большей частью в джунглях, нам приходилось предохранять пленку еще и от сырости, разъедавшей ее словно кислота. (К счастью, крестьянам известен верный способ уберечь любую вещь от сырости: достаточно сунуть ее в мешок с жареным рисом.) Кроме того, нам приходилось отражать нашествие желтых, черных и красных муравьев и термитов, которые упорно выбирали наши магнитофоны и фотоаппараты для своих гнезд. Впрочем, ведь в этом лесу они были хозяевами.

Добравшись до зоны, контролируемой патриотами, мы тотчас же переоделись в одежду южновьетнамских крестьян, в брюки и рубашки из черной хлопчатобумажной материи и повязали традиционные шейные платки в черно-белую клетку. Мы сделали это совсем не потому, что думали, будто журналисту достаточно южновьетнамской одежды, чтобы избавиться от всякой опасности. Пожалуй, как раз наоборот. В течение всего нашего путешествия мы имели возможность убедиться,

что местное население, включая и детей, постоянно служит мишенью для бомбежек и пулеметного обстрела. Просто в этой одежде мы меньше бросались в глаза возможным осведомителям и не навлекали лишних бед на население, которое помогало нам в работе.

Американцы готовы на все, когда их агентам удается установить присутствие европейского журналиста среди патриотов. Бэрчетт уже убедился в этом на собственном опыте во время первой поездки. На этот раз, судя по активной деятельности самолетов-разведчиков, вскоре стало очевидным, что Сайгон осведомлен о некоторых наших передвижениях и решил принять меры к тому, чтобы сократить наше пребывание в Южном Вьетнаме... Нужно признать, что мой спутник был очень громоздким. Этот долговязый австралиец был выше всех вьетнамцев и выделялся среди них широкими плечами и седеющей головой. Я благодаря своему среднему росту и черным, гладко причесанным волосам могла проскользнуть всюду, не рискуя быть замеченной. Закамуфлировать же Бэрчетта было невозможно.

К счастью, так же, как и у партизан, у нас (передвигавшихся в основном на своих двоих и лишь иногда на велосипедах) было по меньшей мере три союзника, которые, в конечном счете, давали нам возможность ускользать от самолетов и амфибий. Этими нашими союзниками были: ночь — целых двенадцать ночных часов из двадцати четырех; джунгли, фактически покрывающие две трети Южного Вьетнама, а главное — южновьетнамский народ, ко-

тому поручил заботиться о нас Национальный фронт освобождения, официально сообщив о нашем приезде по радио в одной из передач, которые НФО ведет по нескольку раз в день непосредственно с Юга страны... Обдуманый риск, который сам по себе доказывает, как много людей в Южном Вьетнаме слушают радиостанцию, созданную патриотами.

IV

Когда я думаю о том, как погибают журналисты, я всегда вспоминаю знаменитую картину Брейгеля-старшего «Падение Икара». На ней изображен пейзаж в час заката. Солнце готово вот-вот погрузиться в море. На первом плане крестьянин в ярко красной блузе обрабатывает поле. Ни одна малейшая деталь не забыта художником: лошадь, упряжь, ровные борозды, земля разрезанная, как пирог, лемехом плуга... Тут и пастух с овцами, и рыбак, и судно. И многое другое. И Икар. В нижнем правом углу картины мы видим только его ногу, погружающуюся в пучину, уже поглотившую все тело. Никто из окружающих ни на секунду не отрывается от своих занятий, чтобы хоть взглянуть на то, как он погибает. Жизнь продолжается. А ведь Икар почти долетел до Солнца...

Когда гибнет специальный корреспондент, он падает всегда именно так: незамеченным, в маленьком уголке картины, изображающей какую-то историческую сцену. Справедливо или нет, но это так.

Если я вкратце рассказываю о некоторых наших репортерских приключениях, то только потому, что они, по-моему, освещают южно-вьетнамскую действительность 1965 года.

Три или четыре раза во время этой репортерской поездки, в войне, в которой нет тыла, где каждый дом — огневая точка и каждый человек — поневоле боец, нам едва удавалось избежать смерти, специально уготованной лично для нас... Какая роскошь!

За два месяца мы преодолели сотни километров (в среднем по двадцати километров в сутки пешком или по семидесяти на велосипедах). Однажды в сухой сезон в таящем опасность синем небе самолеты в течение нескольких часов кружили над нашей группой, состоявшей кроме нас из десятка бойцов и кинооператора народной армии. Мы все ехали на велосипедах. С наступлением ночи разбили лагерь в джунглях, почти у самой опушки. Мы должны были провести всего несколько часов под этими деревьями, ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сварить рис, съесть его и немного поспать. Подвижность— это постоянно действующий закон партизан.

Однако начальник нашего маленького отряда заставил нас отрыть предписанные уставом укрытия под каждым гамаком. «Чем больше пота, тем меньше крови» — говорит солдатская поговорка, которая родилась еще во времена первой войны в Индокитае. На этот раз мне пришлось убедиться в ее глубокой мудрости.

В четыре часа утра, когда все крепко спали, три бомбардировщика В-26 спикировали

на наш участок леса, даже не сделав обычного предварительного захода для определения цели, и сбросили бомбовый груз. И довольно точно, потому что ближайшая воронка оказалась всего в двухстах метрах от нас... Мы скатились из гамаков в укрытия, даже не успев как следует проснуться. Не спал только один Бэрчетт, который записывал на магнитофон пение птиц. Он оставил магнитофон включенным и благодаря этому в ту ночь, без всяких потерь для нашей группы, мы добыли великолепную звукозапись взрывов, которую впоследствии использовали кинематографисты при монтаже снятого Бэрчеттом фильма, показанного затем по французскому телевидению.

Целью этой бомбардировки могли быть только мы. И хотя мы не пострадали, все же не обошлось без жертв. В этом пустынном уголке леса не было ничего, кроме маленького поселка из нескольких соломенных хижин, построенных жителями деревни, недавно разрушенной бомбами в долине. В этот предрассветный час пастухи гонят буйволов на пастбища, иной раз расположенные довольно далеко от новых деревень. На сей раз в трехстах метрах от нас, под обезглавленными взрывом деревьями, рядом со своим буйволом, лежал убитый наповал мальчик.

Услышав пикирующие самолеты, пастушок не успел или, возможно, не догадался спрятаться. Невредимым осталось только его круглое личико, да еще бамбуковая рогатка, которую он носил, как и все местные пастухи, надев резинку на шею.

Наверное, нам следовало сфотографировать этого ребенка — одну из бесчисленных невинных жертв американских бомбардировок. Но ни я, ни Бэрчетт и не вспомнили о том, что у нас есть фотоаппараты, хотя мы оба так часто снимали войну и в Африке, и в Азии.

Через час, когда наши велосипеды снова тряслись по ухабам под зеленой крышей джунглей, обезьяны и тысячи птиц на своем языке продолжали обсуждать это событие. А мы молчали.

Это было в сочельник. А немного позже, поймав по транзистору передачу радиостанции вооруженных сил США в Южном Вьетнаме, мы услышали, как кто-то из руководителей Пентагона (чуть ли не сам Тейлор) утверждал, будто американская авиация действует во Вьетнаме «во имя защиты народа от коммунизма и в полном соответствии с христианскими идеалами».

V

На следующий день, когда мы с группой партизан плыли на моторном сампане, мы едва не попали в засаду, устроенную нам двумя взводами «особых сил» под командованием четырех американцев. Но за ними уже следили двое молодых крестьян из нашей разведывательной группы, шедшей впереди. Наблюдая за приготовлениями «особых войск», эти двое разведчиков очень веселились... Именно благодаря им нам удалось вовремя уберечься от обстрела ракетными сна-

рядами с вертолетов и от обычного в таких случаях сосредоточенного артиллерийского огня: близлежащие посты противника простреливали открытую местность, по которой нам предстояло пройти.

Только один из наших спутников, кинооператор Тхеп Хонг, шедший по тропе впереди всех, наткнулся на засаду, спасся он лишь благодаря случайно оказавшейся поблизости легкой бамбуковой изгороди.

В тот же вечер мы узнали, что наше присутствие в этот день спасло жизнь нескольким американцам и сайгонским солдатам, потому что бойцы, сопровождавшие нас, получили приказ не вступать в подобных случаях в бой, а отходить незаметно, чтобы не подвергать нас риску.

Но вместо того чтобы прислать нам цветы за эту невольную оказанную им услугу, американцы отдали приказ о молниеносном прочесывании бронетранспортерами, катерами, вертолетами и самолетами того участка, где мы побывали впоследствии, возвращаясь из Бинь-Зя. Солдаты Армии освобождения, которые были с нами, считали, что единственным поводом для этой облавы было желание обнаружить нашу маленькую группу.

При каждом из покушений, организуемых для уничтожения двух дотошных, безгранично влюбленных в свою профессию журналистов, мы спасались от смерти лишь благодаря необычайной опытности южновьетнамских партизан и постоянной помощи жителей деревень, всегда готовых в нужный момент спрятать нас в одном из своих подземных тайников.

...В тот памятный день, когда бомбежка была такой сильной, словно наступил конец света, и стол, на котором оставался наш недоеденный обед, разлетелся в щепки от взрыва, командование воинской части, расположенной на этом участке, было таинственным образом предупреждено об особенно мощном воздушном налете за два часа до его начала. Глубоко под землей мы проползли несколько километров по сложной системе ходов, которые вывели нас в самое сердце джунглей.

Мы были щедро вознаграждены за эти (да и многие другие) волнения такими встречами и откровенными разговорами, которые не имеют цены для людей, решивших разобраться в проблемах Южного Вьетнама.

Мы познакомились с одним из офицеров народной армии, который руководил в ночь на 31 октября 1964 года молниеносной атакой на аэродром в Бьен-Хоа. При этом нападении было выведено из строя на земле столько бомбардировщиков, сколько ни разу не было сбито ни в одном воздушном бою во время последней мировой войны. Мы провели два дня с руководителями Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Кроме того, в ответ на нашу просьбу нам разрешили некоторое время провести в одном из полков, находившемся на переформировании; мы полностью разделяли жизнь воинской части, чтобы лучше понять вьетконговские методы борьбы... Это был самый захватывающий период нашей поездки.

Наконец 4 января 1965 года мы оказались совсем близко от Бинь-Зя, где заканчивалось одно из самых крупных сражений в этой войне, которое ознаменовало важную перемену в соотношении сил и выявило существование народной Армии освобождения Южного Вьетнама, рожденной партизанской войной и способной отныне наносить противнику поражения типа «Дьен-Бьен-Фу».

VI

Прежде всего мне пришлось обучаться азбуке джунглей, сдавать на ходу экзамены по разным дисциплинам. Экзаменаторами были дружелюбные, но требовательные глаза наших проводников, ведущих нас все дальше и дальше в лабиринт лесов, где таились секретные базы, различные организации и руководство южновьетнамского Сопротивления.

Больше всего я боялась, что меня сочтут негодной к службе в джунглях и отошлют... не в тыл (при таких бомбежках никакого тыла нет), а куда-нибудь в одну из деревень или в один из дальних уголков джунглей. Однако день за днем я, так же, как и все остальные, шла вперед. Я оценила всю комфортабельность гамака, сшитого из двух холщовых мешков или из куска американского парашюта. Эти гамаки мы носили, как и все солдаты, скатанными у пояса. Несколько часов отдыха снимали самую сильную усталость; лес дарил это нам, городским жителям, забывшим о чистом, без всякого заводского дыма воздухе и

о блаженстве, которое испытываешь, когда над твоей головой нет иной крыши, кроме густой листвы.

Под покровом джунглей, на каждом шагу давая отпор «особой войне», народ придумал уйму мелких изобретений. Из старых автомобильных шин в лесных мастерских шьют по мерке сандалии. Эта прочная, легкая, изумительно удобная обувь для долгих и трудных переходов в любой местности называется «обувью Хо Ши Мина». Сандалии эти были уже знамениты во время битвы при Дьен-Бьен-Фу. Когда я встретилась с президентом Хо в Ханое в 1955 году, старый революционер все еще носил в память о войне свои партизанские сандалии.

Нам тоже было выдано изумительно легкое снаряжение, которое носят на поясном ремне: фляжка, обычно трофейная, американская, предназначенная только для кипяченой воды, так как в джунглях очень строго соблюдают меры профилактики; гамак, который дает возможность отдохнуть где угодно, не боясь скорпионов. К нему приложена москитная сетка — ведь в джунглях всегда тучи комаров; москитной сеткой теперь обеспечен каждый боец, и это большое достижение по сравнению с теми условиями, в которых приходилось сражаться во времена первой войны в Индокитае.

Индивидуальная керосиновая лампочка-коптилка делается из пузырька из-под духов или мятной водки. Сайгонские власти поставили себя в смешное положение, запретив старьевщикам продажу этих безобидных пу-

зырьков, объявив их «стратегическим материалом».

Но перекупщики различными способами обходят запрещения. Так, например, они наливают в каждую бутылочку немного ароматизированного кокосового масла, которым женщины смазывают свои длинные волосы. После этого перекупщики со спокойной совестью могут отвечать полицейским, что торгуют духами. В освобожденной зоне это масло идет на смазку оружия, а пузырьки с помощью хлопчатобумажного фитиля, пулеметной гильзы и маленькой пружинки из шариковой ручки превращаются в герметические лампочки. Колпачок обычно делается из дюралюминия, добываемого со сбитых американских самолетов.

Во время ночных переходов партизаны защищают пламя этих коптилок листом дерева «чунг-куан», лакированная поверхность которого служит рефлектором. Этими же листьями, которые, даже высохнув, долго не воспламеняются, покрывают крыши хижин, что уменьшает возможность возникновения пожара при бомбардировке.

С помощью оружия, захваченного у врагов или изготовленного кустарно в народных арсеналах, партизаны умело защищаются от многочисленных опасностей в джунглях. В первые дни Сопротивления, когда во всем была нехватка, крестьяне помогали военным врачам изготавливать медикаменты первой необходимости, используя то, что имелось тут же, под рукой, что давали сами джунгли.

Каждый носит при себе таблетки, в состав

которых входят сок растения, содержащий противоядное вещество, и слюна некоей ящерицы, большой любительницы змей.

— Укус самой ядовитой змеи для нас больше не страшен,— подтвердил мне военный врач.

Что же касается продуктов питания, то благодаря освобожденным деревням и поднятой целине их сейчас втрое больше, чем было во время войны с французскими агрессорами. Каждый боец ежедневно получает литровый котелок риса и, кроме того, его снабжают полковые группы охотников и рыболовов. Благодаря ловкости охотников и рыболовов «нашей» воинской части у нас в меню зачастую фигурировали тетерев, косуля, кабарга, дикобраз или гиббон... Как изысканным блюдом нас обещали угостить мясом одного из трех тигров, бродивших по этому участку, но мы уехали слишком быстро, так и не успев его отведать.

Раньше иногда удавалось убить слона, но потом, как нам рассказали, уцелевшие слоны мудро предпочли нарушить границы соседних государств и уйти в более спокойные места.

При малейшей тревоге по свистку человека, следящего за небом, все блестящие предметы и все белое мгновенно исчезает. Дым очага из-под общего котла, прозванного «котлом Дьен-Бьен-Фу», отводится по дымоходам, прорытым в земле, и выходит наружу далеко от места нашего расположения. Ни огороды, ни посевы, ни дым не дают возможности американским самолетам обнаружить местонахождение военных поселений. Овощи и рис вы-

рациваются на расстоянии нескольких километров от этих поселений, на участках, где крестьяне-солдаты подняли целину. А густолиственные стебли маниоки (самого лучшего «стратегического» продукта питания, поскольку она растет быстро и где угодно) совершенно незаметны в непроходимых зарослях.

По сравнению с тем, что выдержал этот народ, который с 1955 по 1960 год был совершенно безоружен, а сейчас оказывает стойкое сопротивление военной мощи такой державы, как США, все те трудности, которые нам самим пришлось преодолевать, казались ничтожными.

VII

Можете мне поверить, я испытала это на себе: каждый, совершенно не умея плавать, сможет переплыть реку с тремя высушенными кокосовыми орехами у пояса вместо спасательного круга. Каждый, если он этого действительно захочет, сможет перейти через пропасть по стволу сваленного дерева, когда путеводной нитью и опорой для равновесия служит только хрупкая лиана. Каждый, как и все бойцы Национального фронта освобождения — и мужчины, и женщины, — может привыкнуть считать джунгли, несмотря на черных скорпионов, на ядовитые колючки, на молниеносно нападающих змей, на светящиеся по ночам зеленые глаза хищников и на пиявок, присасывающихся к ногам или падающих за шиворот, своим домом, куда он возвращается с опасного задания, радуясь,

что остался в живых. Каждый может чувствовать себя очень богатым и очень веселым, таская все свое имущество у пояса. Для этого нужно только иметь определенную цель в жизни и чувствовать, что ты окружен друзьями.

С 1954 года, когда каждый сторонник соблюдения Женевских соглашений навлекал на себя преследования полиции Дьема и его американских хозяев, многим интеллигентам из Сайгона или Гуэ пришлось обучаться жизни в джунглях. Многие нашли убежище на Высокогорном плато и сумели выжить только благодаря племенам из национальных меньшинств, которые хотя и носят лишь набедренные повязки и остались на уровне «бамбукового века», неизмеримо более человечны, чем «цивилизованные» поборники «особой войны».

В одной из воинских частей, в которых я побывала, я встретила странного, сухого, как тростинка, маленького человечка, крупного специалиста своего дела из группы охотников (своего рода интендантской службы). Он уходил каждый вечер со снайперской (американской) винтовкой в руках, прикрепив лампочку к шлему, как это делают шахтеры.

Лампа предназначалась для ослепления зверей, которых словно гипнотизирует этот одинокий глаз. Охотник по расстоянию между светящимися в темноте глазами зверя распознавал, с кем имеет дело — с каким-то рогатым животным или с тигром.

У тигра глаза расставлены очень широко, словно они раскосые. Он очень нежно, по-кошачьи мяукает или коротко, хрипло лает. Иногда по ночам мы слышали его совсем

близко от наших гамаков. Обычно впереди него летит птица, которая надеется поживиться остатками его жертвы. Эта птица кричит: «бонг-бонг», и плохо вооруженные партизаны, заблудившиеся в джунглях, очень пугались ее криков в начале второго Сопrotивления.

— Тигр не нападает на людей, пока у него не было случая отведать человечины, — рассказал мне охотник. — В нашем районе такой случай был. В 1960 году тигр растерзал несколько раненых. Это был старый хищник, с наслаждением пожиравший людей, которых ему удавалось похитить. Однажды, чтобы навсегда избавиться от него, с согласия родственников нашего погибшего бойца мы заминировали его наполовину обглоданный тигром труп. Когда тигр вернулся, чтобы доестъ свою жертву, его разнесло на куски. С тех пор тигры больше никогда не нападали на нас. Но что касается охоты на хищников, люди из племен «жаран» и «раде» гораздо опытнее нас. Им я обязан своим охотничьим умением.

Когда по ночам, лежа в гамаках, мы слышали один-единственный выстрел, мы уже знали, что завтра на обед будет мясо. Нашему охотнику никогда не было нужды стрелять дважды. Он читал следы зверей в лесу, как Последний из могикан. Но это не мешало ему говорить на безупречном французском языке, то и дело цитируя классиков. По ним он, видимо, изучал его.

Вскоре я убедилась, что охотник на крупных хищников не был, так же как и я, создан для жизни в лесу.

Позже мне пришлось общаться с людьми еще более необыкновенными, чем этот охотник-эрудит. Историю таких людей я узнавала только случайно, потому что в джунглях существует правило никогда не задавать лишних вопросов.

VIII

Труд репортера отчасти похож на труд золотоискателя. Сколько камней приходится перевероршить, пока отыщется самородок, который один вознаградит за все опасности долгого пути! Обычно приходится расспрашивать уйму людей, прежде чем удастся встретить человека, который, просто и бесхитростно рассказав о том, что он пережил, сумеет дать вам ключ к пониманию событий. В Южном Вьетнаме было не так. Здесь мы натыкались на золото на каждом шагу.

Как-то нам встретился старый крестьянин с жидкой седой бороденкой, одетый в латаную-перелатанную черную одежду. Это было в конце того единственного дня, когда мы не записали ни одного рассказа. У порога своего дома он напоил нас молоком кокосового ореха и рассказал под шорох банановых листьев в саду:

— Враги вовсе не так сильны, как кажется. Чтобы их одолеть, надо хорошенько пошевелить мозгами и запастись терпением... В 1959 году у меня было много свободного времени: дочь была в тюрьме, зять — в армии на Севере. Землю, которую я получил во времена первого Сопrotивления, у меня отобрали.

Солдаты соседнего военного поста грабили и притесняли крестьян нашей деревни. Нам было нечем защищаться. Сидя у своего порога, я изучал привычки марионеточных солдат. Я заметил, что на территории поста они снимали сапоги и разгуливали босиком, чтобы чувствовать себя свободней. И вот однажды я взял фасоль и замочил ее в воде. Когда эта фасоль хорошенько разбухла и стала совсем мягкой, я навтыкал в нее швейных иголок. Из каждой фасолины получилось нечто вроде ежа, у которого колючки торчат во все стороны. Потом я дал этой фасоли затвердеть, высушив ее на солнце.

При первом же удобном случае, якобы желая выслужиться перед офицером, я понес ему фрукты, а заодно... «посеял» свою фасоль во дворе поста.

На следующий день среди врагов оказалось немало хромых. Воткнувшись в ногу, иголки ломались, а как вы знаете, в нашем климате малейшая ранка моментально начинает гноиться... Но я решил сделать кое-что почище...

В джунглях я поймал одну из самых ядовитых змей. Их там хватает. Засадил змею в бутылку с солью и оставил на солнцепеке. Время от времени я встряхивал бутылку и держал в ней змею до тех пор, пока она не начала разлагаться. Но я позабыл сказать, что вместе со змеей сунул в бутылку кучу швейных игл...

Короче говоря, я повторил предыдущую операцию. Но на этот раз в фасоль были воткнуты отравленные иголки. И вот через

несколько дней треть вражеских солдат была отправлена в главный госпиталь.

Я сообщил об этом партизанскому отряду, который был тогда совсем невелик и плохо вооружен. Партизаны внезапно напали на обезлюдивший пост. И это была, по-моему, их первая победа. С трофейными автоматами, которых с каждым сражением становилось все больше и больше, они в конце концов отбили у американцев даже тяжелые орудия.

И старик закончил свой рассказ такими словами:

— Если людей заставляют слишком сильно страдать, они, как видите, всегда находят способы борьбы.

Свои способы борьбы народ Южного Вьетнама вынашивает в сердце еще с 1954 года, когда при Нго Динь Дьеме здесь воцарился «ад на земле».

В 1954 году мы с Бэрчеттом уже встречались во Вьетнаме, но в тот раз это было к северу от 17-й параллели.

Были подписаны Женевские соглашения. В соответствии с этими соглашениями части народной армии уходили из освобожденных ими районов Южного Вьетнама и перегруппировывались на Севере. Отходя на Север, муж-солдат, уроженец Юга, в самом лучшем случае мог успеть только наскоро поцеловать жену и детей.

Мир разлучил семьи точно так же, как их разлучила война. Но каждый верил, что увидит своих близких в 1956 году, когда должны были состояться всеобщие выборы в целях воссоединения страны.

Я не забыла, что говорили нам тогда эти солдаты с Юга. Один из них осторожно вынул из мешка подарок какой-то старой женщины, полученный им перед посадкой на пароход. Это была горсть земли, завернутая в кусок парашютного шелка. Земли Южного Вьетнама.

— В пятой зоне, — рассказал солдат, — когда мы собирались грузиться на пароход, люди пригласили нас в новую школу, которую они только что построили. «Видите, — говорили они нам, — мы строим, мы продолжаем надеяться. Через два года мы воссоединимся». Из городов съехались люди, чтобы увидеть наконец солдат Вьетмина и знамя с золотой звездой. Люди смеялись, хлопали в ладоши, а глаза у всех были полны слез.

По Женевским соглашениям в Южном Вьетнаме нельзя никого подвергать репрессиям и преследовать за его убеждения; нельзя допускать никакого иностранного вмешательства, а тем более вооруженного.

Известно, что сделали американцы с этими соглашениями. Но, выбрав Южный Вьетнам в качестве пробного камня в неокOLONиальной «особой войне», Пентагон допустил серьезную ошибку. Он недооценил силу и стойкость вьетнамского народа.

IX

Во Вьетнаме любовь к семье всегда имела большое значение, а теперь тем более: на Юге из ста семей не найти и одной, члены которой не были бы разлучены. Вот почему, куда бы

мы ни пришли, приветствовавшие нас крестьяне спрашивали не только о нашем здоровье, но и о здоровье наших детей, и в особенности родителей. Новости здесь распространяются быстро, и они знали, что нам с Бэрчеттом выпало большое счастье: наши семьи были целы.

Нам даже стыдно было отвечать, что, когда мы уезжали, у нас все было благополучно. Потому что один из спрашивающих, например, не имел никаких вестей о своей жене с 1959 года, а у другого погибли все близкие. В то время, в октябре 1959 года, в Южном Вьетнаме был издан закон о создании специальных военных трибуналов, которые без всякого следствия, без каких-либо доказательств, без признания подсудимым своей вины приговаривали его к пожизненной каторге или к смерти на основании одного лишь подозрения в «подрывных умыслах». Приговор, не подлежащий обжалованию, немедленно приводился в исполнение. Мы повсюду наткнулись на следы тех мрачных времен, когда солдаты Дьема переходили из деревни в деревню с переносными гильотинами и публично казнили предполагаемых преступников на глазах у собравшихся крестьян.

Больше всего подвергались преследованиям жены и матери солдат, отведенных вместе со своими частями на Север. Американцы сделали то, чего никогда не осмеливались сделать французские колонизаторы: они начали отправлять в тюрьму на острове Пуло Кондор даже женщин. Нам довелось повидать в госпиталях Фронта нескольких чудом уцелевших

узниц этой тюрьмы. Во время судебных процессов по «изобличению коммунистов» все было пущено в ход, чтобы заставить жен бывших бойцов Сопротивления отречься от своих мужей. Женщинам угрожали, что поступят с ними, как с врагами государства. Но тщетно. И тюрьмы вырастали как грибы.

Школы, построенные в надежде на возвращение народной армии, превращались в тюрьмы, так же как церкви и пагоды. В такой маленькой провинции, как Фу-Ен, с населением едва достигающим 250 тысяч, насчитывалось не менее 119 мест заключения, где томились тысячи людей, в том числе дети. Фактически весь Южный Вьетнам с 1954 по 1960 год представлял собой огромный концентрационный лагерь.

Во время нашей поездки мы иногда замечали около освобожденных деревень небольшие пагоды, в которых курились палочки ладана. Крестьяне построили эти пагоды в память того или иного патриота, революционного борца, буддиста или каодаиста¹. Истории, которые мы при этом узнавали, всегда были очень схожи.

Это происходило в период с 1955 по 1960 год, во времена процессов по «уничтожению коммунистов». Арестованного выводили на подмости, сооруженные в центре деревни. Ему приказывали публично продемонстрировать свою полную покорность, встать на колени перед портретом Дьема. Если он отказывался, его подвергали различным пыткам,

¹ Каодаисты — члены религиозной секты.

которые на жаргоне палачей назывались «свиной клеткой», «поездкой в Дакоту», «путешествием на подводной лодке», «изгнанием бесов». (В последнем случае на арестованного надевали мешок и под оглушительные удары гонга пронзали его саблями, а потом обливали бензином и сжигали.)

И революционерам, не имевшим тогда никакой другой трибуны, кроме этих подмошков, где их пытали, удавалось своим героизмом, своей смертью взволновать толпу.

Зачастую после такого зрелища, устроенного с целью запугать людей, крестьяне с голыми руками набрасывались на наемников, чтобы отнять у них оружие. В те времена и были построены маленькие пагоды. Тысячи раз уничтожали их полицейские, но жители деревень вновь и вновь отстраивали их по ночам, хотя и знали, что это грозит пожизненным заключением...

Все нынешние руководители Национального фронта освобождения Южного Вьетнама пережили это кровавое время. Некоторые из них были в Сайгоне в 1959 году, когда рабочие и безработные в количестве 931 человека (это официальная цифра), обезумев от голода и отчаяния, покончили с собой задолго до жертвенных самосожжений бонз. Большинство этих людей сожгло себя, облив одежду бензином. Перед смертью они послали Дьему письма протеста.

Тогда же агенты охраны в пригородах Сайгона, так же как и в Камау, хвалились тем, что пьют в качестве «подкрепляющего средства» виски с желчью «вьетконговцев»,

только что взятой у еще живого пленника. В стране, где, судя по народной поговорке, источником смелости является не сердце, а печень воина, это было зловещим, каннибальским воздаянием почестей отваге патриотов.

В Зя-Дыне мне назвали имя префекта Хонанга Чонга Биня, который только за октябрь 1961 года приказал выпотрошить тринадцать человек, потому что печень «вьетконговцев» высоко котировалась на черном рынке в Сайгоне.

После первых террористических облав бойцы подполья укрылись в деревнях под землей; их прятали, как прячут в глубоких тайниках семена для нового урожая. Иногда они прятались под водой, где обычная тростинка давала им возможность дышать. Я горжусь тем, что была представлена одному из таких революционеров, которого — увы! — не могу ни назвать, ни описать, потому что он сейчас, как всегда, находится в самом пекле боя, в городе, оккупированном американскими войсками. Я никогда не забуду этого одетого в старенький свитер с загнутым воротником шестидесятилетнего человека с удивительно молодыми, хотя и усталыми глазами. В мрачные времена он прожил пять лет под землей и выходил только по ночам, чтобы поддержать дух населения и поднять его на борьбу. Его так сильно любили и берегли, что он ни разу не был арестован.

Я думаю, что ни один народ на свете не перенес молча столько страданий, сколько выпало на долю южновьетнамского народа, и не

относился с таким уважением, как он, к подписанным соглашениям. В то время, как Женевские соглашения были растоптаны и запятнаны кровью, американское военное командование, усиленное новыми группами «советников» и получившее новые партии воинского снаряжения, официально располагалось в Сайгоне, южновьетнамские патриоты упорно отказывались взяться за оружие, надеясь, что мировое общественное мнение поможет им заставить уважать их права. Они боролись против ада войны манифестациями протеста, шагая без оружия навстречу пулеметам, нацеленным в них не для того, чтобы их запугать, а чтобы стрелять. И пулеметы стреляли.

Только в 1959 году началось то, что шахтеры называют «взрывом угольной пыли». В южновьетнамских деревнях, где никто, абсолютно никто не мог жить спокойно, стали раздаваться взрывы, вначале одиночные, совершенно не связанные между собой. Стихийно началась вооруженная борьба. Она была делом религиозных сект, жестоко пострадавших с приходом Дьема к власти, так же как и делом тех крестьян и рабочих, которые воевали еще в рядах Вьетмина. Она была делом всего народа. Сама колониально-захватническая политика американских «советников» своими «психологическими ошибками» породила второе южновьетнамское Соппротивление.

Чтобы понять неудачи Пентагона в этой стране, нельзя ни на минуту забывать, что именно в Южном Вьетнаме всегда, в течение многих веков, возникали крестьянские бунты,

восстания против феодалов или чужеземных захватчиков.

Южновьетнамцы с гордостью напоминают, что вот уже двадцать пять лет они постоянно находятся «на гребне волн, на переднем крае защиты от вихрей». В дельте Меконга 23 ноября 1940 года начались первые восстания против французских колонизаторов. На Меконге в сентябре 1945 года разгорелись первые битвы, и этот пожар войны год спустя перекинулся на Север страны.

В 1954 году американские «советники» приказали конфисковать у крестьян рисовые поля, прежде принадлежавшие феодалам-коллорабационистам и розданные крестьянам год-два тому назад в соответствии с аграрной реформой. Ни в одной стране на свете нельзя безнаказанно отнять землю у крестьян. Новые землевладельцы были приспешниками Дьема. С помощью полиции они подавляли освобожденных до 1954 года крестьян, которые впервые после многовековой нищеты и угнетения смогли наконец досыта насладиться плодами своей щедрой земли. Потом Пентагон решил оторвать южновьетнамского крестьянина от его соломенной хижины, от могил предков, от крохотного огорода, от садка, в котором хранится рыба, и запереть его, как скот, за колючей проволокой «стратегических деревень». Вместо того чтобы «изолировать рыбу от воды», как этого хотели американские специалисты, эта мера «превращала воду в рыб». Каждый крестьянин, даже никогда не бывший бойцом, становился им под ударом новых, обрушенных на него бед. С этого

момента он уже не ограничивался тем, что помогал бойцам, он сам при первом же удобном случае становился таким бойцом.

Знаменитая поэма «Люк-Ван-Тьен», написанная более века назад Нгуеном Динь Шьё, певцом Южного Вьетнама, передаваемая из уст в уста, из поколения в поколение, в первые времена вооруженной борьбы цитировалась чаще, чем когда бы то ни было:

«Наши крестьяне ненавидят вражеских солдат
Так же сильно, как сорняки на полях...»

Не в первый раз за свою историю южно-вьетнамские крестьяне решили избавиться от сорняков свою страну...

На этот раз враги превратили весь Южный Вьетнам в ультрасовременную военную базу с аэропортами, военными гаванями и взлетно-посадочными полосами для бомбардировщиков.

XI

Расспрашивая бойцов, мы с Бэрчеттом были поражены тем, что начало военных действий совершенно невозможно соотнести по времени с каким-либо определенным событием. В разных районах взрывы происходили в самое разное время в зависимости от степени жестокости угнетателей. Перед угрозой полного истребления восставали целые деревни и целые племена, вооружившись топорами, ножами, бамбуковыми копьями, серпами...

И все же борьба долго оставалась оборонительной. Признаюсь, я была крайне удивлена,

когда мне рассказали о бесконечных спорах патриотов при определении характера того или иного кустарного оружия, изобретенного крестьянами,— оборонительное оно или наступательное. Патриоты не хотели, чтобы кто-нибудь мог обвинить южновьетнамцев в нарушении Женевских соглашений...

Эти споры имели место в 1959—1960 годах. В деревнях тогда воскресала старая, с успехом использованная во времена первого Сопротивления традиция расстановки капканов и устройства западней и ловушек всякого рода, применявшихся ранее при охоте на крупных хищников. Эти западни отбивали даже у хорошо вооруженных марионеточных солдат всякую охоту делать прочесывания.

Издали, и даже совсем вблизи, кажется, что деревни не защищены ничем, кроме бамбуковой ограды вокруг домов. Но на дне бесчисленных, умело замаскированных рвов и ям в одних деревнях вбиты колья, в других — острые крючья, в третьих — отравленные колья, готовые проткнуть насквозь каждого, кто свалится в них. Бывают даже совсем маленькие западни для одной ступни, от которых не спасает даже самая крепкая обувь... Их устраивают вокруг домов, вокруг деревень; их полным-полно в насыпях между рисовыми полями, так же как и на тропинках в лесу и бродах через речки. Еще и сейчас крестьяне тратят большую часть своего времени на неустанный совершенствование оборонительной системы освобожденных деревень. Эта работа проводится сообща, и старики

дают советы, основываясь на своем жизненном опыте.

Я повсюду видела, как женщины и девушки (поскольку все мужчины ушли в Армию освобождения) копают эти рвы и утыкивают их кольями.

— Мы роем могилы для американцев,— говорили они.— Если они оставят в покое нашу деревню, им ничто не угрожает. Но если они нападут на нас, они сами приблизят свой смертный час.

И они не забывали предупредить сайгонских солдат, повесив у входа в деревню плакат с надписью: «Вьетнамские солдаты, эти западни устроены не для вас, а для агрессоров-янки».

Абсолютно невозможно проникнуть без разрешения в одну из таких укрепленных деревень. Секрет каждой из них известен только ее жителям. Вот почему нам приходилось шагать очень точно по следам наших проводников. Но несмотря на эти предосторожности, сколько раз мы с Бэрчеттом рисковали нарваться на кол в этих, не для нас предназначенных западнях, просто потому, что мы неосмотрительно делали шаг в сторону, чтобы выбрать лучшую точку для фотосъемки! К счастью, всегда находилась дружеская рука, чтобы вовремя нас удержать.

Замаскированная западня совершенно незаметна. Прежде всего аккуратно срезается верхний слой почвы вместе с травой. Когда западня готова, дерн кладут обратно на покрывающую яму легкую решетку из тонких

прутьев: ловкая работа, выполненная маленькими руками искусных рукодельниц.

Вот уже свыше двадцати лет вьетнамцы совершенствуют свое кустарное оружие. На Юге проводятся конференции партизан, на которых делегаты, съехавшиеся из всех зон, обмениваются своими последними изобретениями. В июле 1964 года на конференции партизан, которые, безусловно, являются самыми опытными на свете в этом отношении, было перечислено свыше тридцати особенно эффективных типов западни с кольями. Двадцать провинций, в частности провинции в дельте Меконга и в окрестностях Сайгона, были награждены за изобретательность. Была упомянута также группа девушек с Высокогорного плато. Со своей стороны, мне очень хотелось, чтобы был отмечен и тот старик, историю которого я рассказала выше, — изобретатель фа-соли с иголками. Но мне совершенно справедливо заметили, что подобных изобретений не счесть.

Если бы мне пришлось присуждать премии, я, пожалуй, выбрала бы племена «раде» и «жараи», которые мы засняли на кинолентку на фоне гор и водопадов, в джунглях, где на верхушках деревьев над тропинками таятся «бесшумные бомбы» — ошетилившиеся во все стороны острыми стрелами тяжелые обрубки дерева, которые сторожат тропинку и обрушиваются на каждого, кто наступит на одну из лиан, ничем не отличающуюся от других. В том же оборонительном арсенале есть еще одно оружие, которое мы называли «молотком для отбивания бифштекса», — это

решетка, утыканная шипами, падающая отвесно из скрывающей ее листвы. Есть еще и деревянные тележки, нагруженные камнями, которые могут быть сброшены со скал, нависающих над тропинкой, совсем как во времена «Песни о Роланде».

Чем может защититься даже отлично вооруженный враг от луков, нацеленных на единственный доступный проход и срабатывающих автоматически, выпуская за раз десятков стрел, причем малейшая царапина, сделанная каждой из них, смертельна? Стрелы отравлены соком растений, и только одному какому-нибудь старику из всего племени известно противоядие. Война по законам «бамбукового века» заставила бежать из этих краев господ американских «советников»...

А в Дельте создана своя воздушная армия. Крестьяне разыскали в лесу и поселили вокруг деревень рои диких пчел, величиной с большой палец. Несколько укусов таких пчел достаточно, чтобы убить человека. Их терпеливо дрессируют старики: спрятавшись в яму, они ударяют по пчелиному улью палкой, держа за привязанную к ней веревку. Подвергшиеся подобному нападению разъяренные пчелы ищут того, кто их побеспокоил. Крестьянин раздраживает их таким образом несколько дней, пока они окончательно не расвирепют. Тогда им приносят в жертву поросенка, которого они моментально зажаливают до смерти.

Обученные и выдрессированные таким образом пчелы, услышав удары палкой по улью, набрасываются так же на солдат, явившихся

в деревню с облавой. Это — неожиданная и грозная атака, которая застаёт врасплох правительственных солдат и «советников», не имеющих в своем современном снаряжении никаких средств защиты от боевых пчел... Они либо бросаются с тропинки в стороны и падают в ямы с кольями на дне, либо, в лучшем случае, уже не думают нападать, а только стараются спасти свою шкуру. А тем временем хорошо замаскированные партизаны пользуются создавшейся обстановкой.

Мне долго объясняли в деревнях, что существуют различные виды пчел: некоторые, отразив нападение, тотчас же возвращаются в свой улей, другие преследуют врага несколько сот метров и, наконец, третьи, наиболее ценные, самые мстительные, остервенело и яростно преследуют отступающих беглецов очень далеко, иной раз до самого поста.

Крестьяне любят свою «воздушную армию».

— В начале борьбы, когда мы были безоружными, пчелы защищали нас, — говорили они мне. — Наши враги могут расстреливать людей, но им никогда не удастся расстрелять пчел.

ХII

На квадратном листке бумаги, приклеенном вареным рисом к стволу баниана¹ у перекрестка, было написано:

«Борьба длится долго, но с каждым годом мы все ближе к победе».

¹ Б а н и а н — вид индийских фикусов огромных размеров.

Фраза, над которой стоит поразмыслить; незнакомый боец с мешком за плечами хотел таким образом оставить о себе память.

Во всех освобожденных районах, где мы побывали, деревни, типографии, мастерские кустарного оружия и лаборатории зарыты в землю и тщательно замаскированы в предвидении долгой войны, которая всегда тем более жестока по отношению к гражданскому населению, чем ближе победа.

«Долгое сопротивление» — так окрестили вьетнамцы свою борьбу еще против французских колонизаторов.

— Лучше быть готовым пройти двадцать километров, а на пятнадцатом обнаружить, что ты уже достиг цели,— объяснил мне один из руководителей Национального фронта освобождения.

Какая выдержка перед лицом отлично вооруженного агрессора, который, расходуя сотни тонн взрывчатки, наносит удары по рисовым плантациям и по джунглям, чтобы убить крестьянина, связного или нескольких школьников!

Мы с Бэрчеттом посетили одну из укрытых в джунглях фабрику, где мастерят «богомол».

— Это оружие теперь сильно устарело,— сказал нам директор Нгуен Ван Муой.— Оно было очень полезным в 1960 году, в начале нашего вооруженного Сопротивления, когда нам надо было отбивать оружие у врага. «Богомол» представляет собой отрезок водопроводной трубы, установленный на двух тонень-

ких ножках. Он похож на насекомое и этим заслужил свое прозвище. Ствол заряжают порохов и куском металла. Чтобы выстрелить, дергают за шнур. Сила огня была достаточно велика, чтобы устрашать и уничтожать палачей Дьема, не ожидавших натолкнуться на такой отпор во время кампании по истреблению патриотов, которых они всех подряд окрестили «вьетконговцами» и поголовно убивали. В рядах врагов из уст в уста передавались самые разнообразные легенды об этих «новых минометах неизвестного образца».

С нашими базами, — продолжал Нгуен Ван Муой, — сделанными из свинцовых труб, с ложной военной техникой, вырезанной ножом из стволов бананового дерева, годной только для деморализации врага, мы раздобыли себе первые винтовки «made in USA», первые автоматы, и по мере накопления оружия наш партизанский отряд принимал новобранцев. Добровольцев — восемнадцати-, двадцатилетних парней было сколько угодно.

Каждая семья пострадала от репрессий, в том числе и семьи из средних, зажиточных классов. Этим и объясняется, почему стало возможным образование 20 декабря 1960 года Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, объединившего в борьбе всех патриотов — представителей разных социальных классов, разных религий, партий и национальных меньшинств... С тех пор вооруженные действия мелких автономных групп, рассеянных по стране, начали подчиняться единому руководству и, следовательно, стали координированными.

— До создания Фронта,— подчеркнул Нгуен,— враг мог сосредоточить значительные силы, чтобы подавить порознь каждый пункт сопротивления. Когда же эти пункты объединились и сорганизовались, мы, южновьетнамцы, начали регулярно наносить врагу все более и более сокрушительные удары одновременно в нескольких местах, и наши потери с каждым годом все больше сокращались.

Первые подразделения формировались в виде «отрядов вооруженной пропаганды». Они и послужили ядром регулярной армии Фронта, которая перешла сейчас к наступательным действиям. Точно так же в прошлом первые партизанские отряды, созданные в 1944 году, увеличивались из года в год, пока в 1954 году не превратились в мощную народную армию, сумевшую одержать победу при Дьен-Бьен-Фу.

— В 1960 году я был у себя на родине в Долине Тростников. Наш отряд организовался весной на сахарном заводе,— рассказал Чан Хьё Минь¹, который вместе с нами посетил оружейную мастерскую.— У нас было больше ножей для резки тростника, чем винтовок. Теперь это уже не военная тайна: в отряде было всего одиннадцать человек, один «томпсон»² без приклада, два автомата и две винтовки.

Местом нашего сбора после выполнения заданий в деревнях была крошечная фабрика папаши Бая, расположенная в стороне от до-

¹ Вице-президент Ассоциации писателей и художников, борющихся за освобождение Южного Вьетнама.— *Прим. автора.*

² Автоматический карабин системы Томпсона.

рог. Его жена, которую мы называли мамашей Бай, приносила нам еду после полуночи. Она завертывала рис в листья банана, заготовленные накануне. И прежде чем займется день, бывало, проскальзывала к нам со своей корзинкой. Она рисковала головой.

Американцы и Дьем устроили у нас такой ад, после которого, как они думали, мы все должны быть мертвыми или сломленными. А себя они считали хозяевами на нашем кладбище... Но внезапно, весной 1960 года, мы дали им почувствовать, что мы живы! И не просто живы! Самые жестокие из марионеток начали дрожать первыми. Одиннадцать партизан с деревянными винтовками, мы хитростью захватывали вражеские посты.

Во время наших операций крестьяне по нашей просьбе били в гонги, там-тамы и поднимали невообразимый шум. Военная хитрость подростка, героизм женщины, совет старого крестьянина зачастую помогали нам склонить чашу весов на нашу сторону.

Пополнившись десятками новых бойцов, наш отряд, родившийся на фабрике папаши Бая, получил название «батальон 502». Ему было вручено знамя Фронта, красно-голубое с золотой звездой. В отряд входили также патриоты из религиозной секты Хоа Хао, которую Дьем пытался истребить.

«Батальон 502» вырос, подобно герою Фу Донгу¹, окруженный любовью и заботами

¹ Сказочный герой, который, будучи ребенком, внезапно превратился в могучего воина, чтобы защитить свою родину от чужеземного нашествия. — *Прим. автора.*

сотен таких людей, как папаша Бай. Они поддерживали нас тем, что вели политическую борьбу, осаждали внезапно появившихся ма-рионеточных солдат, задерживали разговорами, угощали рисовой водкой, а потом потихоньку вытаскивали из их патронташей пули и патроны и отдавали нам.

Нередко, когда мы были только еще маленьким ядром будущего партизанского отряда и когда нас окружали превосходящие силы противника, местные жители говорили нам: «Не покидайте наш район. Мы позаботимся о вас. Пока мы живы, будете жить и вы». И они держали свое слово.

В то время как наши хозяева делятся воспоминаниями, дочь Нгуена, десятилетняя школьница, приносит крошечные чашечки, разрисованные драконами, и исчезает. Мы пьем очень крепкий зеленый чай без сахара. Я восклицаю:

— У-Тэ-Ку! — проявляя свои недавно приобретенные познания в языке. Это выражение является сокращением слов «пить крепкий чай». В то же время оно дает пищу для различной непереводаемой игры слов, полной типично южновьетнамского остроумия.

Все хохочут: я нашла ключ к общему языку. Рабочие мастерской подходят к нам поближе, и я в свою очередь, как почти на всех наших остановках, попадаю под перекрестный огонь вопросов:

— Как были организованы маки во время французского Сопротивления? А в Алжире?

Как и везде, нам поручают передать тысячи братских приветствий и спрашивают:

— Что думают у вас о нашей борьбе?

Когда нам удастся выбраться с этой лесной опушки на дорогу, мы замечаем, что она починена теми же местными жителями, которые недавно привели ее в негодность.

— Мы теперь уверены, — объясняет Минь, — что американцы больше не рискнут нападать на нас в этом районе. По крайней мере с суши. А дорога эта необходима для передвижения частей народной армии.

Кроваво-красный закат окрашивает почти созревшие рисовые поля на равнине. Что это? Только отражение заходящего солнца? Или весь горизонт объят пожаром после только что отгремевшей воздушной бомбардировки?

«Борьба длится долго, — было написано в прощальной записке неизвестного бойца, приклеенной вареным рисом к баниану на перекрестке, — но с каждым годом мы все ближе к победе».

— В 1965 году нам больше не нужны «богомолы», — сказал нам Нгуен. — Весь наш народ хорошо вооружен. В боях мы ежемесячно отбиваем у врагов столько оружия, что им можно обеспечить целый батальон. Это признают сами противники, — добавил Нгуен, смеясь. — Я слышал это в радиопередаче Би-би-си. Тем не менее нашей мастерской хватает работы.

Мы видим, как здесь изготавливают очень мощные мины, используя взрывчатку из неразорвавшихся американских бомб. Крестьяне бесстрашно собирают их на своих полях.

Рискуя жизнью, партизаны вывинчивают детонаторы.

На дорогах освобожденных районов мы не раз встречали странные процессии крестьян, доставляющих неразорвавшиеся бомбы в одну из своих мастерских. Бомба, подвешенная к жерди, которую несут на плечах два человека, медленно раскачивается, как туша крупного дикого зверя.

ХІІІ

В зеленом лабиринте джунглей, где мы днем и ночью шагаем по следам партизан, я начинаю различать нить Ариадны. Под сенью высоченных бавольников¹ с узловатыми корнями, среди лиан и латаний, где скрещивается тысяча тропинок, указателями нам служат знаки, оставленные бойцами разведывательного отряда: ветка, загораживающая тропинку, дорожка просыпанного риса, две скрещенные пальмы — все это ухищрения Мальчика с пальчик, благодаря которым мы не заблудимся и не наткнемся на вражеский пост.

Эти посты — инородные тела в освобожденных зонах. Продукты питания доставляют им вертолеты или сбрасывают с парашютом. Посты пытаются наносить удары издали, сосредоточивая артиллерийский огонь на деревьях или транспортных колоннах. Иногда они стреляют просто так, без цели, чтобы напомнить о своем нелепом существовании, чтобы поднять дух своих солдат.

¹ Бавольник — тропическое дерево.

— Словно рвут петарды на праздник, чтобы отпугнуть злых духов,— уточняет Нге.

Однако бывает, что, несмотря на все ухищрения, кто-нибудь заблудится. Чаще всего это случается с тем бойцом, которому поручают чинить велосипед. Это средство передвижения знаменито со времен Дьен-Бьен-Фу, но на едва заметных, усеянных колючками тропинках проколы и поломки неизбежны. Поскольку необходимо добираться к месту назначения до наступления ночи, приходится бросать вышедший из строя велосипед и пересаживаться на багажник товарища. А тот, кто остается чинить этот велосипед, догоняет нас на привале. Или только на следующий день. Потому что достаточно чуточку сбиться с верной тропы, чтобы потом блуждать часами и зачастую ночевать в одиночку в джунглях. На партизанском жаргоне это называется «ужинать с обезьянами». Каждый раз, когда кто-нибудь из нашей группы отставал таким образом, я боялась, что его сожрут хищники или захватят в плен враги. Однако подобное несчастье ни разу не произошло.

— Ни один американец не отважится отправиться пешком в джунгли. Он там долго не протянет. Джунгли наш друг, наша крепость,— объяснял начальник отряда Вуи.— А заблудившийся боец отлично изучил все ходы и выходы за те пять лет, что провел с нами. У него есть порция риса, гамак, винтовка, все необходимое. Тигр на него не нападет. Ни один тигр не нападает на человека, если тот не ранен. Нужно всегда оставаться на ногах перед тигром, и тогда он сам испугается.

...Мы едем на велосипедах. Внезапно, перед плотной стеной джунглей, сквозь которую на первый взгляд нет никакого прохода, Вуй просит нас спешиться. Мы с трудом продвигаемся вперед следом за Нге, который прорубает дорогу в колючих лианах.

Нге уже ветеран. Ему сорок лет. Двадцатилетние солдаты, которые нас сопровождают, считают этого крестьянина из пятой зоны стариком. Я знаю, он рубит колючки потому, что уколы некоторых из них могут вызвать лихорадку. Нге мой телохранитель. С тех пор, как однажды заметил, что я сорвала цветок, от сока которого вскакивают нарывы, он запрещает прикасаться к неизвестным мне растениям. Ему знакомо каждое дерево, каждый листик, каждое насекомое. С таким человеком, как он, мы, что бы ни случилось, чувствуем себя в безопасности.

За два-три часа ходьбы в ноги впивается уйма пиявок. Вот вход в подземелье. Мы спускаемся по крутой лестнице. Нас встречает электрическое освещение, о существовании которого мы почти забыли. Мы на студии радиостанции «Освобождение», которая ведет передачи девять раз в сутки, сообщая военные сводки, обращаясь к населению с призывами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Южновьетнамцы говорят с вьетнамцами не из какой-нибудь чужой страны, а из глубины своей собственной¹.

¹ Во время второй мировой войны радиопередачи «Голос Свободной Франции» из Лондона всегда начинались словами: «Французы говорят с французами». — *Прим. ред.*

Радиостанция смонтирована в недрах джунглей. Первые передачи состоялись в январе 1962 года. Здесь все упрятано под землей: студия звукозаписи, энергетические установки... Диктор, или «мадемуазель Свободный Южный Вьетнам», — так называл ее Бэрчетт, — оказалась совсем юной девушкой, по имени Ксуем Вьет. Две косы обрамляют бледное лицо, на котором лихорадочным, малярным блеском горят большие глаза. Она жила в Сайгоне и, порвав с семьей, ушла в партизаны. В лесу она обрела новую семью. Для миллионов вьетнамцев ее голос олицетворяет голос героического Юга.

— Я никогда не смела даже мечтать о том, что мне выпадет такая большая честь, — сказала она.

Оборудование было собрано из самых различных деталей, захваченных у противника или приобретенных в Сайгоне. На этих деталях мы обнаружили марки французских или американских фирм (например, Барлингтон, Айова, США). Электрогенерирующий агрегат, весом больше тонны, был доставлен сюда чудом — одним из тех чудес, с которыми ежедневно сталкиваешься в Южном Вьетнаме.

Нам, который в 1952 году работал на заводе Ситроена (и потерял там палец правой руки), словно о забавном случае рассказал о том, как тащили на себе и на волокуше из Сайгона этот закамуфлированный ветками агрегат. Тащили сотни километров, сквозь вражеские линии, избегая контролируемых противником дорог, прямо по рисовым плантациям. Когда же во время пути надо было погрузить

этот огромный агрегат на сампан, он своей тяжестью перевернул хрупкое суденышко и затонул на десятиметровой глубине.

— Пришлось, — сказал Нам, — привлечь местных крестьян. С их помощью мы подняли агрегат со дна и ночью перевезли эту тонну металла сюда, где по соседству бродят только тигры.

Несмотря на все старания, американской разведке так никогда и не удалось обнаружить местонахождение радиостанции Национального фронта освобождения. Популярность его передач огромна. Повсюду, включая Сайгон, их слушают гораздо охотнее, чем передачи правительственного радиоцентра. Американские «советники» не сумели придумать ничего лучшего, чем начать войну в эфире.

Сайгон организывает пиратские радиопередачи, используя позывные радиостанции «Освобождение», и распространяет ложные призывы, якобы исходящие от Фронта. Но южновьетнамское население не поддается на эту хитрость. Эти радиопровокации — лишнее доказательство популярности передач «Освобождения», которую признают сами враги.

XIV

В это время, перед рождеством 1964 года, господин Тейлор находился в Сайгоне и тщетно пытался захватить военную инициативу в свои руки. В Южном Вьетнаме уже не было ни одной зоны, в которой не чувствовалось бы

влияние Фронта, заметное даже на окраинах самой столицы, где часто гремел минометный огонь народной армии.

Тринадцать тайфунов, которые пронеслись один за другим в ноябре 1964 года и опустошили центральные районы Юга, не могли приостановить темпы развития национального движения, охватившего даже оккупированные города.

Мы повсюду встречали таких людей, как рабочий Нам, оптимистически настроенных, уверенных, оставивших позади двадцать лет невероятных трудностей, которые им удалось преодолеть своими собственными силами. Все они были настроены весьма бодро и в своей каждодневной жизни не забывали о том, что победа будет за ними.

«Всего несколько месяцев назад,— говорили они,— радио «Освобождение» вело только три передачи в день. Теперь оно ведет по девяти. Наши газеты уже печатаются в типографии и своим внешним видом — форматом, иллюстрациями, цветными вкладками — соперничают с газетами Сайгона, где, между прочим, почти открыто распространяются печатные издания Национального фронта освобождения. У каждой политической партии, примкнувшей к Фронту, есть свой орган печати.

В Сайгоне один за другим совершались государственные перевороты. Людей, окружавших нас, очень мало заботила эта грызня шакалов.

Подлинным правительством Южного Вьетнама является Национальный фронт освобождения».

И действительно, каждому, кто путешествует по Южному Вьетнаму не на вертолете, бросается в глаза, что различные центральные комиссии Национального фронта освобождения руководят всеми делами страны, начиная с экономики и кончая общественным порядком. Эти комиссии работают точно так же, как министерства. Все политические и религиозные группировки, объединенные Национальным фронтом, пользуются равными правами в этих комиссиях и решают вопросы в любой области на демократической основе. Например, с 1964 года комиссия народного просвещения унифицировала школьные программы на всей территории Южного Вьетнама и сама издает учебники.

Дети из оккупированных городов зачастую обучаются в находящихся поблизости школах освобожденных зон. Кроме того, мы имели возможность неоднократно убедиться в том, что Фронт не всегда и не всюду стремится убрать с занимаемых постов чиновников сайгонского правительства, потому что многие из них, состоя на жалованье у американцев, выполняют приказы Фронта. По вполне понятным причинам я не могу привести конкретных примеров.

С января 1965 года стало совершенно ясно, что в Южном Вьетнаме действуют только две силы: Национальный фронт освобождения и американские агрессоры, которые с бортов своих бомбардировщиков и вертолетов уже открыто вели истребительную войну. Сайгонские войска, совершенно обескровленные массовым дезертирством, в счет уже не шли.

Сколько дней пришлось нам идти, прежде чем мы увидели самую странную типографию на свете? Три, восемь?

В джунглях очень трудно сохранить ощущение времени. Мы погружаемся в лесную чащу, как на дно океана. Трудно представить себе, что над этим густым сплетением ветвей и лиан раскинулось небо.

Сколько времени прошло с тех пор, как нам удалось войти в эту войну с черного хода? Месяц? Год? Все дни похожи один на другой. И подобно солдатам, долгое время расквартированным под этой зеленой кровлей, мы начинаем тосковать по звездам, по широким горизонтам. Здесь горизонт всегда ограничен несколькими метрами.

Мне казалось, что я знаю растения Азии, азиатскую мимозу например, ее цветы — круглые сиреневые помпончики, ее тонкие листья, которые стыдливо свертываются, когда, забавляясь, чуть прикоснешься к ним. В Камбодже всего несколько недель назад, совсем в другом мире, я играла с мимозой в саду моей подруги Сики, фантазируя, что какая-то принцесса, умершая от неразделенной любви, вновь вернулась на землю в виде этого робкого растения.

Но в джунглях я ничего не узнаю, ни фауны, ни флоры. Все здесь совершенно другое. Гигантская мимоза превращается в свирепого дракона, который готов вцепиться в нас всеми своими когтями, когда мы пробираемся сквозь заросли. Нге понемногу обучает меня разбираться в том, что ядовито, а что нет. В течение двух дней я жила вместе

с ядовитейшим пауком, влюбившимся в мой магнитофон. Я считала его совершенно безобидным и надеялась, что он распугает москитов.

А как-то в дождливый вечер сотни каких-то насекомых, не то кузнечиков, не то пауков, набились в убежище, где находились мы с Бэрчеттом.

Прибежал Нге.

— Они совсем не вредные,— сказал он.— Их можно есть. Существует поговорка времен первого Сопротивления: «Можно есть все, что бегаёт по земле, кроме автомобиля; все, что плавает в воде, кроме парохода, и все, что летает по воздуху, кроме самолета...»

Мы наловили этих насекомых. Сваренные на пару и политые рыбным соусом, они на вкус были не хуже, чем термиты.

XV

В этих делянках, где можно было бы снимать фильм о Тарзане, разносился запах, который так хорошо знаком каждому журналисту: запах свежей типографской краски.

Типография, где печатаются в два цвета официальный орган Фронта «Освобождение», журнал Союза женщин, борющихся за освобождение Южного Вьетнама, и различные информационные издания для зарубежных стран на французском и английском языках, окружена самыми искусными западнями. Она частично находится под землей и опоясана сложной сетью бомбоубежищ и подземных ходов.

Для работников лесной типографии в отличие от их собратьев из парижских ежедневных газет нет никакой нужды устанавливать табло с напоминанием: «Посмотрел ли ты на часы?» Здесь могут забыть о том, какое сегодня число, но всегда приблизительно знают, который час. В джунглях есть свой распорядок дня, который вскоре стал привычным и для нас. Рассвет заявляет о себе каплями росы на наших москитных сетках. Джунгли плачут всеми своими листьями. Значит, уже около четырех часов утра. Это время принадлежит птицам, которые по-разному приветствуют наступление дня: или стучат, словно молотом по наковальне, или хохочут, как обезумевшие женщины, или сплетают для нас целые гирлянды песен. А затем гиббоны долго и старательно выводят свой гимн солнцу.

С появлением человека в хоре джунглей зазвучали новые голоса: бодро и дерзко запели петухи, родители цыплячьих выводков, высиженных в гнездах из переплетенных ветвей. Куры кормятся сами, отыскивая желтых муравьев и личинки. На рассвете в этом царстве тигров и скорпионов перекликаются петухи всех скрытых в лесу военных баз, окружающих типографию.

Около пяти часов люди уже встают. Десять минут утренней зарядки. Женщины научились за пять минут причесывать свои длинные волосы. Их зеркальце умещается на ладони. День начинается.

Только к десяти часам солнечным лучам, палящим на открытой равнине, удастся пробиться сквозь свод, скрывающий нас от

ударов «скайрейдеров». С трех часов пополудни на сцену врываются цикады. Их пронзительное стрекотание, похожее на резкий электрический звонок, предупреждающий в кинотеатрах Европы о начале сеанса, напоминает нам о том, что близятся сумерки. Делать фотоснимки уже поздно.

С пяти часов рабочие и солдаты отдыхают. Натянув сплетенную из лиан сетку между двумя деревьями, они играют в волейбол и громко кричат, как школьники на перемене. Час спустя все вместе слушают по транзистору последние известия, а затем ужинают и укладываются спать.

В восемь часов здесь так же темно, как у нас в полночь. Вокруг коптилок собираются на производственные совещания небольшие группы. Я слышу, не видя, в нескольких метрах от себя стук пишущей машинки Бэрчетта, вторящей стуку моей. Этот необычный шум вспугивает время от времени какого-нибудь зверька, змею или ящерицу, которые убегают, шурша сухими листьями.

Перед тем как помочь мне натянуть гамак, Куит, семнадцатилетняя девушка, добровольно вызвавшаяся охранять мой уголок леса, никогда не забывает начисто подмести полоску земли, над которой я буду спать. Метет она очень тщательно, терпеливо отгребая в сторону сгнившие листья и насекомых, как будто она убирает в комнате.

За эти два года, которые она провела здесь, пробравшись сюда с отцом, бывшим офицером сайгонской армии, и со всей остальной семьей, она поняла, что все должно быть в

полном порядке, как в снаряжении, так и в мыслях каждого обитателя джунглей. Это одно из условий, которые необходимо соблюдать, чтобы выдержать такой образ жизни.

XVI

— Здесь нам живется легко,— сказал мне Нгуен Нам, директор типографии. Он вполне искренен. Ему двадцать девять лет и с двенадцати лет он работает в типографиях.— Во время первого Соппротивления я работал наборщиком в нашей первой подпольной типографии среди болот Долины Тростников. У нас тогда не было ни противомоскитных сеток, ни гамаков, ни хинина. Мы были вынуждены работать, стоя в воде... А теперь вы сами видите, какая у нас роскошная обстановка!

Утки и целый выводок смешных мелких поросят шныряют между машинами. Я удивлена тем, что домашние животные, которым предоставлена полная свобода, не убегают в лес.

— Они не рискуют отойти от нас,— смеясь, объяснил мне молодой типограф.— Домашние птицы боятся хищников, которые бродят вокруг. Наше присутствие успокаивает их. А эти странные поросята получились в результате скрещивания наших свиней с дикими кабанами, которые по ночам приходят к ним в гости.

Работники этой скрытой в джунглях типографии кормят себя сами. Они выращивают маниоку, овощи и даже табак, занимаются охотой и разводят домашний скот. Прожив

среди них не один день, я могу «успокоить» американскую службу информации, которая уверяет, будто «на секретных базах «Вьетконга» люди вынуждены питаться дикими ягодами, чтобы не умереть с голоду». Даже если охота бывает неудачной, никогда не ощущается недостаток ни в мясе, ни в яйцах на заводах, в больницах, в лабораториях и университетах джунглей.

Дороже всего для патриотов — самодельные печатные машины. Они умудрились сконструировать их с той же изобретательностью, с какой крестьяне мастерят свое кустарное оружие.

— Типография — это самое лучшее оружие! — пылко восклицает директор.

В это время слышится стрельба с соседнего окруженного поста, где враги, снабжаемые только с воздуха, наверно, соскучились в полном одиночестве и палят по каждой замеченной тени. А может быть, это партизан доставлял бумагу.

Дело в том, что бумагу, разумеется, изготовляют не здесь. Бойцы доставляют ее издалека в рулонах по пятидесяти килограммов, по этим невероятно трудным тропам, без перерывов даже в шестимесячный период дождей, когда приходится пробираться по шею в воде. Работа в типографии ни разу не останавливалась.

В Азии подпольщикам труднее всего добывать металл. У каждого станка своя история, и некоторые из них стоили человеческих жизней. Все шло в переплавку, начиная с прутьев из оград уничтоженных «стратегиче-

ских поселений». Пригодились также куски арматуры с железобетонных мостов, подорванных партизанами. Если распилить их на нужную длину, из них получаются отличные кассы для латинского шрифта. И вот с таким самодельным оборудованием типографы умудряются на вращаемой вручную ротационной машине выпускать ежедневно по пяти тысяч экземпляров газеты. Спрос на нее очень велик и все возрастает, особенно в Сайгоне.

С печатного станка, установленного на рельсах, снятых со взорванного железнодорожного полотна, снимают по восьмисот страниц в час. На станке работают два юноши, семнадцати и девятнадцати лет. На бамбуковой перегородке — надпись: «Боремся за право называться бригадой имени Нгуен Ван Чоя»¹.

Здесь, как и в армии, жива память о молодом электрике, которого расстреляли в Сайгоне. В другом помещении висит надпись на красном фоне: «Нгуен Ван Чой — член нашей бригады».

В кузнице чинят старые и изобретают новые машины. Сырье поставляют старики и дети, которые собирают осколки бомб, обломки самолетов и вертолетов, сбитых партизанами. В тот день из куска дюралюминия там сделали нож для обрезки брошюр и школьных учебников.

¹ Нгуен Ван Чой расстрелян в 1964 году в Сайгоне за покушение на Макнамару. Перед казнью, уже привязанный к столбу, Чой в присутствии журналистов заявил о своей уверенности в том, что его народ изгонит американских агрессоров. — *Прим. автора.*

— Все, что американцы сбрасывают на нашу землю, чтобы уничтожить нас,— говорит Нгуен Нам,— мы собираем, чтобы обратить против них.

Винтовки прислонены к машинам, всегда под рукой. Но и гитара висит в раздевалке молодых типографов, всегда готовых потанцевать вечером после работы.

Больше всего в этой необычной типографии меня поразили корректоры, правящие издания на иностранных языках. С ними я познакомилась в последний вечер. Склонившись над коптилками, работали два юноши, один из Зя-Дыня, пригорода Сайгона, а другой из Бен-Че. Они и грамоте-то обучились только здесь, в школах Фронта. Разумеется, они не могли знать ни английского, ни французского языка. Но как старательно сверяли они незнакомые слова, буква за буквой! И можете мне поверить, они не пропускали почти ни одной ошибки.

На следующий день, распрощавшись с этим уголком джунглей, во время трудной переправы через поток по ненадежному, прозванному обезьяньим мосту мы встретились с группой бойцов, обливавшихся потом и согнувшихся в три погибели под тяжестью кип бумаги. Бойцы, не останавливаясь, поздоровались, несмотря на тяжелый груз, улыбнулись и прошли мимо.

— Вы его не узнали? — спросил мой спутник. — Это один из сыновей Нгуена Хыу Тхо, председателя Фронта.

Так идет жизнь в Южном Вьетнаме. Все одинаково принимают участие в общем деле,

идет ли речь о засаде против колонны бронетранспортеров М-113 или о выпуске газет и учебников в недрах самых непроходимых джунглей.

XVII

Южный Вьетнам... Декабрь 1964 года¹.

«...Уже несколько дней в пятой зоне и впервые даже на самых подступах к городу Гуэ идут ожесточенные бои. Наступление было начато народной армией именно в районах, над которыми за период с конца октября по 14 декабря один за другим пронеслись пять тайфунов. 7000 человек погибло в ноябре в десяти провинциях, главным образом в еще оккупированных районах, и 500 человек — 14 декабря в районе Нха-Чанга.

Случайно в пути я встретила связного, посланного оттуда партизанским отрядом с донесением руководству Фронта. Следовательно, ниже вы прочтете первое сообщение, полученное непосредственно от самого населения Чунг-Бо.

— Я из района Гуэ,— сказал мне этот боец,— из северной части пятой зоны. После долгих лет ужасающего гнета (у нас было расквартировано до пяти марионеточных дивизий из семи, имевшихся у них в наличии в 1959 году, потому что наш район по своему положению имеет важное стратегическое значение) мы начали борьбу и накануне первого

¹ Ниже следует текст первого сообщения специального корреспондента «Юманите» Мадлен Риффо из Южного Вьетнама. — *Прим. ред.*

тайфуна удерживали в своих руках не только давно освобожденные горные районы, но и треть территории прибрежных низменных равнин, где несколько месяцев назад было освобождено свыше полутора миллионов жителей. Тиски противника были разжаты, и мы рассчитывали очень быстро освободить три миллиона жителей, согнанных в «стратегические деревни», выстроенные вдоль рек и дорог.

РАССТРЕЛ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, ПЫТАВШИХСЯ СПАСТИСЬ ОТ НАВОДНЕНИЯ

Налетел тайфун, а за ним ливни и грозы, длившиеся безостановочно 15 дней. От Нха-Чанга до 17-й параллели, на протяжении пятисот километров, уровень воды поднялся на 4—6 метров. Но людей ждали более ужасные бедствия.

В освобожденных районах в первые же дни, как только начала подниматься вода, наша армия эвакуировала жителей, мобилизовав все лодки. Люди спасали жизнь и имущество. Врачи Фронта тотчас же начали делать прививки против холеры. А в «стратегических деревнях» наши братья находились в западне, и, когда они пытались выбраться, чтобы спастись на возвышенностях, охранники заперли ворота снаружи... Когда эти ворота наконец открыли, было уже поздно...

В районе Сон-Ха, где живут крестьяне из национального меньшинства «рхе», запертые

семьи пытались взломать ограду, чтобы спастись от наводнения. Солдаты с вершины холма открыли огонь. Из трехсот жителей в живых осталось только трое. То же самое произошло в поселении Ча-Ми, где от пуль и наводнения погибло 300 человек.

В районе угольных шахт Нонг-Сон целые поселки кули и шахтеров были унесены водой, в то время как американцы и марионетки, располагающие большим количеством самолетов и вертолетов, пальцем не шевельнули, чтобы спасти их.

В ТАМ-КИ ПО ВИНЕ ТЮРЕМЩИКОВ УТОНУЛИ ЧЕТЫРЕСТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Самое отвратительное преступление было совершено в Там-Ки, где тюремщики умышленно оставили тонуть 400 политических заключенных (большой частью крестьян), отказавшись, несмотря на их крики, открыть двери камер.

И это еще не все. Американцы пытались воспользоваться катастрофой, чтобы снова сконцентрировать в лагерях освободившееся население. Они обещали накормить голодающих, если они вернутся в «стратегические поселения», заманивая их, как заманивают мышь в мышеловку кусочком сыра... Люди отказывались. И тогда в Сайгоне марионетки предпочли лучше сгноить, чем раздать пострадавшим мясо и хлеб, собранные бонзами и студентами.

Даже правительственные газеты негодовали по этому поводу.

Враги распространяли слухи, что мы нападаем на колонны с продовольствием, чтобы отнять рис, но ведь всем известно, что в этих краях много морских гаваней и нескольких судов, груженных рисом, вполне хватило бы, чтобы очень быстро оказать помощь всем пострадавшим. Но Тейлор, публично заявивший, что «из этого бедствия можно извлечь пользу», прислал не суда с продовольствием, а войска и вертолеты. Партизаны между тем спасали жителей от наводнения и одновременно с оружием в руках защищали от тех, кто стремился снова загнать их в концентрационные лагеря. При этом было сбито два вертолета.

Жители пострадавших зон за это время еще яснее поняли, что несет им Национальный фронт освобождения, и по заслугам оценили «гуманизм» американских «советников».

Вот почему крупные бои, начатые нашими силами, разгорелись сейчас всего в нескольких километрах от Гуэ...»

От этого этапа нашего путешествия у меня остался лишь репортаж, который вы только что прочли: статья, написанная где-то в джунглях и опубликованная в Париже через три недели. Мой блокнот с заметками был уничтожен.

У нас не было ни телетайпа, ни телефона, близлежащий город был от нас в нескольких днях пути, поэтому некоторые из репортажей, посланные нами в газеты, передавались, подобно этой статье, из рук в руки, как эстафет-

та, и только таким образом благополучно достигали места назначения.

В партизанских джунглях нет слова «невозможно».

XVIII

В сухой сезон, под грозящим опасностью чистым небом, в дни, когда собирают урожай и враги сбрасывают на созревший рис тонны напалмовых и фосфорных бомб, мы проехали на велосипедах много километров. Враг бросает против жнецов самолеты, и эта битва разгорается каждый год в декабре. Я наблюдала это не в какой-нибудь одной деревне или одном районе, а в нескольких.

Мы едем вдали от джунглей, как партизаны, небольшой группой из трех человек, на велосипедах, которые заменяют в Азии автомобили. Моим телохранителем был и на этот раз Нге, специалист по охоте на «летающих орлов», как здесь называют вертолеты, а «шофером представителя прессы» был восемнадцатилетний Май. Это значит, что я проделывала ежедневно около пятидесяти километров на багажнике его велосипеда — такой способ передвижения для женщин наиболее распространен у южновьетнамских партизан. У врага вертолеты, а у нас только велосипеды. Впереди едет боец, который предупреждает нас коротким свистком о малейшей опасности, грозящей нам с воздуха, иначе «маи бай» («летающие машины») могут застать нас врасплох и мы не успеем спрятаться. По свистку нам приказано немедленно ложиться на землю, где бы мы ни находились.

Слишком заметного Бэрчетта сейчас нет с нами. Но как-то в другой раз его и моя группы ехали вместе. Когда нужно было как можно быстрее пересечь открытое место, чтобы нас не успели заметить, меня всегда пропускали первой. Я понимала, что это делают, заботясь обо мне. Как-то меня обнаружили с самолета, приблизившегося на угрожающее расстояние в ту минуту, когда я уже успела скрыться под деревьями, а Бэрчетт еще находился как раз посреди прогалины. По свистку Бэрчетту пришлось лечь в высокую траву. Когда он смог наконец добраться до нас, он был вне себя от ярости, но обозлил его вовсе не самолет. О нем он даже не говорил. Оказывается, он слишком поздно заметил, что свалился прямо на гнездо рыжих муравьев! Эти насекомые кусаются пребольно, и Бэрчетту пришлось раздеться догола за деревом, чтобы стряхнуть их с одежды.

Игра в прятки с самолетами стала уже и для нас так же обыденна, как рис на обед.

Только за два месяца нашего пребывания в Южном Вьетнаме тонны бомб были сброшены на районы, в которых мы побывали. В этой односторонней воздушной войне все самолеты (даже легкие разведывательные самолеты связи устаревшего типа «Пайпер Каб», которые крестьяне прозвали мамзелями) снабжены несколькими бомбами на всякий случай, чтобы сбросить их наугад на любой объект, на рыбацью джонку например.

В начале путешествия я удивлялась, замечая на лесных полянах и полях вбитые на не-

большом расстоянии друг от друга колья трех-, четырехметровой высоты. Между ними обычно натянута проволока или нейлоновый трос.

— Это ловушки для вертолетов,—объяснил мне Нге.— Колья мешают им приземлиться, а их винты запутываются в проволоке или тросе. Как будто нехитро, но тем не менее это часто помогает нам справляться с «летающими орлами». Сначала американцы были уверены, что победят нас с помощью своих пресловутых вертолетов. Но они легко уязвимы, эти вертолеты, мы быстро это поняли, их можно сбить даже простым выстрелом из винтовки. Наши крестьяне подстреливают их, как птиц. Сейчас, правда, сбивать их стало гораздо труднее, потому что при первом же выстреле они моментально удирают. Нужно хорошенько спрятаться и подождать, пока вертолет сядет, а тогда уже стрелять. Таким образом мы недавно захватили один вертолет...

Крестьяне говорят об охоте на вертолеты, словно об охоте на тетеревов, и нередко можно увидеть, как жители деревень гоняются со старыми винтовками за вертолетами, которые распыляют отравляющие вещества на созревшие рисовые поля... Как только удастся сбить «маи бай», каждый крестьянин забирает с него какие-нибудь трофеи и через несколько дней от гордого «летающего орла» остается лишь жалкий скелет. Господин Тейлор очень удивился бы, увидев, какие ложки, ножи и кружки мастерят из его вертолетов южновьетнамские крестьяне.

Когда таким образом сбивают вертолет, часто бывает невозможно установить, кто именно его подстрелил: фонарь кабины пробит пулями всевозможных калибров, потому что все, у кого только было оружие, стреляли, вместо того чтобы прятаться.

— Каждый, кто умеет охотиться на птицу, с таким же успехом может сбить самолет, — говорят крестьяне. — Американцы стреляют хорошо, но и мы стреляем не хуже!

Американские пилоты убедились в этом на собственной шкуре. И это плохо сказывается на точности их бомбометания. Под сосредоточенным огнем партизан самолеты набирают высоту и сбрасывают бомбы и контейнеры как попало, не имея возможности прицелиться. У вьетнамских крестьян и солдат, как на Севере, так и на Юге страны, есть неизмеримое превосходство над противником, летающим на бомбардировщиках новейшей конструкции: храбрость и стальные нервы.

Я не раз имела возможность убедиться в этом на тех дорогах, которые американцы систематически бомбят, чтобы помешать передвижению народной армии: уйма воронок попадает то по одну, то по другую сторону от дороги. Противовоздушная оборона Фронта, располагающая тяжелыми установками «made in USA», приводит в ужас американских пилотов, которые получают немало долларов и хотят остаться в живых, чтобы потратить эти деньги у себя на родине или в крайнем случае поскорее вернуться в свою офицерскую столовую с кондиционированным воздухом и спокойно выпить виски. У них нет

таких патриотических побуждений, как у южновьетнамских крестьян, и нет особых причин рисковать своей жизнью.

Вопреки бомбардировкам, жизнь в освобожденных деревнях продолжается. В некоторых районах я видела, как собирают урожай ночью, с винтовкой за плечами. Народная армия помогала крестьянам веять рис на месте и немедленно свозить его в подземные хранилища. Несмотря на проведенную американцами «операцию по уничтожению урожая», никто не будет испытывать недостатка в рисе. Я могла убедиться в этом в Лонг-Ане, Тхай-Нине, Бинь-Доунге, Бьен-Хоа.

Во время сбора урожая, преследуемые самолетами и вертолетами, некоторые крестьяне погибали, как, например, в Бене и Зя-Дыне. Но если бы таким интенсивным воздушным налетам подвергался другой народ, менее закаленный войной, чем народ Южного Вьетнама, пришлось бы оплакивать тысячи жертв.

За последние двадцать лет журналистская профессия не раз приводила меня в деревни, пострадавшие от бомбардировок. Я их видела в Алжире, в Тунисе, а в октябре 1964 года на границе Камбоджи. Не впервой мне видеть страдания крестьян, вынужденных с винтовкой за плечами тайком собирать со своих собственных полей созревший рис, пока его не подожгли с самолетов. Но ни в одной другой стране я не видела такого спокойствия, выдержки и дисциплины, как в Южном Вьетнаме, такой небывалой многоопытности населения, которое умудряется успешно защищаться очень простыми средствами и даже

продолжать трудиться, несмотря на ураган огня и металла, который обрушивается на него.

Нет на свете земли более изрытой, чем земля Южного Вьетнама. Прежде чем обрабатывать поле, его окружают траншеями, чтобы было где укрыться, если налетят самолеты. Для защиты от крупных налетов, от напалма роют также потайные ходы, ведущие из деревни далеко в лес, иной раз на десятки километров. Строят эти убежища все жители деревни, которым очень пригодился опыт первой войны. При появлении самолетов В-26 каждый знает куда бежать, без криков, без паники. Да и мы сами вскоре привыкли чувствовать себя спокойно под метровой толщиной земли.

В деревнях больше убежищ, чем домов. Под каждой хижиной вырыто подземелье, иной раз настолько обширное, что в нем можно прожить несколько дней с относительным комфортом. В богатых провинциях крестьяне построили бетонированные убежища для себя и для хранения зерна.

Подобно тому как у нас бывают комнаты для приезжающих друзей, здесь повсюду строят убежища для гостей. В каждой из деревень, в которых я пробыла хоть несколько часов, хозяйка дома прежде всего показывала мне отличное убежище, которое вырыли для нас. Таково теперь вьетнамское гостеприимство: эти ямы бывали такими глубокими, что я сотни раз рисковала свернуть себе шею, спускаясь в них слишком поспешно!

Дети никогда так не торопились. Привыкнув с самых ранних лет определять по шуму

мотора типы самолетов и расстояние, на котором они находятся, дети, словно это просто гроза гремит вдали, спокойно продолжают играть в шарики или запускать змея, когда бомбежка идет «еще далеко», то есть всего в километре от них.

Один мальчик подарил мне рисунок: группа из трех бойцов стреляет из винтовок по «летающему орлу». Эти дети рисуют то, что видят каждый день. А в одной деревне, на которую недавно были сброшены бомбы разных типов, и в том числе две фосфорные, совсем крохотные малыши, вместо того чтобы, подобно нашим детям, лепить пирожки из песка, рыли в насыпи убежище для своих кукол.

XIX

Когда я приехала в деревню в двадцати пяти километрах от Сайгона, в зоне, которую американцы бомбят особенно сильно, отчаянно пытаюсь удержать ее несмотря ни на что, я никак не ожидала, что нас встретят праздничным обедом... Тем не менее это было так.

Повсюду, среди золота полей созревшего риса, воронки от бомб. Повсюду в садах — расщепленные, искромсанные банановые деревья, обгоревшие кокосовые пальмы... Но соломенные хижины уже заново отстроены. Все жители деревни дружно взялись за это дело с той изумительной солидарностью, благодаря которой в Южном Вьетнаме, где повсюду наталкиваешься на физические и моральные страдания, никто никогда не чувствовал себя одиноким и покинутым. Народ, воюющий

более двадцати лет, стал одной огромной семьей, где все делятся всем.

— Вместо сожженных домов мы отстроили новые, на менее открытом месте, под деревьями, и подальше друг от друга... Но ешьте же.— говорили наши хозяева.— У нас ни в чем нет недостатка, земля наша очень щедра. Растения быстро дают новые побеги в тропическом климате. Мы всем обеспечены теперь, когда земля принадлежит нам, когда не надо платить помещикам непосильной арендной платы.

Как и во всех освобожденных районах, нам с гордостью показали школу, диспансер и познакомили с артистами ансамбля песни и пляски. Беседуя с добровольцами, восстанавливающими развалины, я снова убедилась в том, что моральное состояние населения не подорвано. Ненависть к американскому «люфтваффе» стала еще сильнее, и это был единственный осязаемый результат, достигнутый как в Южном, так и в Северном Вьетнаме более частыми и жестокими воздушными налетами.

В этой деревне фосфорной бомбой был обожжен только один дряхлый старик, который не успел вовремя спрятаться. А двое детей были убиты; нетерпеливые, как все семи-, восьмилетние дети, они слишком рано выскочили из убежища.

— Упала последняя фосфорная бомба, — рассказала мне мать одного из них. — Мой сыночек вспыхнул как факел. Он бежал по улице и кричал: «Помогите!» Ничем нельзя было помочь ни ему, ни его товарищу...

Победа американцев в тот день заключалась в том, что, сбросив тонны бомб, они убили двух детей и сожгли несколько рисовых полей... Крупный успех, который, однако, несколько не поможет им вернуть потерянную территорию.

В этой зоне было опасно привлекать внимание врага слишком большим сборищем людей. Поэтому мой приезд попытались скрыть. Однако новости в этих местах распространяются быстро, и едва я успела навестить пострадавших от бомбежки, как Нге заставил меня быстренько сесть на велосипед и наскоро попрощаться... Только вечером он объяснил мне, что несколько сот женщин из окрестных деревень, узнав о приезде журналистки из далекой страны, бросили работу в поле и тотчас же отправились в путь. Они хотели сказать мне то же самое, что говорили все бонзы, каодаисты, коммунисты, мать ребенка, погибшего от фосфорной бомбы, и обожженный старик:

— Американцы не заставят нас сдаться, сбрасывая на нас бомбы или нападая на Север нашей страны. Пока они не уйдут, мы будем бороться.

— После стольких лет войны нашим крестьянам эти бомбежки, — сказал Нге, — все равно что буйволу игра на гитаре. Кстати о буйволах... Знаешь, многие крестьяне роют убежища и для скота. Так вот, вовсе не надо загонять в них буйволов. Они все поняли... Стоит им слышать самолеты, как они прячутся сами. Нужно было видеть, как во времена первого и в начале нынешнего Сопро-

тивления, когда бывали облавы и прочесывания, буйволы уводили деревенское стадо в джунгли. Только благодаря этому им удалось спастись от грабителей. Они прятались в лесу и отлично находили дорогу обратно после ухода врагов, когда можно было вернуться в свое стойло. Мы называли буйволов «участниками Сопротивления».

XX

Быть может, я стала журналисткой для того, чтобы искать новые встречи. В бетонных джунглях больших городов люди, живущие на одной лестничной площадке, не знают друг друга. А здесь, в самой дикой лесной чаще, достаточно одного дня, чтобы я встретила Ши Гуэ или офицера Хьюинь Миня, или католического священника Жозеф-Мари Хо Хе Ба. И когда я пишу «встретила», я хочу сказать «узнала по-настоящему».

Быть может, в то утро кто-нибудь разжег огонь слишком рано, или самолеты-разведчики, постоянно кружащие над лесом, как ястребы, заметили белье, вывешенное для просушки. Во всяком случае, нас зверски бомбили в течение нескольких часов. Когда самолеты вошли в пике, Нге, как обычно, бросился ко мне, чтобы без церемоний втолкнуть в ближайшее убежище, тогда как Нам, который охранял Бэрчетта и знал, что тот глуховат, подбежал к нему с криком «маи бай». Глуховат, не глуховат, но Бэрчетт был уже в укрытии. Бомбы рвались на верхушках бавольников с таким грохотом, словно наступил конец света.

Бомбежка похожа на грозу. Между ударами грома бывают короткие мгновения безмятежной тишины, когда неожиданно слышится пение птиц. Но на этот раз, где-то в глубине земли, недалеко от меня раздался плач грудного ребенка и женский голос, напевающий колыбельную песню. Я не верила своим ушам. Впервые я слышала крик младенца на базе руководства Национального фронта освобождения, всегда расположенного в глубине джунглей.

Нге, сидя на корточках у входа в убежище, как всегда, заслонял меня собой от осколков, все время поворачивался ко мне и знаками показывал, чтобы я прошла в глубь убежища. Я поняла, что мое убежище соединялось подземным ходом с соседним. (Всегда делается несколько выходов на тот случай, если один из них будет завален при взрыве.) В соседнем убежище я увидела Ши Гуэ и ее ребенка. Гуэ очень хорошо говорит по-французски. Несколько лет она просидела в сайгонской тюрьме, а затем ушла в партизаны. Она была учительницей, в 1954 году входила в состав Сайгонско-Шолонского комитета борьбы за мир и за соблюдение Женевских соглашений.

Иметь ребенка в джунглях — это страшное мученье, но и редкое счастье. Многие семьи разлучены войной, но Гуэ между двумя заданиями встретила со своим мужем. Они давно хотели ребенка. Появление на свет этой крохотной девчушки, которую Гуэ назвала «Передним краем» или «Передовым постом» (трудно точно перевести это вьетнамское вы-

ражение), было свидетельством веры в будущее. Самый факт, что ребенок родился живым и здоровым, что Гуэ смогла родить его в джунглях под наблюдением врача Армии освобождения, всего несколько лет назад был бы совершенно невозможен. С улыбкой убаюкивая во время бомбежки дитя джунглей, для которого партизаны смастерили люльку из бамбука, Гуэ говорила, как бы извиняясь:

— Моя дочка плачет, когда слышит взрывы бомб, но ведь ей всего два месяца. Она привыкнет. Вот вы увидите, она всегда улыбается. И совсем не боится moskitov.

У этой молодой женщины, изнуренной заботами о новом существе, которому она дала жизнь, и долгими годами тюремного заключения, было заострившееся лицо цвета слоновой кости. Казалось, что в нем нет ни кровинки. А она еще беспокоилась обо мне.

— Мы, — говорила она, — уже привыкли...

В тот же вечер мы стали друзьями.

...Это был один из редких мирных вечеров, когда в джунглях живут почти как в деревне. Никто не был ранен во время дневной бомбежки. Солдаты чинили разрушенные хижины. Леса хватало с избытком. И не трудно было найти два дерева, чтобы подвесить гамак. Бэрчетт, Нам и Нге пили обжигающую как огонь рисовую водку, а Ши Хай приготовила на ужин козулю с ананасом. Мы с Бэрчеттом строили планы, намереваясь пробыть несколько дней на этой базе, чтобы взять интервью у руководителей Фронта, католиков и буддистов.

А на следующий же день на рассвете Ши Гуэ подошла к моему гамаку, чтобы попрощаться. Она уже собралась уходить. С холщовым мешком за плечами, с коптилкой у пояса и с дочкой на руках, завернутой в одеяльце цвета хаки, она была уже готова к выходу.

— Сегодня ночью прибыл связной, — сказала она. — Ухожу на задание немного раньше, чем предполагалось. Нужно было идти в город через неделю. Но я уже достаточно окрепла. Там готовится серьезная политическая кампания... Мой брат сейчас во Франции. Скажите ему, что я вернулась в ряды «армии с шиньонами»¹.

Мы поцеловались. Со сжавшимся сердцем смотрела я, как моя новая подруга исчезла в той стороне джунглей, откуда ежедневно доносился гул канонады. Исчезла вместе с крохотным ребенком, по имени «Передовой пост».

— Чем сильнее любишь, — говорила Гуэ, — чем больше страдаешь, тем больше прибавляется сил, чтобы гнать американцев.

— В Южном Вьетнаме, — говорила она еще, — женщина может сделать очень много для освобождения просто вот так, со своим ребенком на руках.

XXI

Гуэ — боец армии без оружия, вездесущей и постоянно действующей как в городах, так и в деревнях. Боец борющейся за независимость женской армии, какой мы никогда, ни-

¹ Подпольную женскую организацию называют так из-за любимой прически южновьетнамских женщин.

где, ни в одной другой стране не видели. Армии, о которой никогда не сообщает ни одно телеграфное агентство и которая, однако, еще до того как раздались первые выстрелы партизан, сыграла огромную роль в патриотической борьбе Южного Вьетнама. В этой «армии с шиньонами» насчитываются миллионы бойцов.

Мне выпало счастье во время этой поездки побыть некоторое время в ее рядах и ознакомиться с ее методами политической борьбы, крайне сложной, мужественной, ловкой, направленной на то, чтобы оградить местное население от преступлений оккупантов, повысить жизненный уровень населения вопреки войне, а главное — морально ослабить, дезорганизовать и парализовать врага всеми легальными и полуполитическими средствами. Я могу судить о том, с каким успехом ведут борьбу эти женщины. В целях конспирации они дали мне новое имя — Ши Там, то есть Восьмая сестра. Это очень распространенное имя в южновьетнамских семьях, в которых обычно бывает много детей.

Стоит только разведывательной службе Национального фронта освобождения сообщить о приближении вражеских подкреплений, как у сотен крестьян вдруг возникает настоятельная необходимость запрудить все дороги своими повозками. Толпы, собравшиеся со всех окрестных селений, парализуют движение на дорогах.

Стоит только врагам неожиданно начать прочесывание, как женщины, в том числе и самые старые, моментально выстраиваются

перед дулами винтовок, крича правительственным солдатам:

— Что вы делаете? Зачем обстреливаете мирную деревню? Мы такие же матери, как ваши, и эта деревня похожа на вашу. Не слушайте американцев, которые хотят, чтобы вьетнамцы убивали друг друга.

И солдаты в замешательстве отказываются стрелять или стреляют в воздух, уже зная, что партизаны и солдаты Армии освобождения целятся главным образом в офицеров и американцев, командующих операцией. И только если уговоры женщин не помогают и прочесывание все же производится, партизаны деревни открывают огонь. Но даже и в этих случаях вмешательство женщин в вооруженное столкновение бывает полезным, хотя бы для того, чтобы с самого начала выиграть время.

Стоит только Тейлору принять решение, как в 1964 году, «усмирить» ключевые провинции вокруг Сайгона и стоит только в Лонг-Ан, например, прибыть подкреплениям, которые были расквартированы в домах местных жителей, как действия стариков и женщин приобретают решающее значение.

— Сын мой, — говорит старик сайгонскому солдату, — я рад за тебя, ты сейчас хорошо зарабатываешь себе на жизнь. Но я советую тебе, как отец: вспомни, что произошло там-то и там-то... Беде случиться недолго. Отложи немного денег себе на гроб. Хорошо, когда тебя хоронят по-человечески.

Один из крестьян так излагал мне теорию военно-политической борьбы, которую насе-

ление Южного Вьетнама противопоставляет «особой войне»:

— По ночам вместе с женщинами я рою западни с кольями и устанавливаю мины-ловушки вокруг постов, чтобы постепенно окружить врага, чтобы он не осмеливался выйти из страха напороться на колья или взлететь в воздух. Эта борьба вооруженная... Если же враг выходит из поста и его ранят, я выхожу его и мало-помалу вдавливаю ему программу Фронта. Это уже борьба политическая. Эти две формы сопротивления постоянно подкрепляют друг друга, и мы, конечно, добьемся победы с наименьшими потерями. Даже если американцы пришлют вдвое или втрое больше солдат и бомбардировщиков...

Понадобилась бы гораздо более толстая книга, чем эта, для того чтобы описать все этапы политической борьбы, которую вот уже десять лет ведет народ Южного Вьетнама как в городах, с помощью буддистских манифестаций, способствовавших свержению Дьема, так и в деревнях, где в тот же период крестьяне начали забирать обратно и перераспределять между собой отобранные у них земли.

Политическая борьба, которую в основном ведет «армия с шиньонами» (поскольку мужчины сражаются в Армии освобождения), очень многообразна и не прекращается ни на минуту, она охватывает все районы, в ней участвуют миллионы бойцов, каждый из которых, включая и очень пожилых людей, принимал участие в десятках, в сотнях мероприятий, имеющих целью парализовать врага.

Даже в «стратегических деревнях», за колючей проволокой и сторожевыми вышками люди продолжают бороться, и не только физически, но и путем убеждения солдат, большей частью мобилизованных насильно, поэтому на них действуют патриотические доводы пленников, таких же крестьян, как они сами. Ни одна ночь не проходит в Южном Вьетнаме без того, чтобы какая-нибудь девушка не подобралась к посту на расстояние человеческого голоса, усиленного громкоговорителем, и, спрятавшись в траве, не обратилась бы к правительственным солдатам с песнями и призывами.

В стране, где народ всегда выражал свои чувства стихами, переложенными на музыку с традиционными мотивами, драмы множества семей, в которых сын иногда находится в народной армии, а внук в сайгонской, породили новые темы народного фольклора. Песни, которые крестьяне поют специально для охраняющих их наемников, вызывают слезы у самых закоренелых из них.

Я знаю девушку, которую буду условно называть Ши Ли, потому что она сейчас находится в оккупированной зоне. Ночь за ночью на мотив «Призыва лодочника» она пела для солдат соседнего вражеского поста: «Вспомни свою деревню, запах олеандров у твоего дома. Это была такая же деревня, как наша. Зачем ты очутился в рядах тех, кто впускает змею в свой собственный дом?»

И, обращаясь к кому-нибудь из солдат по имени, Ли в песне передавала ему точные сообщения: «Солдат Чуонг, твой район освобо-

дили. Твои родители получили землю. И на твою долю тоже. Ты можешь вернуться домой. Уходи от американцев и возьми с собой винтовку. Возвращайся в свою деревню!»

А другому солдату она пела: «Солдат Там, пока ты здесь служишь американцам, они сбросили зажигательные бомбы на твою деревню».

Сначала враги отвечали выстрелами на голос Ли. Но она поет так хорошо, что сам марионеточный офицер сказал:

— Не стреляйте сегодня вечером. Это поет Ли, мне нравится ее голос.

Не думайте, что я рассказываю легенду. Во Вьетнаме это обычная история. Такие «опасные» девушки, как Ши Ли, своими песнями заставили дезертировать многих солдат марионеточной армии.

А тем временем Пенелопы из «стратегических деревень», если их заставляют работать на укреплениях, по ночам разрушают все то, что построили за день. Бывает даже, что им удается провести в поселение солдат Армии освобождения, и те устраивают засады в таких местах, где их, конечно, не ждали. Так было, например, в битве за Бинь-Зя. Но я забегаю вперед. Об этом будет рассказано позже.

XXII

После обстрела освобожденных районов можно увидеть, как тысячи женщин, детей и стариков идут в город или к ближайшему вражескому посту, неся во главе колонны на

бамбуковых носилках или в гамаках тела погибших.

Иногда американская авиация обнаруживает демонстрацию и поливает ее огнем пулеметов. Тогда за дело берутся партизаны, концентрируя огонь своего оружия на самолетах, которые уже не осмеливаются снижаться, чтобы вести прицельный огонь. А если при этом все же имеются новые жертвы, их тоже несут во главе колонны. И колонна неуклонно идет вперед.

В толпе можно различить одеяние бонз. Кхмерские девушки из Ча-Виня в таких случаях обычно надевают красные одежды, выражая этим готовность идти вперед, даже если в них будут стрелять и если прольется их кровь. Достигнув районного центра, толпа требует у офицеров и марионеточных властей компенсации для семей погибших. Члены этих семей, одетые в белое в знак траура, присутствуют тут же. Демонстранты требуют также смещения офицера, давшего приказ открыть огонь, и роспуска марионеточного правительства.

За последнее время гнев демонстрантов все чаще и чаще направлен непосредственно против американцев. Население требует немедленного и окончательного вывода войск оккупантов.

Все слои населения участвуют в огромных демонстрациях, когда безоружный народ из освобожденных деревень идет в города и вместе с городским населением протестует против гнета оккупантов. Вспыхивая одновременно по всей территории, эти многообразные поли-

тические выступления связывают руки оккупантам, а они и без того не могут справиться со все более решительными атаками Армии освобождения. Им трудно быть вездесущими.

Чтобы попытаться заполнить брешь, образующуюся в результате растущего, как снежный ком, массового дезертирства, сайгонские полицейские устраивают облавы на молодежь. Но много раз «армия с шиньонами» останавливала колонны новобранцев, ложась под колеса грузовиков, и даже захватывала в плен правительственных солдат, обезоруженных собравшейся толпой. А тем временем ответственные работники Союза женщин, борющихся за освобождение Южного Вьетнама, отправлялись на переговоры с офицерами.

«Если вы не освободите наших сыновей, — говорят они, — мы не отпустим ваших солдат. Кто-то должен убирать урожай и кормить детей...»

Подобные переговоры могут длиться часами.

А бывает, что толпа молодых женщин с младенцами на руках заполняет кабинет начальника поста:

— Верните наших братьев и мужей! Что мы будем делать без них? Кто будет кормить наших детей?

И офицер, взятый в оборот этими женщинами, грозящими оставить детей на его попечение в помещении поста, если он не освободит новобранцев, бывает вынужден сдаться.

«Армия с шиньонами» состоит исключительно из добровольцев, постоянно готовых к действию: каждый боец живет дома, участвуя,

как и все жители, в работе, в учении, в кампаниях по борьбе за гигиену и профилактику, организованных Фронтом. Но по сигналу своего выбранного командира женщины переходят к действиям, зачастую согласованным в масштабах района или провинции, организованным так же точно, как боевые действия (но только без винтовок). Здесь есть ударные отряды, добровольцы, готовые идти в первых рядах, свои резервы, интендантство, разведка, не считая тех женщин, которые должны оставаться в деревне, чтобы присматривать за детьми бойцов женской армии и варить пищу.

В этой мирной борьбе даже традиционные платки в черно-белую клетку, которые носят все крестьянки, играют большую роль. Повязанные тем или иным способом, они служат для передачи указаний о часе сбора, о маршруте, о силах противника.

Бушующий человеческий поток, обрушивающийся после каждой бомбардировки на кабинеты представителей марионеточных властей, зачастую вынуждал их пойти на уступки. Так было, например, в Бен-Че в 1963 году, когда, столкнувшись с непримиримостью жителей, фактически освободивших свою территорию, американцы предприняли массированный налет, сбрасывая напалм и отравляющие вещества. В ответ 20 декабря 1963 года сорок пять тысяч человек устремились в город. Тысячи других участвовали в то же время в демонстрациях по деревням. Эти демонстрации, проходившие на глазах у сайгонских журналистов, нашли отклик даже у правительственных солдат, подписавших петицию о пре-

крашении химической войны и собравших пожертвования в пользу пострадавших. Ведь и эти солдаты тоже сыновья крестьян. Американские власти были вынуждены отдать приказ о возмещении убытков пострадавшим. И этот успех был достигнут без единого выстрела!

Нужно много мужества, чтобы встать вот так, без оружия, перед вражескими пулеметами. Возможно, даже больше, чем для того, чтобы напасть с гранатой в руке на колонну танков-амфибий. Мужчины Южного Вьетнама знают это и с улыбкой, полной нежности и гордости, называют «мой ротный» своих жен, таких хрупких и в то же время таких сильных перед лицом врага.

Нельзя понять эти методы борьбы, имеющие своих мучеников и узников, если позабыть о том, что здесь у каждого мужчины, у каждой женщины погиб либо ребенок, либо отец, либо сестра, за которых нужно отомстить. И о том, что каждому человеку здесь ежесекундно грозит гибель. У этого народа нет иного выхода, как бороться за сохранение жизни всеми доступными средствами.

Есть песня, в которой говорится: «Погибшие шагают рядом с живыми». Именно эта фраза постоянно приходит на ум в Южном Вьетнаме.

XXIII

— Меня зовут Лан, мне тридцать лет,— начала свой рассказ женщина.— Я была крестьянкой. Училась в школе Национального фронта освобождения. Стала акушеркой в нашем

селении. Состою членом деревенской группы самообороны.

Уже двенадцать лет я замужем. Но я так мало жила вместе с мужем, что мы как бы остались женихом и невестой.

Мы ждем друг друга с 1950 года. Мне было тогда шестнадцать, а Фуонгу восемнадцать лет. Весной 1952 года он, выполняя задание, пробыл некоторое время в нашей родной деревне. Мы поженились. Через пять дней он ушел в свой партизанский отряд.

Я пошла проводить Фуонга. Два товарища по отряду уже ждали его. Наши руки не хотели разняться. И хоть губы улыбались, глаза хотели плакать.

Силы первого Сопrotивления в то время уже освободили наш район, и земля была нашей. Жизнь тоже принадлежала нам.

У нас родился сын. Фуонг только один раз видел своего сына, когда в 1954 году его воинская часть грузилась на пароход для отправки на Север. Шел дождь. На набережной мы все втроем, он, я и ребенок, стояли, укpывшись от дождя одним куском нейлоновой палатки.

Наш ребенок вырос за колючей проволокой лагеря для семей «вьетконговцев».

Иногда я тайком рассказывала ему об отце. Сейчас сыну двенадцать лет. Время, которое мы с мужем прожили в разлуке, уже в тысячу раз больше, чем время проведенное вместе.

Мать Фуонга в день победы, в 1954 году, посадила у себя во дворе дерево. Это дерево уже приносит плоды. Старая женщина хочет

дожить до свидания с сыном. Она целует всех солдат Армии освобождения, которые проходят через деревню.

Иногда мне кажется, что из всех страданий, причиняемых нам американцами, самое большое это не пытки, не облавы, не бомбы, а разлука. Они украли у нас не только родину, но и лучшие годы нашей жизни, когда мы были молоды и могли быть счастливы.

Когда я слушаю радио Ханоя, я думаю: «Фуонг сегодня на митинге. Это выступление дядюшки Хо он слушает в одно время со мной. Когда мы освободили свой район и радио Фронта сообщило об этом, я подумала, что мой муж, услышав эту весть, быть может, догадается, что и я внесла свой вклад в освобождение...»

Прежде разлученные влюбленные мысленно встречались друг с другом, глядя на Полярную звезду. А теперь они слушают радиостанцию Ханоя и радиостанцию «Освобождение». Двухразовые передачи сообщений стали ежедневным хлебом насущным для семей, разделенных в результате нарушения Женевских соглашений. Даже песни и стихи, передаваемые радиостанциями Севера и Национального фронта освобождения Юга, перекликаются сейчас через 17-ю параллель, как перекликались попеременные импровизации девушек и юношей одной деревни, собиравшихся прежде летними вечерами.

С 1954 года Север и Юг страны — сердце, разрубленное пополам. День за днем смотрят в лицо друг другу обе части страны, как две половинки одного зеркала.

Время от времени приходит письмо из Северного Вьетнама в Южный или с Юга на Север. Смятое, зачастую сплошь покрытое штемпелями других стран письмо.

Речушку Бен-Хай на семнадцатой параллели можно перешагнуть в любом месте, но ни почта, ни люди не переходят через нее. Только американские бомбардировщики одинаково сеют смерть по обоим ее берегам. Письмо идет долгие месяцы, самыми сложными путями. И когда оно наконец доходит, часто бывает, что того или той, кто его написал, уже нет в живых. Партизанки, даже самые бесстрашные перед лицом врага, никогда не расстаются со сложенными вчетверо дорогими сердцу письмами или фотографиями, которые они сберегают в полиэтиленовых мешочках, слегка оттопыривающих карман.

Во Вьетнаме супружеская любовь — такое же священное чувство, как любовь к родине. Случаи вторичного брака крайне редки, хотя тысячи супружеских пар разлучены уже более десяти лет.

— Несколько месяцев назад, — говорит Лан, — я получила письмо от Фуонга. Он сейчас в кадровом составе армии. Опыт, приобретенный им во время первого Сопrotивления, очень ценен для молодежи. Он пишет: «Если американцы осмелятся затронуть Демократическую Республику Вьетнам, они будут иметь дело со всеми вьетнамцами, как южными, так и северными. У нас та же кровь, та же земля, та же родина. И если они ничего не могли поделать с четырнадцатью миллионами южновьетнамцев, то уж наверняка

обломают себе зубы о тридцать с лишним миллионов населения всей страны! Тем более что здесь, на Севере, у власти стоит народ. И наша страна не изолирована от остального мира. Если они расширят войну, это позволит мне, как и шестнадцати тысячам моих земляков на Севере, взяться наконец за оружие, без того, чтобы кто-нибудь мог обвинить нас в нарушении Женевских соглашений.

Каждый день я думаю о тебе. И на марше, и за работой, и над миской риса..

Обещаю тебе всегда оставаться достойным нашей любви. Я абсолютно доверяю тебе. Мы обязательно встретимся, во что бы то ни стало. Мы выдержали много испытаний, мы немного постарели, но сильно возмужали. И нам дано самое большое и светлое счастье в жизни — мы любим друг друга».

Так улыбается любовь во Вьетнаме сквозь густую пелену слез.

XXIV

У Фронта есть свое министерство здравоохранения, у джунглей — свои люди в белых халатах.

Однажды ночью, в конце изнурительного перехода, в лесу, ещё затопленном после последнего тайфуна, доктор Тхи Ба, которая встретила нас, чтобы проводить до места, обернулась и сказала:

— Вот мы и пришли!

В слабом свете наших коптилок мы не видели ничего, кроме джунглей и жидкой грязи. Но мы действительно пришли, потому что

за поворотом тропинки увидели бесспорные признаки присутствия человека: огоньки, свет.

Десятки огоньков трепетали вдоль длинного бамбукового стола, похожего на парту. Я уже могла различить, что каждая коптилка освещала книгу или тетрадь.

— Мы в медицинской школе, — сказала Тхи Ба.

Центральная комиссия народного здравоохранения НФО повела борьбу, которая, как казалось на первый взгляд, была обречена на неудачу. Очень мало врачей и хирургов-вьетнамцев готовилось во времена колонизации. Эпидемии, темнота, нищета — страшные последствия войны, феодализма, голода — все еще властвовали в сельской местности, когда начиная с 1954 года на смену им пришли террор, насильственное переселение крестьян, а затем снова война, навязанная американцами.

— Что сделать, чтобы спасти как можно больше людей? С самого начала нашего второго Соппротивления, — рассказал нам доктор Нгуен Тань, старый хирург, обучивший десятки молодых врачей, — мы знали, что в этой борьбе можем рассчитывать прежде всего только на самих себя.

С 1954 по 1960 год мы были небольшой горсточкой подпольных бойцов-врачей, по ночам пешком навещавших больных в разрушенных деревнях. В то же время наши визиты имели и политическое значение: мы приносили надежду. Когда началась вооруженная борьба, мы шли следом за партизанами с тем небольшим количеством медикаментов, которое у

нас было. Сколько раз я оперировал без анестезии, без каких-либо антибиотиков... И тем не менее мы спасали жизнь людям.

За неимением рентгена мы привыкли на ощупь определять переломы на основе клинической пальпации. Шины из стеблей банана заменяли гипс. В то же время повсюду, где мы проходили, мы обучали крестьян правилам гигиены и профилактики, мы готовили акушерок и медсестер.

Разъяснить жителям деревень абсолютную необходимость кипятить воду в стране, где кишат бациллы, гораздо важнее, чем кажется. Поэтому мы развернули всеобщую кампанию за внедрение профилактических мер, решив, что хоть мы и лишены возможности вылечить всех наших соотечественников, мы, на худой конец, можем предотвратить новые вспышки эпидемий.

Кроме того, мы вскоре создали школы, подобные этой, в которых крестьяне быстро становятся хорошими помощниками врачей.

Используя народную мудрость и практику, мы начали сами готовить медикаменты из лекарственных растений, растущих в джунглях. Наши соотечественники из племен «раде» и «жараи» во многом помогли нам. Для них, горных жителей, с незапамятных времен отрезанных от внешнего мира, лес всегда был их единственным источником снабжения лекарствами.

Эти коричневые таблетки, изготовленные из семян различных растений, очень хорошо лечивают болотную лихорадку, один из бичей в данной местности. Вот этот отвар помогает

при дизентерии. Половинки этих стручков, приложенные к ранке от змеиного укуса, вытягивают яд.

Сейчас мы проводим опыты с молоком кокосового ореха, уже успешно применяемым при ранениях в Малайе, Японии и Индии взамен сыворотки при шоке.

Сейчас наша Центральная комиссия, сочетая общепринятую медицину с восточной, на 70 процентов удовлетворяет свою потребность в медикаментах и вакцинах.

В Сайгоне сменяющиеся «правительства» установили лекарственную блокаду, запретив фармацевтам отпускать без рецепта самые простые медикаменты и даже гигроскопическую вату из боязни, чтобы они как-нибудь не попали в свободную зону и в руки нашей армии. Но вы видите здесь на полках американские лекарства. Они были захвачены в боях, вместе с оружием.

Мы с Бэрчеттом захотели навестить научно-исследовательскую лабораторию НФО, скрытую в самой дикой чащобе джунглей, в нескольких днях пути от ближайшего города. Это было трудное путешествие по затопленным тропам и дало нам представление о неприятностях, причиняемых муссоном. Шагали по пояс в воде, по скользкой грязи, кишущей пиявками.

Нашим проводником была доктор Тхи Ба. Я еще не сказала о том, что она молодая и красивая женщина. Поверх черной крестьянской одежды она носит белый платок в знак траура по мужу, погибшему на фронте. С докторской сумкой и с гамаком за плечами,

привыкшая к долгим переходам в любых условиях для оказания помощи больным и раненым, Тхи Ба шагала по тропинкам с подлинно царственной грацией и легкостью. На ее одежде не было ни единого пятнышка грязи. Она действительно была похожа на лотос, белоснежный цветок, растущий на болотах.

Воздушный налет захватил нас совсем близко от лаборатории. Не теряя самообладания, Тхи Ба все с той же спокойной улыбкой сказала:

— Экая досада, здесь нет укрытия. Но достаточно присесть за стволами деревьев с этой стороны.

И пока весь лес содрогался от взрывов бомб, она рассказывала мне:

— Как-то раз по пути к заболевшему католическому сановнику я попала под бомбежку напалмом. В этом случае сразу видно, с какой стороны пылает лес, нужно только уметь быстро бегать...

В лаборатории врачи не прервали работу из-за такой «мелочи».

— Этот сезон благоприятствует вспышкам эпидемии, нам нужно торопиться. Так что нам не до самолетов. К тому же, они бомбят вслепую.

За шесть месяцев лаборатория выпустила миллион доз противооспенной и свыше десяти тысяч доз противохолерной вакцины. Благодаря этому была пресечена в корне эпидемия холеры, начавшаяся после тайфунов. Медсестры Национального фронта освобождения бесплатно делали прививки жителям пострадавших районов, включая и оккупиро-

ванные зоны, в то самое время, как в Сайгоне Тейлор, узнав о бедствиях, причиненных тайфунами, заявил в присутствии журналистов, что это несчастье — его союзник.

Белый халат, который врачи носят поверх «вьетконговской» одежды, служит единственным напоминанием о том времени, когда у этих врачей Фронта были в городе просторные, хорошо оборудованные кабинеты, машины, комфортабельные квартиры. Здесь они сами построили соломенные хижины, в которых работают. И спят, когда находят для этого время. Вместе со своими учениками они выращивают рис и овощи, которыми питаются. У них нет абсолютно ничего лишнего. С внешним миром их связывает только единственный транзистор, батареи которого разряжаются очень быстро в этих сырых джунглях. Врачи непрерывно ведут свои исследования, чтобы спасти как можно больше людей, в то время как над их лабораторией летают бомбардировщики, подстерегающие малейшие признаки жизни, чтобы ее уничтожить.

Доктор Т... и доктор Тх¹... создали эту лабораторию год назад. В бывшем гнезде термитов они смастерили термостат, автоклав. Оказывается, термиты превращают землю в огнеупорный материал, который выдерживает высокую температуру. Насос для заполнения ампул вакциной сделан из велосипедного насоса. Оловянные ванночки, флаконы из-под

¹ Я не могу назвать имена, потому что их семьи остались в оккупированной зоне.— *Прим. автора.*

американских лекарств, инструменты, сделанные из дюралюминия со сбитых вертолетов, составляют оборудование «пастеровского института» джунглей.

Пока Бэрчетт снимает все это киноаппаратом (эти кадры были одними из самых интересных в его документальном фильме, показанном по телевидению во Франции), я спрашиваю доктора Т...

— За неимением пептона штаммы противоспенной вакцины можно культивировать на буйволе, — говорит он, — а противохолерные вакцины на свином желудке. В Европе сухую противоспенную вакцину растворяют в глицерине. У нас его нет. Но в лесу есть пчелы. Мед с успехом заменяет глицерин.

И, предвосхищая мой вопрос, доктор Т... добавляет, смеясь:

— Не беспокойтесь обо мне. В наши дни настоящие джунгли не здесь, а в Сайгоне...

Важные медицинские открытия были сделаны во время первой войны в Индокитае в подпольных лабораториях Долины Тростников доктором Фам Нгок Таким, нынешним министром здравоохранения Демократической Республики Вьетнам. «*Bacillus subtilis*» и убитая БЦЖ (бацилла Кальметт — Герена) хорошо известны сейчас всем специалистам, которые присутствуют на международных конгрессах бактериологов.

В джунглях Южного Вьетнама постоянно стремятся совершенствовать эти открытия, дающие возможность лечить в условиях Азии многих больных без особых затрат. Бацилла «*subtilis*», полученная в лесных лабораториях,

успешно заменяет антибиотики. Эта бацилла способствует быстрому заживанию при лечении воспалившихся ран, при глубоких ожогах от напалма. В санаториях Национального фронта освобождения мы видели, как лечат оставшихся в живых бывших узников кааторжной тюрьмы Пуло Кондор: больным тяжелой формой туберкулеза делают инъекции бациллы «subtilis» прямо в каверны и добиваются изумительных случаев полного выздоровления.

Каждой американской попытке массового истребления населения Южного и Северного Вьетнама дают отпор не только войска, но и врачи.

Очень трудно спасти детей, в особенности грудных, от последствий химической войны, первыми жертвами которой они становятся.

Но я видела, как изготавливаются первые самодельные маски, которыми обеспечен каждый солдат, чтобы можно было пересекать отравленные зоны. Медсестры Национального фронта освобождения обучают население, как своими силами изготовить эти средства защиты, секрет которых я не собираюсь открывать американцам. Но я могу заверить их, что они очень ошибаются, думая, будто им удастся загнать целый народ в газокамеру. Ученые джунглей, борющиеся за сохранение жизни, нисколько не уступают им в изобретательности.

Как в деревнях, так и в Армии освобождения нас приятно удивляло хорошее состояние здоровья людей. Они все выглядели намного лучше, чем после предыдущей войны. В этом

заслуга не только врачей, но и организованности самих крестьян освобожденных зон, которым помогают НФО.

Школы в джунглях в течение года подготовили сотни акушеров и медработников, десятки врачей и хирургов, способных оказать срочную помощь. Фронт направляет медработника в деревню, и он сам, собрав необходимые деньги с каждого, кто сколько может, создает аптечный фонд, которым владеет и распоряжается община. Понемногу были изжиты суеверия, повитухи уступили место акушеркам.

Революция в сельской местности, погруженной до сих пор во мрак феодальной и колониальной ночи, выражается также и в том, что теперь крестьяне кипятят воду и обеспечены хинином при приступах малярии; в том, что они впервые в жизни начинают понимать, что можно вылечить зубы и сделать операцию при трахоме.

Всего несколько месяцев назад здесь не было ничего, кроме дикой лесной чащи.

А сейчас мы видим хорошо скрытый от самолетов центр специалистов по пластической хирургии. Молодые врачи, встречающие нас, были студентами в Сайгоне. Они сами построили эти легкие павильоны из плетеного бамбука. В операционной некрашеный дощатый пол легко дезинфицируется. Все здесь просто и очень чисто. Есть зал ожидания для больных, которые приходят на консультацию даже из ближайшего оккупированного города.

Хирургические инструменты, представляющие огромную ценность в условиях джунглей,

между операциями хранятся в подземных тайниках.

— Здесь лечат тяжело раненных в лицо, людей с глазами, обожженными напалмом. Впервые в этом году мы начали делать даже пластические операции с косметической целью, — с гордостью сказал мне хирург.

И действительно, совсем недавно была сделана операция девушке с заячьей губой. В прежние времена у этой бедной крестьянки не было бы ни малейшей возможности избавиться от этого недостатка.

Больницы, медицинские школы, лаборатории зачастую полностью разбираются и отстраиваются заново, в совсем другой части джунглей, чтобы сбить со следа бомбардировщики.

У Армии освобождения есть свои собственные врачи, хирурги, доноры и хирургические пункты первой помощи, предусмотренные в каждом плане сражения, всегда готовые оказать помощь бойцам в подземных убежищах, оборудованных вблизи поля битвы.

Во время битвы при Бинь-Зя в январе 1965 года мы имели возможность посетить эти хирургические пункты первой помощи, где оказывали помощь также и пленным.

Мы заметили, что патриоты Южного Вьетнама, именно потому, что они ведут уже больше двадцати лет очень тяжелую борьбу, высоко ценят жизнь. А из посещений различных гражданских больниц Фронта мы вынесли совершенно противоположные мнения о тех, кто испытывает во Вьетнаме последние изобретения своей «цивилизации».

Причудливые морщины от ожогов напалмом на теле человека я уже видела в Камбодже в октябре 1964 года в деревне Шантреа, одной из деревень пограничного района, на которых американская авиация безнаказанно вымещает неудачи своей армии на вьетнамской стороне.

И в Южном Вьетнаме нам довелось увидеть много пострадавших от напалма, чудом уцелевших людей, навеки отмеченных огнем, как та девочка из Шантреа, по имени Сурн, которую в ее кхмерской хижине никто не мог принять за «опасного вьетконговца». Она была повинна только в том, что родилась в маленькой буддистской стране, которая даже не участвует в войне, но решила оставаться нейтральной и независимой.

XXV

Однажды доктор Тхи Ба повела меня в госпиталь, которым она руководит. Там лечатся в основном женщины, многие из которых сошли с ума от перенесенных пыток.

— Всегда одна и та же история, — сказала мне Тхи Ба. — Женщины, пока борются, держатся изумительно. Но потом, когда они выходят из тюрьмы, возвращаются в свободную зону, выясняется, что их здоровье подорвано.

Больные лежат в соломенных хижинах на две — четыре койки. Около них стоят бумажные цветы. Бумажные, потому что в этой части джунглей живых цветов нет.

Здесь нет атмосферы отчаяния. Больные сами утешают и морально поддерживают друг

друга. Мы увидели нескольких женщин из тех сорока одной, которые были сосланы на каторгу в Пуло Кондор. Тюремщики называли их неукротимыми.

Несмотря на то, что они ни в чем не сознались даже под пытками, их все-таки продержали семь лет в тюрьме без каких-либо малейших доказательств их патриотической деятельности. Это были выносливые крестьянки, выжившие в «клетке с тиграми», перенесшие пытки водой и пытки, обрекающие на бесплодие.

— Чтобы получать хоть немножко пищи, — рассказала мне одна из них, по имени Ту Тхоай, — и быть переведенными в менее перегруженные камеры — в нашей было так тесно, что мы не могли ни лечь, ни даже сесть, — мы должны были согласиться на участие в «изобличении вьетконговцев». Нас хотели запятнать, сломить морально.

Во времена колонизации полиция тоже применяла пытки, но обычно по окончании следствия они прекращались. Теперь же по методам «особой войны» заключенных пытаются все время, пока они находятся в тюрьме. Наемникам приказано пытками заставить нас отречься от своих убеждений и стать их агентами.

Каждый раз после ареста систематически применяются пытки, даже в тех случаях, когда арестованный готов рассказать все, что ему известно. Если же арестована женщина, то несколько охранников насилуют ее. А потом начинается политическая обработка.

В ответ на эти методы мы ведем политическую борьбу в тюрьмах и лагерях, и эта борьба тоже не прекращается ни на минуту.

Еще до ареста боец «армии с шиньонами» морально подготовлен к тому, что с ним может случиться. «Это не меня пятнает насилье,— говорит молодая женщина своим охранникам,— а вас самих». При переводе из тюрьмы в тюрьму она громко кричала прохожим о том, что с ней сделали.

— В Пуло Кондоре в 1958 году, — продолжает Ту Тхоай, — у нас в камере одна из женщин, ее звали Ши В... забеременела в результате изнасилования. Ее муж был в армии на Севере. Она все время плакала и хотела умереть. Нас было битком набито в камере. Совершенно голые, мы жили в атмосфере испарений от наших тел в период самой страшной жары. Нам выдавали в день на душу всего по четверти литра воды для питья и умывания.

В мужских камерах было еще хуже. Каждый день до нас доносилась сочиненная арестованными песня, которую они пели, когда умирал кто-нибудь из заключенных. Умерших выносили из камер не сразу, а наоборот, оставляли трупы как можно дольше среди живых.

— Несмотря на то что ребенок Ши В... уже начал шевелиться, она упорно отказывалась проходить «полицейские курсы обучения», что дало бы ей возможность получать немножко больше пищи, остаться в живых и сохранить ребенка. И мы решили, что ей нужно притвориться покорившейся. Мы сказали: «Лагерный комитет Сопrotивления решил, что твой

ребенок должен жить. Это маленький вьетнамец. Всякая жизнь священна».

У Ши В... родился ребенок. Пять или шесть детишек выжили в лагере.

Тысячи заключенных, из которых многие арестованы десять лет назад, продолжают бороться за увеличение порции риса и за человеческое достоинство. Они отказываются отдавать честь знамени сайгонского правительства и стоять навтыяжку перед американскими офицерами во время инспекционных осмотров. В присутствии этих офицеров заключенные устраивают демонстрации и кричат: «Янки, убирайтесь домой!», невзирая на побои, на заточение в карцер и лишение воды и пищи.

Но в Южном Вьетнаме много мест заключения и не все тюремщики являются палачами. Некоторые поддаются агитации. И заключенные никогда не перестают вести эту агитацию, не перестают убеждать тюремщиков. Иногда их усилия бывают успешными.

В госпитале доктора Тхи Ба я видела героиню безоружной борьбы Ким Дунг. Она дочь рабочего плантации. В 1957 году, когда ее брат был убит во время облавы, ей было шестнадцать лет. И с этого дня началась борьба Ким Дунг. Во главе женской делегации она отправилась в Сайгон требовать справедливости. Там ее арестовали как зачинщицу.

— Кто подучил тебя организовать эту демонстрацию? — допытывались полицейские у девушки.

— Я сама, одна решилась на это. Вы

пролили кровь родного мне человека. Я требую возмездия.

После трех месяцев бесплодных допросов и зверских пыток агенты безопасности отпустили Ким Дунг на свободу. За участие в политических демонстрациях ее трижды арестовывали в 1957 и 1960 годах.

При последнем аресте в провинции Тай-Нинь ее так жестоко пытали, что тюремщики сочли ее мертвой и отправили в тюремный морг. Но Ким Дунг осталась жива. Когда к ней вернулось сознание, ее молодость тронула сердце одного из тюремщиков, хотя он видел немало других жертв. Он напоил ее молоком и отправил в больницу. Местное население, узнав обо всем этом, устроило демонстрацию, требуя ее освобождения.

В результате многих усилий нам удалось организовать ей побег с помощью тюремного санитаря и двух тюремщиков, которых она сама склонила на сторону патриотического движения. Один из этих тюремщиков в настоящее время сам сидит в тюрьме. А второй вступил в ряды Национального фронта освобождения. Санитар тоже находится в свободной зоне.

В день нашего приезда у Ким Дунг с утра снова началось кровохарканье, и она не могла ни шевелиться, ни говорить. Одна из ее бывших подруг по тюремной камере Хоа Сен, оглохшая от пыток, рассказала мне ее историю.

Когда мы уже покидали госпиталь, наша группа проходила мимо хижины, в которой лежала Ким Дунг. Над бамбуковой перегород-

родкой я заметила маленькую руку, которая слабым движением подзывала нас.

— Она слышала о вас и хочет вас видеть,— сказала Тхи Ба.— Для нее большая радость встретиться с подругой из-за рубежа... Ну что же, идите к ней. Но не давайте ей говорить и побудьте у нее всего несколько минут.

Секунду спустя я была у постели маленькой, хрупкой, как птичка, девушки, пылающей в жару. Дышала она с хрипом, и голос ее доносился издалека, словно с другого берега, откуда обычно никто не возвращается:

— Расскажите всем о том, что они с нами делают,— сказала мне Ким Дунг.

XXVI

— Извините меня. Я забыл то небольшое из французского языка, что учил в семинарии 40 лет назад. Может быть, мы смогли бы говорить по-латыни?

Вначале я приняла его за обыкновенного старого крестьянина. Преподобный отец Жозеф-Мари Хо Хе Ба носил не сутану, слишком неудобную для жизни в джунглях, а так называемый костюм «вьетконговца» и сандалии на резиновой подошве, как и все мы.

Последние вьетнамские католики, которых я встретила в 1954 году севернее 17-й параллели, напуганные американскими листовками, сброшенными над их деревнями, бежали на Юг.

— Мы уважаем президента Хо,— пробормотал один из беженцев, который согласился со мной разговаривать,— но он не верил в

бога, и Христос отомстил за себя, ниспослав нам наводнение, а потом засуху. А теперь американцы говорят, что они сбросят атомную бомбу на Север. Все погибнут. Священники уходят. Они уносят статую Святой Девы. Ну и мы тоже следуем за ними.

Тысячи крестьян-католиков, не желая прислушаться к объяснениям демократического правительства, которое гарантировало им полную безопасность, охваченные умышленно организованной паникой, бежали к Дьему.

— Я рад вас встретить,— сказал преподобный отец Хо Хе Ба.— Я хотел вас просить передать дружеское послание вашим соотечественникам-католикам: ведь скоро рождество.

Я попыталась передать это послание. Но связной, который тайно переправлял наши статьи патриотам, служащим на почте, был арестован на следующей неделе во время воздушной бомбардировки. Ваше послание, господин Хо Хе Ба, было потеряно вместе с рождественскими поздравлениями, отправленными Бэрчеттом и мной в то же самое время. Девушка, которая отвечала за доставку почты, была ранена осколком. Но об этом мы узнали много позже.

«Тот, кто захочет спасти свою жизнь, потеряет ее. Но тот, кто потеряет во имя мое, спасется»,— повторял преподобный отец Ба. Он говорил о любви к родине словами Нового завета. И однако старый священник рассуждал так же, как и борцы Народно-революционной партии, встреченные мной в рядах Фронта, всегда стремящиеся быть впереди тех, кто сражается за родину.

Учитель семинарии преподобный отец Ба встал на сторону партизан, когда клика Дьема уничтожала всех тех, кто мешал осуществлению планов американских агрессоров.

— Враги моей родины,— рассказывал господин Ба,— пытались натравить буддистов на католиков, чтобы укрепить свою власть с помощью раздоров и террора. Впрочем, они продолжают подобную политику до сих пор, и иногда этот обман им удается. Но поверьте мне, большинство верующих не поддается их обману. Не всем хорошо известно, что даже во времена господства Дьема католики-патриоты подвергались преследованиям. Их называли «агентами Вьетконга», «коммунистами». В марте 1957 года преподобный отец Ле Ван Вуи был привлечен к судебной ответственности, а Ле Ван Пьен был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Подвергались преследованиям и многие другие. Американцы реквизировали церкви, так как не хватало зданий для тюрем.

Молодые католики, бежавшие с Севера, отказались сражаться в рядах наемников. Они были казнены для устрашения других. Дьем, госпожа Нью, все эти люди, которые только и знают, что говорят о Христе, в действительности оказались волками в овечьей шкуре.

«Никому не было пощады»,— утверждает член Центрального комитета Национального фронта освобождения преподобный отец Тхиш Хунд Ту, являющийся буддистом. Впрочем, в ЦК Фронта состоит также и сам господин Жозеф-Мари Хо Хе Ба.

— Тем, кто им покорен, американцы дают деньги. Тех же, кто поклоняется только Христу или Будде, ожидает тюрьма,— говорит господин Ба.— И бомбы,— добавляет он.— В освобожденных районах бомбы не пощадили ни церквей, ни пагод. А теперь сайгонское правительство в своем приказе запретило вечернюю службу под рождество в этом году. Но она все-таки состоится, я могу это утверждать!¹

Слушая учителя семинарии, голос которого дрожал от возмущения, я снова подумала, что в Южном Вьетнаме, как, впрочем, некогда и во Франции, преступления оккупантов лишь способствовали объединению людей, которые до войны ненавидели друг друга.

Когда поля наши град сечет,
Для споров закрыты двери,
И только безумец их примет в расчет,
Об общих забыв потерях...

— Это поговорка французских крестьян? — спрашивает господин Ба.

Я ему объясняю, что эти строки написал Арагон в период Сопrotивления во Франции.

А потом под зеленым сводом из листьев, где хорошенькая нефритовая змейка занята

¹ Мы узнали позже, что американские самолеты незадолго до рождества 1964 года повредили собор в Нгай-Данге, освобожденном районе около Мо-Кай. Во время артиллерийского обстрела освобожденных деревень в канун и в первый день рождества погибли люди, собравшиеся на празднество. 26 декабря демонстрация из 16 тысяч человек, состоявшаяся в районном центре, оккупированном Ба-Три, выразила свой протест против подобных действий. — *Прим. автора.*

охотой на мышей, в самом сердце «вьетконговских маки», я рассказываю вьетнамскому священнику о патриотизме французских католиков. И никто не улыбнулся, когда я сказала преподобному отцу Ба, что он мне напоминает одного француза-аббата.

Аббат Лаваллар тоже был учителем богословия. В конце 1941 года он заболел туберкулезом. Это обстоятельство послужило официальным предлогом для его увольнения. Во время немецкой оккупации его назначили простым священником в деревню Сантерры (равнинный край на севере Франции), где церковные колокольни среди пшеничных полей без единого деревца напоминают мачты кораблей в открытом море.

Мои родители были учителями в деревне, где аббат Лаваллар отправлял службу. Странная это была служба, так как священник всякий раз во время проповеди предавал анафеме злодеяния фашистов. «Они осмеливаются,— говорил он с гневом,— носить на своих ремнях надпись: «С нами Бог!»

За столь смелые высказывания в то время аббата Лаваллара ожидала по меньшей мере тюрьма. Но Лаваллар не только произносил проповеди. Я как сейчас вижу его. Он едет по полям в любую погоду, взгромоздившись на старенький велосипед. Аббат казался очень смешным в своей слишком короткой сутане: когда низ ее превращался в бахрому, он брал ножницы и просто-напросто срезал ее. Высокий и худой, он походил на черную болотную птицу. Но в его суме были не только

изображения святых. Там было оружие для франтиреров и местных партизан.

Оккупанты арестовали борца Сопротивления Лаваллара и отправили в лагерь Маутхаузен. Там он мог бы в качестве лагерного священника попасть в специальный блок и таким образом избежать команды смертников. Но Лаваллар отказался: «Меня арестовали не как священника, а как партизана. Я останусь со своими товарищами».

Раненный при попытке помочь товарищу во время работы в каменоломнях, аббат Лаваллар был сожжен в крематории. Это произошло за несколько дней до освобождения лагеря.

Вот что я рассказала господину Хо Хе Ба. Слово «вьетконг» еще не было известно эсэсовцам. Поэтому когда они били аббата Лаваллара, то кричали ему в лицо, что он «грязный коммунист» и «французская свинья».

XXVII

Мне кажется, что в джунглях Юга меньше цветов, чем в лесах Северного Вьетнама. Может быть, это было не подходящее время года? И все-таки я нашла несколько маленьких орхидей. Девушки-партизанки выкапывают их и пересаживают возле новых деревень. Мне встретилось также несколько «цветов-бабочек», о которых трудно сказать, что это: листья или цветы. Робкие влюбленные говорят об этих цветах, чтобы заполнить долгие минуты молчания во время первого свидания где-нибудь на тропинке в джунглях.

Я цветов не собираю. В Африке, Иране и Азии — повсюду я собирала народные песни и поэмы. Вьетнам ими исключительно богат.

Вот почему я всегда держала наготове свой магнитофон, будь то в деревне, когда крестьяне, собираясь вместе, готовили бамбуковые ловушки и складывали песни в своем традиционном размере на 6 или на 8, или в армии, когда бойцы в перерывах между сражениями пели песни, аккомпанируя себе на гитарах, отнятых у американцев вместе с оружием.

В народе бытуют очень короткие песенки неизвестных авторов. Их нельзя слушать без слез. Ши Хай спел мне одну из них. В ней рассказывается о женщине, оставшейся в одиночестве в пустом и холодном доме. Она беседует с лампой, как единственной свидетельницей ее печали. Поэма оканчивается так:

И когда лампа погасла,
Я обняла твою тень.

Как никто другой (это подтверждают все легенды), вьетнамский народ смог в своих трогательных за душу стихах рассказать о страданиях разлученных возлюбленных. Сегодня же в устах вьетнамцев, в джунглях, звучат боевые марши, в которых говорится о ненависти к американским захватчикам, о решимости изгнать их и об уверенности в победе.

Это тоже действительность. Однажды мы присутствовали в расположении одной воинской части на празднике в честь победы, одержанной предыдущей ночью. Крестьяне любовно ухаживали за солдатами. Это было пир-

шество на траве на фоне джунглей. Угощение состояло из клейких рисовых пирогов, бобовой муки, поросенка, утки, бананов и плодов папайи.

И так же как на наших деревенских свадьбах, каждый должен был спеть свою песню.

Самая популярная песня в этом году среди девушек называется «Платочек». Это раздумья над кусочками полотна, которые они вышивают антиамериканскими лозунгами и отсылают бойцам.

Двадцатилетние партизанки, родившиеся в год, когда началась первая война в Индокитае, мечтают, напевая одну из таких мелодий. Ни напалм, ни удушливые газы, никакое другое изобретение военных лабораторий Соединенных Штатов не смогли разрушить эти мечты.

Все подпевают хором, когда звучит знакомый припев:

Наш Южный Вьетнам кипит от ненависти,
Крестьяне, рабочие, вставайте!
Люди интеллигентного труда, вставайте!
Чтобы спасти наш народ,
Мы покинули наши очаги.
Мы вернемся, но только
Тогда, когда враг будет изгнан.

Сидя среди поющих солдат и записывая их песни на маленьком японском магнитофоне, купленном из-под полы где-то в Азии, я думала, что если вернусь в Париж, то обязательно издам на пластинках южновьетнамские песни. Я думала, что где-то в странах далекой Европы, где люди нежатся в мягких постелях, голоса молодых бойцов вьетнамско-

го Сопротивления, поющих в перерыве между бсями, помогут понять лучше то, что я поняла здесь в самой стране, а именно то, почему на борьбу поднялся весь народ¹.

Офицера подразделения Армии освобождения, которого чествовали в тот день, звали Хюинь Минь. Он один из тех, кто долго и упорно после месяцев учебы и тренировки вместе с другими готовил ошеломляющие операции против «неприступных» американских баз. Воистину это победы Давида над Голиафом. Хюинь Минь руководил молниеносным нападением в почь на 31 октября 1964 года на аэродром Бьен-Хоа, которое явилось предвестником поворота в войне, ставшим уже очевидным в январе 1965 года, после победы под Бинь-Зя.

— Бьен-Хоа — это был лакомый кусок, — говорит Хюинь Минь, рисуя нам план палочкой на слое пыли. — Этот военный аэродром находится километрах в двадцати от Сайгона. Он окружен тремя линиями обороны. Первая образована примерно сотней «стратегических деревень», контролируемых семьюдесятью вражескими постами. Вторая состоит из двенадцати дотов и восемнадцати наблюдательных башен, охраняемых двумя батальонами. Третья линия включает пять рядов колючей проволоки и минное поле. Еще один батальон был размещен в километре от базы; два других моторизованных также прикрывали аэродромы. И сверх этого еще один

¹ Эти пластинки были выпущены французским издательством «Песни мира» под названием «Песни партизан Южного Вьетнама». — *Прим. автора.*

батальон морской пехоты с танками-амфибиями М-113 должен был прийти на помощь в случае тревоги, не говоря уже о 2500 пилотах и солдатах, расположенных на самой американской базе, полицейских и сотне немецких овчарок, специально выдрессированных для охоты на «вьетконговцев».

И все-таки мы непременно хотели ударить по Бьен-Хоа, так как этот аэродром был источником всех наших бедствий в этом районе. Отсюда улетали самолеты, чтобы сбрасывать на непокорные деревни отравляющие вещества, в результате чего погибло семьдесят человек и было уничтожено 700 гектаров посевов. Отсюда взлетели В-26, которые несколько недель назад убили четыреста человек во время речного боя в Онг-Кео.

Мы знали также, что в Бьен-Хоа находилась база самолетов В-57, которые совершили налет на Север страны в августе 1964 года. Мы об этом точно узнали из документов, найденных незадолго в одном из сбитых до этого самолетов В-57, хотя американцы прилагали все усилия, чтобы обнаружить и уничтожить остатки самолета.

Сорок новых гигантских бомбардировщиков только что прибыли на базу. Для каких новых преступлений?

Ночью 31 октября у нас все было готово. В моем подразделении бойцы с воодушевлением и радостью рвались в бой. Даже больные умоляли разрешить им принять участие в операции. Пришлось уступить им, но с условием, что им помогут нести оружие. Вы понимаете,— продолжал Хюинь Минь, понизив

гслом,— ведь у них почти у всех кто-нибудь из близких погиб во время бомбардировок. У нас все родом из этих мест.

Операция длилась всего каких-нибудь четверть часа. Благодаря сведениям, полученным от населения, быстроте и меткости нашего огня, мы уничтожили на земле пятнадцать «скайрейдеров», двадцать один В-57 и один У-2. Двести девяносто три американских солдата и офицера были убиты или ранены прежде чем, охваченные паникой, они смогли оказать сопротивление. Мы выполнили наш план, по которому, как, впрочем, и всегда, были уничтожены вместе с самолетами только одни американцы. Мы точно знали места их расквартирования.

Марионеточные солдаты (об этом мы узнали позже) во время нашего обстрела из минометов укрылись в окопах. Но американцы, будучи уверенными, что их база неприступна извне, вначале подумали, что это восстали их наемные солдаты, и открыли по ним стрельбу. Правительственные войска ответили им и убили двадцать одного американца.

Выполнив задание, мы беспрепятственно отошли. Когда мы возвращались, жители «стратегических деревень» собрались, чтобы издали посмотреть на горящие бомбардировщики. Они были очень довольны.

Один старик долго бежал за нами. Он хотел во что бы то ни стало заставить нас принять в подарок молодого буйвола, которого тянул на веревке. «Возьмите его, дети мои,— все говорил он,— и приготовьте себе хороший ужин. Все равно враги рано или поздно

отберут его у меня». Мы отказались от подарка. Вот благодаря таким людям, как этот старик, мы смогли проникнуть так глубоко в расположение врага и затем отступить без потерь.

Чтобы расширить аэродром, враги согнали с близлежащих земель всех жителей. А вы знаете, это была хорошая земля,— с грустью в голосе продолжает Хюинь Минь.— Я ведь тоже крестьянствовал, и как раз в этих краях. Родом я из деревни около Бьен-Хоа, недалеко отсюда. Все мои солдаты тоже из этих мест. Они знают каждое дерево, каждого человека, каждую собаку. А это многое объясняет.

Я попросила разрешения у офицера сфотографировать его. У него доброе лицо с морщинками, расходящимися лучами вокруг хитро улыбающихся глаз, типичное для вьетнамского крестьянина. Он не носит нашивок на своем довольно поношенном свитере.

— Да, пожалуйста, фотографируйте,— говорит он мне.— Моя семья, или, вернее, все, что от нее осталось, находится теперь в освобожденных районах.

Бэрчетт заметил, что точность молодой артиллерии армии Фронта освобождения в Бьен-Хоа потрясла теоретиков «особой войны». Хюинь Минь рассказал нам следующую забавную историю.

— В 1962 году мы захватили у врага первые минометы. В целом подразделении не было никого, кто бы окончил военное училище. Мы умели обращаться только с легким оружием и не знали даже, что делать с даль-

номером. Наши крестьяне поразмыслили вместе, попробовали. На минометах были отмечены различные расстояния в 100 и 200 метров. Кому-то пришла в голову мысль привязать к плите миномета конец нейлоновой нити. Один человек ночью ползком добрался с этой нитью до цели. Осталось лишь только сосчитать количество метров и отрегулировать стрельбу.

Действуя, таким образом, вслепую, мы все-таки подготовили метких стрелков. Доказательством тому — меткая стрельба под Бьен-Хоа.

И офицер-крестьянин, руководивший самой крупной операцией против самолетов, которая была осуществлена подразделениями, не имеющими ни самолетов, ни автомашин, передвигавшимися пешком и вооруженными лишь минометами, захваченными у врага, произнес слова, достойные пера Лафонтена: «У американцев есть бомбардировщики, джипы, танки-амфибии. Они очень быстро ездят и летают. Но мы всегда будем быстрее американцев, потому что здесь, в Южном Вьетнаме, мы у себя дома».

XXVIII

В занятых американцами городах, являющихся единственным тылом оккупантов, борются те, чьи имена сегодня не могут быть оглашены и чьи фотографии не могут быть опубликованы.

Кто они? Об этом узнают только в том случае, если эти люди попадают в руки полиции.

В вечерних выпусках телевизионных новостей миллионы телезрителей могут тогда их увидеть в фильме, снятом американскими операторами, в котором запечатлено, как они гордо держат голову под пулями палачей. Так было с Нгуен Ван Чоєм, так было с Ле Ван Кхьеном.

Мне удалось встретиться с некоторыми из соратников этих расстрелянных молодых бойцов. Уже само путешествие было опасным приключением. Чтобы выиграть время, мы передвигались в легкой моторной лодке (сампане), и только ночью. Этот способ передвижения не рекомендуется днем: шум мотора мешает услышать гул приближающихся самолетов.

Зона, контролируемая Фронтом, и зона, контролируемая Сайгоном, тесно соприкасаются в окрестностях столицы.

Но как только опускается вечер, повстанцы чувствуют себя полными хозяевами в своей зоне, несмотря на близость вражеских постов. В лабиринте протоков и на широких реках, спокойно текущих между пальмами и лианами, ночь говорила с нами языком сигналов: пламенем костра, разведенного специально для нас, миганием огоньков, отвечавших на сигналы нашего карманного фонарика. В темноте с нами были наши друзья, которые охраняли нас повсюду.

— Вы ведь умеете плавать?— спросил меня Лам в начале нашего путешествия.— Если нас обстреляют, единственное спасение — коллективное купание.

Я ответила, что умею, хотя это не совсем так. Я подумала, что всегда смогу зацепиться за лиану. В ту ночь я часто смотрела на звезды. Если вдруг одна из них, красная или зеленая, направлялась в нашу сторону, то это была не звезда.

Однажды во время дневного перехода мы попали в облаву. И тогда мне представился случай познакомиться с одним из тайников, которые знамениты еще со времен первой войны в Индокитае. Единственный во всей деревне боец знает о существовании этого подземелья и может найти вход в эту искусно замаскированную дыру, куда едва-едва можно протиснуться. Распластавшись на земле в абсолютной темноте, я слышала, как над моей головой ходили, говорили, и пыталась понять, были ли то друзья НФО или солдаты сайгонской армии. Я слышала выстрелы, крики, шум разбиваемой глиняной посуды. Мы были вдвоем в этом наглухо закрытом подземелье и все еще не могли отдышаться от недавнего бега, а дышать можно было только через бамбуковую палочку. Застарелый туберкулез, полученный еще в тюрьме и затруднявший дыхание, дал себя знать, и я подумала, что мои журналистские эксперименты окончатся в тот день. Сегодня я должна извиниться перед руководителями этой деревни за недостаток оптимизма, так как после сравнительно короткой перестрелки сайгонские солдаты отступили, как это часто случается начиная с 1964 года. По-видимому, их офицер, отметив в донесении «крупное скопление повстанцев», вызвал авиацию. Мне же через несколько часов стало

известно, что в данном случае это «крупное скопление» насчитывало всего восемь бойцов.

А еще я узнала, что один профсоюзный деятель, сайгонский рабочий, жил с 1955 по 1958 год в том самом подzemелье, где я чуть было не задохнулась... Есть от чего на всю жизнь стать скромной, даже «если проживешь тысячу и еще тысячу лет», как говорят в Азии.

— Зоны, которые мы контролируем вокруг столицы, вклиниваются в расположение противника. А недолговечность марионеточных правительств нам очень на руку,— пояснил мне один из руководителей Фронта, когда мы прибыли в установленное для встречи место.

Даже в Сайгоне американские военные давно уже не чувствуют себя в безопасности, несмотря на подкрепления, присланные к ним для того, чтобы ослабить наше давление на столицу. А вы сами заметили, какова боеспособность наемных солдат. Их посты парализованы тактикой «удушения», которая широко применяется населением.

Пентагон напрасно все время меняет марионеток, чтобы установить хотя бы относительно прочное правительство. Это невозможно! Ему нужно было бы создать по крайней мере двадцать постов премьер-министров, десятки министерских портфелей, чтобы удовлетворить своих слуг, падких на наживу. И даже в этом случае правительства не были бы прочными, потому что они не нашли бы никакой поддержки в народе.

Жители Сайгона пользуются каждой переменой в правительстве, чтобы добиться сме-

щения наиболее жестоких чиновников и полицейских. Они доносят на них их новым хозяевам, которые демагогии ради, а также с целью посадить своих друзей на освобожденные таким образом места идут навстречу подобным требованиям. Вот почему наше положение со времени падения Дьема улучшилось.

Все чаще полицейские отпускают арестованных участников забастовок и демонстраций, чтобы заручиться таким образом свидетельством своего патриотизма, которое им может пригодиться, когда народ победит. Участники французского Сопротивления, наверное, вспомнят, что подобные истории происходили и в Париже в 1944 году.

Однажды во время другого перехода в лесу мое внимание привлекла женщина, такая бледная, как будто бы она долгое время не видела дневного света. Оказалось, что это жена Генерального секретаря Национального фронта освобождения Хюинь Тан Фата, председателя сектора Сайгон-Шолон. Действительно, только недавно она была выпущена из тюрьмы после пяти лет заключения.

Начальник центральной тюрьмы, некогда санкционировавший все пытки, которые она вынесла, внезапно освободил ее «во имя человеколюбия». Вне всякого сомнения, этот чиновник почувствовал, что ветер подул в другую сторону.

В Сайгоне борьба без оружия, которую ведет женская армия, приобрела широкий размах. Например, если патриота арестовали на улице, какой-нибудь прохожий поднимает

тревогу криком: «Посмотрите-ка, полицейский такой-то... взял в плен «вьетконговца!» Услышав свое имя, громко повторенное несколько раз с притворным восхищением в голосе, осторожный полицейский очень часто отпускает жертву, едва скрывшись за угол.

Таким образом, даже внутри очень мощной группировки противника жителям городов удается различными способами ослаблять «полицейские тиски», разлагать марионеточный аппарат, служители которого не осмеливаются вести себя так нагло, как раньше, и даже на многое закрывают глаза, если рядом нет начальства.

— Недавно, — рассказывал один совсем молодой человек в джинсах, — мне пришлось сильно переволноваться. — Я нес по улице связку газет Фронта, которые нужно было передать подпольщикам. И вдруг веревочка разорвалась, газеты рассыпались по тротуару. Я попытался их собрать, но было много народу и совсем рядом — полицейские. Так вот, через несколько дней какой-то незнакомец сумел связаться с одним из наших: «Газеты мы вам не возвратим, — сказал он. — Мы хотим их почитать. Но вот документы, которые оказались среди газет, мы спрятали, прежде чем подошли полицейские». Люди догадываются, кто мы, и когда мы попадаем в трудное положение, они нам помогают, хотя и не показывают этого.

Из Сайгона в Европу доходят вести о мощных политических демонстрациях, о демонстрациях буддистов, школьников и студентов. Известно, что первая всеобщая патриотиче-

ская забастовка, парализовавшая Сайгон в сентябре 1964 года, произвела огромное впечатление на оккупантов, оставшихся без воды, бензина, электричества, задохавшихся и изнемогавших без установок искусственного климата. Эта забастовка показала им стратегическое значение борьбы городского населения, которое все чаще согласовывает свои действия с борьбой жителей окружающих деревень.

Мне удалось встретиться с парнями из тех самых боевых «троек», чьи действия и операции против оккупантов, зачастую смелые до безрассудства, американская пресса либо замалчивает, либо явно недооценивает. Эти люди одеты в традиционные джинсы. Они родные братья, братья по борьбе сельских партизан в черных костюмах. Это рабочие, каким был Чой, или студенты, юноши и девушки. Их маки — это Сайгон, их джунгли — это лабиринт улочек, где дворы всех домов соединяются между собой.

Эти люди бьют всегда наверняка.

XXIX

Все газеты говорили о взрыве в отеле «Бринка» 24 декабря 1964 года. В центре Сайгона взлетело на воздух шестизэтажное здание вместе с десятками американских офицеров — летчиков. Были приняты драконовские меры по обеспечению безопасности, чтобы превратить этот штаб в неприступную крепость. Обслуживающий персонал был тщательно отобран и проверен до третьего колена. Однако

партизанам удалось заминировать и взорвать здание с помощью не взорвавшейся ранее бомбы в то время, когда в здании были только американские военные. 250 кг взрывчатки были возвращены таким образом отправителю. Мы узнали, что все участники этой диверсии возвратились на свою базу живыми и невредимыми.

Не проходит и недели, чтобы боевые «тройки» не атаковали какой-либо объект в Сайгоне. Один вид американского посольства, превращенного в крепость, ясно показывает, что американцы осознают, как относится к ним народ, который они явились «защищать».

Еще не забыто, как 30 марта 1965 года здание посольства сильно пострадало от взрыва пластической бомбы, которым было полностью разрушено бюро Центрального разведывательного управления, а в числе раненых был сам шеф этого управления. Много различных диверсий имеет место каждую неделю в самих американских военных лагерях. Когда же сайгонские газеты делают намеки на эти операции, цензура немедленно уничтожает всю информацию.

Вооруженная борьба в Сайгоне — это, например, нападение среди бела дня на машину, полную американцев, в квартале, занимаемом ЦРУ. Молодой человек в течение долгих часов подстерегал машину на крыше четырехэтажного дома, прижавшись к водосточной трубе. Когда он бросил бомбу точно в открытую машину, полицейским даже в голову не пришло, что ее бросили сверху; точно так же казалось невозможным, чтобы патриоту уда-

лось проникнуть в этот квартал. Крыши даже не стали обыскивать...

Позже этот юноша спустился по трубе в кухню, где какая-то женщина варила рис. Та сначала сильно перепугалась, тем более что партизан был почти голым, так как оставил в водосточной трубе свою рубашку, которая выделялась на фоне крыши. Но женщина скоро догадалась, в чем дело, дала молодому человеку одежду своего мужа и даже заставила его взять деньги на такси.

Когда юноша возвратился в свою группу, он рассказал об успешном выполнении задания, а также и о том, что оставил на крыше свою одежду и коробку от бомбы. Поговорив с товарищами, он пришел к выводу, что нужно возвратиться туда, вновь пройти сквозь заграждения, взобраться на крышу по водосточной трубе и забрать оставленные вещи. В один прекрасный день их могли обнаружить, и это навлекло бы опасность на женщину, которая ему помогла, и навело врага на след. И он сделал это... И вернулся.

Молодые патриоты идут добровольно на эти тщательно подготовленные операции. Они знают, что каждая из них может стоить им жизни. «Каждый из нас хотел бы отомстить за многих дорогих людей,— говорили они мне.— Мы готовы отдать свою жизнь, но ценной жизни хотя бы десятка американцев».

Эти же самые слова я много раз слышала в регулярной армии Фронта.

Один из тех, кого я не могу назвать здесь, сказал мне, что девушки оказываются наиболее изобретательными, когда речь идет о

перевозке оружия или взрывчатки в автобусах, подвергающихся многочисленным проверкам.

— Не очень давно я участвовал в операции вместе с одной студенткой. Она несла мину в корзине. В автобусе — проверка. Она мне тихонько шепчет: «Ты здесь ни при чем. Доставка мины поручена мне. Что бы ни случилось, я ничего не скажу». Полицейские не открыли корзину, которую она поставила довольно далеко от себя. Но, по-видимому, у них была фотография девушки, и они арестовали ее и высадили из автобуса вместе с другими подозрительными примерно в километре от того места, где мы должны были заложить мину. Она знала это место. Когда я туда прибыл, я сказал товарищу, поджидавшему меня: «Мы можем выполнять наше задание. Я видел, как девушка держалась в автобусе. Она не выдаст». Она действительно не выдала нас и погибла в тюрьме Ши-Хоа.

Буддисты способны были превратить свое тело в пылающий факел, чтобы привлечь внимание всего мира к участи своей страны. Не удивительно, что молодежь Южного Вьетнама, студенты, сайгонские рабочие тоже готовы пожертвовать жизнью, но в борьбе с врагом.

Когда американцы расстреливают на рынке в Сайгоне какого-нибудь подозрительного на глазах семи тысяч людей, в присутствии детей, как говорится в сообщении одного американского агентства от 15 апреля 1965 года о казни Ле Дау, они выковывают тем самым «оружие гнева», направленное против них самих.

То же агентство любезно сообщает детали этой казни, задаваясь при этом вопросом, смог бы Ле Дау или нет выдержать комбинированное действие пытки и пентотала¹. Оно признает, таким образом, повседневную практику, следы которой я видела на теле многих арестованных однажды по подозрению и выпущенных на свободу потому, что от них ничего не могли добиться, и еще для того, чтобы освободить место другим.

Эти репрессии только усилили поддержку патриотов со стороны населения. Благодаря помощи населения одной девушке удалось установить на территории американского лагеря, где был казнен Чой,obelisk из фанеры, изготовленный студентами в память о рабочем-патриоте.

Другой патриот решился пронести взрывчатку сквозь заграждения «стратегических деревень» и минные поля в расположение учебного лагеря Куанг-Чунг, что находится недалеко от аэродрома Тон-Шон-Нхят. Один из его близких друзей рассказал мне, как молодой партизан, уже проникнув в центр вражеской группировки, вынужден был целые сутки прятаться в сточной канаве, как он вынужден был взять одежду у одного гражданина, чтобы замаскироваться, а потом, рискуя жизнью, вернул эту одежду, так как не хотел, чтобы солдат Армии освобождения могли обвинить в воровстве. И еще он рассказал, как после выполнения задания, когда вся полиция

¹ Пентотал — вещество для кратковременного наркоза, применяемое при хирургических операциях.

была поднята на ноги, ему удалось вы-
браться из лагеря с помощью одного води-
теля автобуса, который, ничего не зная, дога-
дался: «Это один из наших...» Он сделал знак
незнакомым пассажирам, и те, не сговари-
ваясь, не обменявшись ни словом, помогли
беглецу.

Правильно подметил специальный коррес-
пондент журнала «Пари-Матч» в Сайгоне, что
«единственное чувство, которым охвачены все
без исключения,— это яростная ненависть к
американцам».

Тут я должна внести поправку: благодаря
влиянию Фронта население проводит очень чет-
кую грань между американскими военными,
правительством, которое послало их вести не-
справедливую войну во Вьетнаме, и все воз-
растающим числом американских демократов,
которые смело выступают против этой поли-
тики.

Большинство борцов, действующих в горо-
дах, живут легально у себя дома. Это камен-
щики, водители такси, рабочие, учащиеся. Ча-
сто случается, что вся семья им помогает,
образуя, таким образом, ядро Сопротивления
в своем квартале.

«Независимость, мир, нейтралитет, демо-
кратия» — этот лозунг Национального фронта
освобождения оказывает все возрастающее
влияние на большую часть интеллигенции в
Сайгоне в 1965 году. Один из двух молодых
людей, которые рассказывали мне о дейст-
виях «партизан в джинсах», выучил француз-
ский язык в школе. Он много читал. В свою
очередь он задал мне два вопроса: «Что вы

думаете о творчестве Сартра?» и «На какой стадии находится работа Эльзы Триоле над серией «Нейлоновый век»?»

XXX

Когда я вернулась в Париж, меня часто спрашивали: были ли во время этого путешествия моменты, когда мне становилось страшно, когда я плакала. Страшно? Да, иногда. Но не так страшно умереть, когда ты связан с людьми, разделяющими с тобой все опасности. Куда страшнее быть тяжело раненной, искалеченной. В моей жизни был случай, когда я, раненная, в течение нескольких дней находилась одна, без помощи, среди врагов, и я знаю, что это такое. Мне было страшно, когда я думала, что меня могут схватить и подвергнуть пытке, потому что это тоже мне знакомо...

Но ведь ради того, чтобы увидеть все это своими глазами, я захотела отправиться в Южный Вьетнам — «самую горячую точку земного шара». Я тоже так называю его в своих записках. Впрочем, все журналисты скажут, что работа заставляет полностью забыть страх. Стоит только записать на пленку бомбежку, сделать заметки в записной книжке — и ты сразу успокаиваешься.

Участие во французском Сопротивлении было для меня великолепной школой, и я была уверена, что сумею воспользоваться оружием, если придется защищаться. И это тоже действовало успокаивающе.

Плакала ли я? Да, вместе с матерями

школьников, убитых в Ан-Хоа. И еще однажды ночью, тайком, потому что я задыхалась и чувствовала себя разбитой от переходов и от недосыпания. А я ни за что не хотела, чтобы это заметили. Неутомимый Бэрчетт, более выносливый, чем я, чувствовавший себя в джунглях как рыба в воде, не замечал, что силы изменяли мне и что внутри у меня будто все рушилось, как та соломенная хижина, подточенная термитами, что обваливалась на нас днем раньше.

Но вскоре я обрела спасение, облегчение среди рвущихся бомб, легкость в сердце — оно начинало радостно биться в груди только оттого, что во время долгого перехода идущий впереди обернулся и улыбнулся мне, вытирая запотевшее лицо. Все это я обрела благодаря братству, благодаря коллективу, спаянному в едином усилии и привыкшему в течение долгих лет преодолевать одно за другим как великие страдания, так и малые — те, которые изматывают: неудобства, болезни, неуверенность в своих силах.

Во время одного перехода в битве при Бинь-Зя, когда американцы безуспешно пытались вернуть утраченные территории, подвергая их непрерывным бомбежкам, среди нас был Ле Ван Та, являющийся в настоящее время редактором издаваемого в джунглях журнала «Южный Вьетнам в борьбе». Это человек высокого роста, с седеющими волосами. Он говорит по-французски с бордосским акцентом. В разгар первой войны в Индокитае одно из французских правительств выслало его из Франции. Он не был даже арестован,

потому что не нашли ничего такого, в чем можно было бы его обвинить. Но этого представителя вьетнамской интеллигенции часто видели на митингах и демонстрациях, во время которых французские трудящиеся требовали мира и независимости Вьетнама.

Едва ступив на берег, Ле Ван Та был арестован и отправлен на каторгу в Пуло Кондср. Он провел там много лет, больше, чем кто-либо из нас провел в Дахау или Маутхаузене. А Пуло Кондор немногим лучше, чем Дахау. И все-таки Та все еще любил Бордо и даже меня, так как где-то на войне у него была дочь чуть моложе меня. Впрочем, меня он любил так же, как любую соотечественницу из тех непрерывно подвергающихся бомбежкам деревень, по которым мы проходили. А это значит, что он очень любил меня. Иногда на привале он обнимал меня за плечи и признавался: «Да, я страшно устал...»

Выпуская свою газету в немыслимо трудных условиях, в джунглях или при переходе через самые опасные зоны, он никогда не мог позволить себе роскошь отдохнуть после долгих лет, проведенных в концентрационном лагере. В лесу его туберкулез прошел неизвестно отчего. Но иногда, наблюдая за ним украдкой, я видела, как он прикрывал глаза от головокружения, которому не придавал серьезного значения. Следы крайнего утомления проступали на его всегда улыбающемся лице, как следы времени на лицах древних статуй. Лихорадка застилала иногда его глаза горячим туманом. Спрятавшись в кустарнике, что рос вдоль тропинки, и ожидая, пока

самолеты, облетающие местность, найдут объекты для бомбежки (тогда мы могли бы вновь отправиться в путь), мы, стоя, опирались друг на друга, как это делают лошади в упряжке. Мне нравилось, что моя усталость сливается с его усталостью, которая была безгранична. В этом я черпала силы, чтобы держаться так, как держались все.

Еще я хочу рассказать, как в каждой деревне, едва заметив нас вдали, среди рисовых полей, к нам прибегали «солдатские матери», прибегали так быстро, как это позволяли им их старые ноги. «Солдатские матери» — это патриотическая организация, которая существовала еще в предыдущую войну. Она состоит из пожилых женщин, которые ухаживают за ранеными, подбадривают тех, кто перенес тяжелые утраты; они являются инициаторами народных демонстраций и, жевывая бетель¹, идут всегда в первых рядах, готовые, если это понадобится, принять на себя первый удар. Они ведут переговоры с солдатами марионеточных войск, стараясь найти слова, которые их убедили бы и обезоружили. Тысячи поручений — в зависимости от обстоятельств. Но если присмотреться повнимательнее, то, как мне кажется, главная и единственная цель всей их деятельности состоит в том, чтобы жить во имя любви.

Весь народ борется. Почти каждая семья здесь понесла утрату в войне — ведь она длится вот уже двадцать лет. Люди, разлу-

¹ Бетель — жевательный табак, изготавливаемый из ореха арековой пальмы.

ченные войной, так дорожат здесь возможностью наладить какие-то новые связи, создать новые узы, может быть даже крепче родственных. И страдания, причиняемые оккупантами, и победы, одерживаемые над ними, сближают людей, создают братство, которое в Южном Вьетнаме стало новым законом джунглей.

Считая меня своею единственно потому, что я находилась среди их бойцов, старые крестьянки наделяли меня тоже любовью. Они называли меня дочкой, усаживали перед очагом своих предков. Они поили меня молоком кокосовых орехов, закармливали, ласково говорили: «Должно быть, ты очень устала, дочка, ты ведь пришла к нам из таких дальних мест». Пытаясь представить себе долгое путешествие из Парижа, они, не бывавшие за всю свою жизнь дальше вражеского поста в соседнем районном центре, где устраивали демонстрации, представляли себе это путешествие не иначе как бесконечную дорогу пешком или в моторной лодке среди вражеских засад.

Когда нам нужно было вновь отправляться в путь, матери говорили нам то же, что они говорят солдатам народной армии, своим бесчисленным сыновьям: «Возвращайтесь после победы, мы устроим праздник, зарежем поросенка. Помните всегда, что здесь у вас есть новая мать, которая любит вас, как свое родное дитя, и которая вас никогда не забудет». Мы уходили радостные, со слезами признательности на глазах, согретые материнской теплотой.

Так встречали не только нас, но любого бойца в любой части Вьетнама. В каждой хижине мы находили не просто союзников, но и верных друзей.

Глядя, как эти старые женщины сворачивали бетель, видя, как они были счастливы оттого, что могли накормить своих незнакомых «сыновей», я вспомнила вдруг о той бабушке с улицы Менильмонтан в оккупированном Париже, что открыла мне дверь и спрятала меня у себя на кровати под большой красной периной в тот момент, когда после нашей патриотической демонстрации немецкие грузовики устремлялись к нам, а жандармы обыскивали квартал...

Так мы и продвигались, измазанные землей, которая нас укрывала, и разделяя с солдатами их трапезу из жареных гиббонов и сколопендр, когда нужно было держаться вдали от дорог. И все-таки мы были богаты, богаче с каждым днем сестрами, матерями, большими и маленькими братьями и старенькими дядюшками с седыми бородами.

Как журналисты, мы были взволнованы теми событиями, свидетелями и участниками которых стали, и по-человечески были счастливы оттого, что нас любили, чего я, например, не ждала и на что не смела даже надеяться.

XXXI

В перерывах между занятиями молодой солдат нашего отделения, качаясь в гамаке, читал и перечитывал письмо от своей невесты.

Письмо было написано полгода назад, а обречены они уже два года. Солдата звали Минь Тху, а его невесту Тхань Ван (что значит «Голубое облако»). Она преподает в одной из школ района Камау, самого южного района страны, в краю синего моря и пальм, говоря точнее, в Лонг-Дьене.

«С тех пор как ты в последний раз был здесь, у нас построили новую школу в убежище, на этот раз она хорошо замаскирована. Не беспокойся, нам теперь ничего не страшно. Для детей мы вырыли щели под каждой партией...» — писала Тхань Ван.

Таким образом, совершенно случайно, из рассказов Тху о своей любви я узнала правду о том, что специалисты по психологической войне, должно быть, называют «Операция школы».

Вот факты: в январе 1963 года 25 вертолетов на бреющем полете обстреляли из пулеметов школу в Лонг-Дьене и преследовали детей и учительницу до самых болот, в которых они спрятались. Лонг-Дьен незадолго до того был освобожден, и эта карательная операция против школы была проведена с целью наказать и деморализовать население, нанеся удар по самому дорогому — детям.

Тогда я еще могла подумать, что это единственный случай варварства. Но неделю спустя я посетила школу медицинских сестер в джунглях. Девушки устроили импровизированный концерт в нашу честь. После нескольких танцевальных номеров одна из учениц спела грустную песню, которую она сама сочинила. Заметив, что по лицам слушателей текут

слезы, я попросила, чтобы мне перевели слова песни. В ней говорилось о бомбежке школы в Коксе и даже упоминался день, когда это преступление было совершено: 18 марта 1963 года. Юная певица была родом из Коксе. Но с июля 1964 года эти налеты на школы в партизанских районах, бывшие до того единичными, стали систематическими.

Рассеивание самолетами отравляющих веществ привело к тому, что все слои населения еще тесней сомкнулись в рядах Национального фронта освобождения. К такому же катастрофическому для оккупантов результату привели систематические бомбежки пагод. Тогда правитель провинции Бен-Че получил от своих американских советников в июле 1964 года приказ (разосланный им в письменном виде подчиненным и позднее попавший в руки патриотов) «разыскать школу, по своему местонахождению и числу учащихся наиболее подходящую для устрашающего налета». И вот с 3 по 13 июля 1964 года были совершены налеты с применением напалма на школьников в Линь-Фунге, а также в Мо-Кай, где школа была построена рядом с каодаистской пагодой на средства, пожертвованные семьями, исповедующими эту религию.

В обоих случаях погибло много детей и их родителей, бросившихся на помощь и попавших под артиллерийский обстрел с соседних постов, действовавших вполне согласованно с авиацией. Это вызвало мощные демонстрации протеста, и каодаистские бонзы, своими руками смастерившие гробики для погибших де-

тей, шли во главе демонстрантов, неся плакаты с требованием ухода американцев и их наказания. Воистину в Южном Вьетнаме не обязательно быть «красным», быть «вьетконговцем» для того, чтобы ненавидеть американский империализм и сражаться в рядах Национального фронта освобождения¹.

Но вы, возможно, скажете, что я не видела всего этого своими собственными глазами?

Это правда, но я побывала в провинции Лонг-Ан. Именно этот район в 1964 году был выбран Макнамарой для проверки эффективности его плана «умиротворения» ключевых провинций вокруг Сайгона. Несмотря на значительную численность войск, посланных туда американцами, партизанским силам Лонг-Ана удалось не только отразить их, но и рас-

¹ Когда 26 февраля 1965 года я впервые опубликовала этот репортаж, записанный со слов очевидцев, ни в одном из сообщений агентства печати еще не было даже намеков на умышленные бомбежки школ (строительство школ является одним из самых важных достижений Национального фронта освобождения, тогда как в Сайгоне для школ не находят ни помещений, ни учителей). Теперь даже агентства печати США вынуждены признать, что американцы применяют отравляющие вещества и бомбят больницы и школы как в Южном, так и в Северном Вьетнаме. В частности, получил огласку их налет на школу в Ман-Куанге, близ крупной американской базы в Да-Нанге, где в школе было убито 47 детей. Замять это преступление не удалось, так как матери погибших детей отвезли на лодках гробы с трупами в Да-Нанг. Полиция разогнала одетых в траур матерей и демонстрантов и похитила гробы, которые затем были тайно преданы земле. — *Прим. автора.*

ширить освобожденную зону. Войска марионеточного правительства повсюду оказывались в окружении. Мне довелось ночевать в одной деревне, расположенной в пятистах метрах от вражеского поста. «Не беспокойтесь,— говорили нам жители деревни,— мы знаем, что их солдаты не рискнут явиться сюда. Когда им надо пополнить запасы питьевой воды, они просят у нас разрешения... Их моральное состояние совершенно подорвано. Они до смерти боятся наших самодельных мин...»

Сайгонское командование всеми силами старается сохранить контроль над основными дорогами. Ради этого оно концентрирует иногда целые батальоны на участке пути, не превышающем десяти километров. На всем протяжении дорог отрыты окопы. И все-таки это не мешает партизанам пересекать их и даже блокировать движение по ним ночью. Все дело в моральном состоянии солдат.

А вот что я могу сказать о водных путях. Я путешествовала в сампане по восточному Вай-Ко. Мы встретили там несколько моторных катеров, которые я приняла за военные. «Не бойтесь,— сказал Лам.— Мы целиком контролируем этот район, хоть это и не всегда заметно. Это транспортные суда сахарного рафинадного завода в Хьеп-Хоа. Директор его — француз. Этот завод дает средства для жизни большому числу рабочих этого района. А вы знаете, что Фронт считает нужным поощрять всякие иностранные капиталовложения, которые способствуют развитию нашей экономи-

ки, не нанося ущерба нашей независимости».

Партизаны из засад на берегах держат реку под постоянным наблюдением и пропускают только торговые суда по этой «огненной реке», как называют ее враги, не рискующие больше показываться на ней.

Ан-Тань, Ан-Хоа — две деревни среди рисовых полей. Деревьев мало, если не считать бамбуковых зарослей вокруг домов. Путешествуя в основном по ночам во избежание бомбежек, я попала в первую деревню в поздний час. Я увидела разбитые деревянные парты, обломки классной доски, кучи битого самана и черепицы — остатки того, что было школой, разбомбленной 3 октября 1964 года. Жители деревни рассказали мне, что в тот октябрьский день американцы совершили еще два «победоносных» налета на школы соседних деревень Ан-Минь и Ан-Хоа. 28 декабря наступил черед школы в деревне Дук-Хоа в той же провинции.

Я не смогла добраться до деревни Дук-Хоа близ Сайгона, часть которой в то время занимали оккупанты. Она находилась в зоне, то и дело переходящей из рук в руки. Но в Ан-Хоа, как и в Ан-Тане, вместе с жителями я провела бессонную ночь. Я видела стволы бамбука, когда-то поддерживавшие крышу саманной школы, поднимавшиеся к небу, словно колонны храма, в котором круглая луна зажгла в ту ночь свой застывший на месте фонарь. Люди показывали мне свои реликвии: тетрадки по арифметике, запятнанные кровью, шапочки, пробитые пулями, полусгоревшую одежду детей, которые погибли или

были ранены и до сих пор лежали в больнице.

Я не хочу передавать ужасающие подробности всего того, что было рассказано мне в ту ночь. В одном из домов оставшийся в живых мальчик лет двенадцати, проснувшись, рассказал мне о двух своих школьных товарищах, о младшем из них, которому при взрыве распорол живот, и о старшем, который в отчаянии тщетно пытался вложить обратно выпавшие внутренности малыша, в то время как тот умолял его: «Беги сам, спасайся, спасайся...» Их обоих скосила пулеметная очередь с вертолета.

Но, начиная эту книгу, я решила говорить не столько о страданиях вьетнамского народа, сколько о невиданном доселе мужестве, с которым он преодолагает их. Пусть мои французские читатели вспомнят об Орадуре. Этого будет достаточно.

Я ограничусь тем, что приведу свой рассказ о налете на школу в Ан-Хоа, записанный мною на месте со слов очевидцев. Я убедилась, что и в других деревнях трагедия разыгрывалась по той же схеме.

— В этот час все дети были в школе, как наши, так и дети окрестных деревень, прикрепленных к нам. Накануне пролетали американские вертолеты и сбросили в деревню листовки; через громкоговорители жителям угрожали репрессиями в том случае, если они будут упорствовать, отказываясь переселиться в «стратегические деревни». Американцы больше не осмеливаются приземляться даже для того, чтобы донимать нас уговорами. Это

были вертолеты, которые могут неподвижно висеть в воздухе и служат площадкой для стрельбы.

Но на следующий день они вернулись. Вы сами видели, мы построили школу на совершенно открытом месте. На фронте вывели большими буквами «Коммунальная школа». Мы были слишком доверчивы, полагая, что в таком случае американцы не смогут ошибиться и не станут бомбить детей. Они и не ошиблись. Сначала самолеты-разведчики сбросили во двор школы дымовые бомбы, чтобы лучше обозначить цель.

У нас в школе было два класса. Старший класс во главе с учителем организованно укрылся в убежище. Остался младший — шестьдесят ребят в возрасте от пяти до семи лет, которые очень перепугались, цеплялись за воспитателя, тщетно пытавшегося их успокоить, или прятались под партами и не хотели оттуда выходить.

Тем временем началась бомбежка. Первые бомбы разорвались у двери, и выход был закрыт завесой огня. Тогда воспитатель начал выносить детей через окно, сразу по трое — одного на спине и по одному под мышкой.

Более десяти раз под пулями, под ракетными снарядами он проделал этот путь. За это время в классе многие дети уже были убиты или ранены, остальные малыши были охвачены паникой. Воспитателю удалось вынести сорок пять детей, пока его самого не ранило. Уже раненный в ногу, он вынес еще троих ребят, но во дворе его опять ранило, и на этот раз тяжело. Чувствуя, что сознание

покидает его, он крикнул двум последним оставшимся в живых ребяташкам:

— Бегите через окно, не бойтесь! Я здесь, но я ранен!

— Старший брат,— ответили дети,— мы не вылезем в окно, мы еще маленькие...

Я знаю это совершенно точно, потому что воспитатель остался в живых.

В этот момент самолеты сбросили контейнеры с напалмом на развалины школы. И детские крики смолкли.

Малыши, которых с таким трудом вынес воспитатель, в испуге выскочили из убежищ и бросились по домам. По дороге их расстреливали с вертолетов на бреющем полете, за ними охотились, как за зайцами.

— Вертолеты снижались настолько,— рассказывали мне люди,— что совершенно ясно можно было различить американскую военную форму на летчиках.

Напалм воспламеняет все, на что попадает. Когда один из малышей, объятый пламенем, бросился к своему отцу, выбежавшему ему навстречу, на отце тоже вспыхнула одежда.

И на этот раз, как и во всех других случаях, родителей, бросившихся на помощь к детям, обстреливали из орудий с ближайших постов. Четырнадцать человек было убито потому, что они совершенно не заботились о собственной безопасности. Женщина из другой деревни рассказала мне, что ее дочь лежит в больнице ослепшая. Глаза ее опухли и закрылись от гноя, который скапливается под кожей, обожженной напалмом.

После налета на школы партизанские груп-

пы этих соседних деревень провинции Лонг-Ан объединились, чтобы отомстить за детей, и седьмого октября напали на вражеский пост в десяти километрах от Дук-Хоа. Захватив этот пост, они устроили засаду, чтобы перехватить подкрепления, которые не замедлили выслать американцы. Во время последовавшей стычки американцы ввели в действие авиацию и в полной неразберихе начали бомбить войска марионеточного правительства.

— Армия освобождения, на помощь! — кричали сайгонские солдаты, в рядах которых уже было много убитых.

Это было необычное зрелище: правительственные войска и партизаны сообща вели огонь по американским самолетам.

В этот день больше ста сайгонских солдат сдались в плен, «заблудились», как сообщали американские телеграфные агентства. В общей сложности противник потерял четыреста человек убитыми, ранеными и дезертировавшими.

Взятого в плен офицера правительственных войск конвоировал в лагерь восемнадцатилетний партизан. Партизан был ранен и перевязал свою рану носовым платком.

— Вам больно? — спросил офицер.

— Это неважно.

— Вы воюете очень хорошо. Сколько вам платят в месяц?

— Ваш вопрос доказывает, что вы очень отстали. Нас хорошо кормят в армии Национального фронта, у нас есть оружие, и этого вполне достаточно. Мы воюем хорошо потому, что хотим отомстить за школьников.

В Южном Вьетнаме никогда ни одно преступление американцев не остается безнаказанным. Чем тяжелее преступление, чем глубже скорбь и страдания людей, тем суровой их ответный удар.

В Дук-Хоа после налета 28 декабря, во время которого погибла учительница и много детей, разразилась всеобщая забастовка, в которой участвовали тысячи людей. К ним присоединились пассажиры автобусов, идущих в Сайгон. Тысячи школьников приехали на похороны жертв из самой столицы. В присутствии представителей власти ораторы требовали ухода американцев из Вьетнама.

А через несколько дней люди построили «деревни самообороны» и преградили путь танковой колонне, чтобы отомстить за детей.

XXXII

Вьетнам.

Интервью, данное президентом Национального фронта освобождения Южного Вьетнама нашему специальному корреспонденту Мадлен Риффо.

«(Южный Вьетнам, декабрь 1964 г.)

Разведывательные самолеты напрасно пролетали над лесом — они ничего не заметили. Однако 20 декабря 1964 г. мы были свидетелями необыкновенного патриотического праздника и митинга в глубине джунглей. В них приняли участие руководители Фронта, сотни ответственных работников, прибывших из всех

районов Южного Вьетнама и даже из Сайгона.

Утром, в нескольких часах ходьбы от бамбукового города, выстроенного за одну ночь для однодневного праздника, Уилфред Бэрчетт и я имели честь долго беседовать с председателем Национального фронта освобождения Нгуен Хыу Тхо. Затем мы приняли участие в завтраке, на котором присутствовали члены Центрального комитета, представляющего различные политические партии, религиозные течения и национальные меньшинства Высокогорного плато, входящие в Национальный фронт освобождения.

Председатель Центрального комитета, бывший адвокат из Сайгона, с 1954 по 1961 год находился в заключении в тюрьмах Дьема за принадлежность к «Комитету защиты мира и соблюдения Женевских соглашений Сайгон — Шолон». Вот почему теперь ему не приходится привыкать к тяжелым условиям жизни в лесу. Это седеющий, улыбающийся человек в костюме цвета хаки, обутый, как и все встреченные нами бойцы, в сандалии из автомобильных шин. Он нас принимал в бамбуковом шалаше между гигантским баньяном и щелью вместо бомбоубежища. В тот день этот шалаш служил ему рабочим кабинетом.

В молодости Нгуен Хыу Тхо много лет прожил на юге Франции, где он учился. И в его речи я уловил акцент этого солнечного края, когда он задал свой первый вопрос: «Ну как идут дела в Экс-ан-Провансе?»

День четвертой годовщины создания Национального фронта освобождения и кануна

Нового года был посвящен подведению итогов.

— Выдающееся событие уходящего года состоит в том, что повсюду в Южном Вьетнаме американцы вынуждены перейти к обороне,— сказал нам Нгуен Хыу Тхо.— Кроме того, наши партизаны расширили зону своих действий даже в провинциях, расположенных вокруг городов, несмотря на непрерывные массированные налеты и прочесывания.

План Стейли—Тейлора предусматривал создание семнадцати тысяч «стратегических деревень». Однако враг вынужден был ограничиться лишь укреплением уже существующих. Из восьми тысяч объектов, которые им удалось построить, восемьдесят процентов были разрушены народом.

Наша регулярная армия, возросшая численно, ставшая технически более оснащенной, способна теперь применять современную технику и успешно наносить удары даже по таким укрепленным базам, как Бьен-Хоа.

После этой победы каждый вынужден признать необыкновенную точность стрельбы нашей молодой артиллерии.

Из года в год наши военные успехи растут в геометрической прогрессии.

С тысяча девятьсот шестьдесят первого по тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год мы вывели из строя четыреста тысяч вражеских солдат и офицеров (эта цифра включает в себя убитых, раненых, пленных и дезертировавших). А за первые десять месяцев тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года выведено из строя сто сорок тысяч человек.

С тысяча девятьсот пятьдесят девятого по тысяча девятьсот шестидесятый год было достаточно одного маленького вражеского поста, чтобы контролировать обширный район, а с отрядом полиции он мог прочесать пять или шесть деревень. В тысяча девятьсот шестьдесят первом — шестьдесят втором годах пост марионеточной армии уже с трудом контролировал одну деревню, а чтобы произвести облаву, требовалось уже от роты до нескольких батальонов. В настоящий момент три или даже пять вражеских постов с трудом контролируют одну «стратегическую деревню», а чтобы прочесать небольшой городок, как это было недавно в Бух-Лой или Тан-Нинь, им потребовалось мобилизовать три полка.

Противник испытывает все более острую нехватку личного состава. Ранее единичные случаи дезертирства стали теперь массовыми. В течение четырех лет в рядах марионеточной армии было отмечено сто пятьдесят тысяч случаев дезертирства. Из них шестьдесят две тысячи падают на десять месяцев тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Мятежи и случаи неподчинения становятся все более частыми в рядах врага, моральный дух войск которого очень низок, в то время как мы непрерывно атакуем на всех фронтах. Чтобы контролировать всю страну, врагу надо быть одновременно повсюду, потому что каждый житель Южного Вьетнама стал бойцом.

Единственным «новшеством», которое недавно ввел Тейлор, было усиление воздушных бомбардировок нашей территории и налеты

на наши, как они называют, «пути снабжения». Но всем ясно, что проблему Южного Вьетнама нельзя урегулировать путем нападения на соседние страны.

Больше половины нашего населения освобождено. Крестьяне, на которых Соединенные Штаты рассчитывали как на источник пополнения войск, предназначенных для ведения «особой войны», тоже с нами. И что еще важно, это то, что население городов действует теперь в тесном контакте с сельским населением.

В нашем приказе отмечалось: «Рабочие, учащиеся, студенты и другие слои населения Сайгона, Зя-Диня, Да-Нанга проявили беспримерный героизм, выйдя безоружными на улицы, чтобы сражаться с врагом и нанести ему сокрушительные удары».

Эта политическая борьба населения деревень и городов, безоружная, но организованная, как настоящее сражение, особенно бросается в глаза на фоне смятения, царящего в Сайгоне, в марионеточном правительстве и среди его американских хозяев, которые сами оказались в настоящем политическом и военном тупике. Что касается французского народа,— продолжал Нгуен Хыу Тхо с теплой улыбкой,— то я счастлив представившимся мне случаем, чтобы выразить ему чувства признательности вьетнамского народа. Мы знаем, что не в первый раз французский народ помогает нам в нашей патриотической борьбе. Передайте трудящимся вашей страны наши симпатии и скажите им, что мы будем еще более энергично вести нашу борьбу,

чтобы быть достойными их уважения и поддержки. Передайте им наши пожелания успехов и счастья...

Национальный фронт освобождения, выражающий устремления четырнадцати миллионов жителей Южного Вьетнама, заявляет о непоколебимой решимости бороться до конца, о готовности идти на любые лишения во имя осуществления своих четырех задач: Независимости, Демократии, Мира и Невмешательства. До тех пор пока все эти цели не будут достигнуты, мы не сложим оружия.

Мы и наши потомки готовы сражаться столько лет, сколько потребуется. В этой освободительной борьбе побеждает южно-вьетнамский народ, он является решающей силой.

Американские агрессоры получают удар за ударом и буквально загнаны в тупик, их стратегия потерпела полный провал. Следовательно, они уже не смогут диктовать свои условия...

Мы — мирный народ. Мы много страдали в прошлом. Если бы независимость и мир могли быть завоеваны иными путями, а не путем продолжения войны, если бы американские империалисты и их марионетки смогли понять, что они никогда не одержат победы, мы никогда бы не отказались начать переговоры.

Но эти переговоры могут иметь место лишь между представителями действительно существующих сил в Южном Вьетнаме, а именно между нерушимым блоком Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, с одной стороны, и силами агрессии — с другой.

Переговоры могут вестись только на основе вывода из Южного Вьетнама американских войск со всем их вооружением. Населению Южного Вьетнама должно быть предоставлено право самому решить свои собственные дела.

Всякая попытка нарушить ряды Фронта обречена на неминуемый провал. Последнее время американцы довольно часто говорят о мире и переговорах. Но увы! Мы имеем все основания думать, что это лишь хорошо продуманная кампания, рассчитанная на обман общественного мнения, в то время как на деле империалисты продолжают строить новые агрессивные планы в тщетной надежде поправить свое положение.

Мы же по-прежнему будем отдавать все наши силы, всю нашу энергию на продолжение ведения войны до нашей победы...»

Я захотела поместить в мой рассказ это интервью как межевой столб. Ведь в действительности все выводы, содержащиеся в нем, остались в силе по сегодняшний день.

Как предвидел председатель Центрального комитета Фронта Нгуен Хыу Тхо, Пентагон, пытаясь избежать поражения на Юге, стал совершать разрушительные налеты на Демократическую Республику Вьетнам.

Однако, как и следовало ожидать, эта агрессия против соседнего государства не смогла ничего изменить в военном положении Южного Вьетнама. Она не помешала армии Национального фронта освободить четыре пятых территории Южного Вьетнама, уни-

чтожать целые подразделения врага, нападать на оккупированные города и даже на расположения американской «морской пехоты», посланной на подкрепление.

Это интервью мне напоминает одну интересную историю. В то время, как оно происходило, вражеская авиация попала впросак. Пролетая утром над лесом, американский летчик сбросил наугад весь свой запас бомб в 500 метрах от нас. Было бы достаточно малейшей неосторожности, чтобы 20 декабря погиб бы не только председатель Национального фронта, но и все руководители южно-вьетнамского Сопротивления.

Но сила Фронта в том, что ничего подобного не случилось, да и не могло бы случиться. Воскресенье у американского летчика пропало даром.

XXXIII

Робкий напев гитары вторит пению птиц где-то там, в зарослях лиан, в мире, где ветер ломает высокие деревья, как мачты кораблей, где все громадно: насекомые, растительность.

Когда мы пробрались сквозь лианы, перед моими глазами предстало зрелище самое невероятное из всех, какие мне довелось видеть в джунглях: я увидела балерин, отрабатывавших свои па у станка. У труппы Центрального художественного ансамбля освобождения шла репетиция.

Ученицы балетной школы работали под руководством самых знаменитых артистов и режиссеров из Сайгона, которые предпочли

(как они мне сказали) нелегкую жизнь в лесах атмосфере, царящей в столице.

Вечером 20 декабря я была на спектакле, на котором присутствовали сотни мужчин и женщин, прибывших сюда из всех районов Юга отметить годовщину НФО. Здесь встречались супруги, не выдавшиеся месяцами, иногда годами, разлученные подпольной борьбой. Здесь были ученики школы, расположенной неподалеку отсюда, в джунглях. Они разместились в первых рядах вокруг Нгуен Хыу Тхо. Здесь были бонзы, здесь был священник Хо Хе Ба. Здесь царила атмосфера семейного праздника. Чан Бак Данг, один из представителей Народно-революционной партии в руководстве НФО, в течение всего спектакля держал на руках маленького мальчика, примостившегося у него на коленях. Два мальчугана сидели рядом, доверчиво прижавшись к Нгуен Хыу Тхо. А меня обнимала молоденькая девушка, печатница из той типографии, где я провела несколько дней. Тюьет проявила такую радость при встрече со мной, что это потрясло меня.

Во время спектакля и она, и дети часто поворачивались в мою сторону и улыбались мне. Ведь мы были их первыми друзьями, приехавшими из другой страны.

С помощью Нгуен Хыу Тхо, выступавшего в роли переводчика, что ничуть не смущало Тюьет, она рассказала мне во время антракта свою историю: «Мой отец был убит еще до моего рождения, во время первой войны. Нас пятеро у матери, но я единственная дочь. Все мои старшие братья в Армии освобождения».

В течение всего представления она не отпускала мою руку.

Спектакль играли на сцене, наскоро сколоченной из бамбука, а занавеси были скроены из парашютов. Звонok, оповещающий артистов за кулисами о начале различных номеров, был обыкновенным велосипедным звонком. Время от времени огни ramпы (это были обычные керосиновые лампы) гасли: наблюдатели за небом подавали сигнал тревоги, услышав гул вражеских самолетов. Как только тревога кончалась, артисты продолжали представление.

В тот вечер мы увидели прекрасный спектакль, который принес бы успех любому парижскому постановщику. Сцены из традиционного театра, из обновленного театра, красивые танцы национальных меньшинств, исполнявшиеся под аккомпанемент гонгов и чонгов¹, — все нашло свое место в программе, составленной знаменитым драматургом господином Чан Хыу Чангом, являющимся в настоящее время президентом «Ассоциации писателей и артистов, борющихся за освобождение Южного Вьетнама». Более двадцати его пьес с большим успехом шли в Сайгоне. Этот уже немолодой человек в 1960 году открыто избрал маки и покинул столицу, изложив в открытом письме к своим братьям по искусству причины, побудившие его к этому. Его отъезд произвел сенсацию в Сайгоне, где все молодые артисты и режиссеры обращались за

¹ Чонг — нечто вроде ксилофона из бамбука.—
Прим. автора.

советами к этому ветерану сцены, прежде чем поставить какой-либо спектакль.

Звездой этого праздника в джунглях была самая известная актриса Южного Вьетнама Чань Лоан. Те, кто раньше видели ее в городе, сказали мне, что ее талант еще более расцвел в джунглях.

— Жизнь в лесу идет мне на пользу, — подтвердила Чань Лоан. — Может быть, потому, что здесь царит атмосфера приподнятости. Я не помню, чтобы я где-нибудь была так счастлива, как здесь. Мне все здесь по душе: долгие переходы, приветствия, которыми мы обмениваемся со встречными отрядами, вкус влажного табака и риса, приготовленного на костре, воздух свободы... Я счастлива, что могу передать то, что знаю сама, другим молодым вьетнамцам и в свою очередь поучиться у них тому, что они знают с самого раннего детства.

— У нас в горах считается, что умение петь и танцевать — это врожденное качество человека. Молодому человеку, не обладающему красивым голосом, трудно было бы жениться, — вступает в разговор с важностью старого мудреца господин Ибинь Алео, председатель движения за автономию Высокогорного плато. — Театральные труппы, ансамбли песни и танца играют большую роль в южно-вьетнамском Сопротивлении, и не только в отдаленных областях. Даже самые знаменитые актеры не всегда находятся под надежной защитой джунглей. Они выступают в самых опасных районах, доставляя туда на собственных спинах весь реквизит. Они подни-

мают энтузиазм, укрепляют веру народа в победу, «подливают масла в огонь», как сказал мне один из них. В самые тяжелые времена был случай, когда одной танцевальной группе удалось проникнуть в «стратегическую деревню». И там, под носом у врага, танцоры изобразили, как надо атаковать и разрушить пост.

Даже в зонах, чаще всего подвергающихся бомбардировкам, люди бывают так увлечены спектаклем, что отказываются скрываться в убежищах, чтобы не прерывать артистов. Для крестьян, которые едва освободились от ига феодализма и никогда раньше не видели ничего подобного, такие праздники становятся незабываемым событием в жизни. Они плачут, воодушевляются вместе с героями, бросают камни в актера, загримированного в американского солдата.

— Дело доходило до того, — рассказывает мне Чань Лоан, — что в недавно освобожденных деревнях мы должны были принимать меры предосторожности и объявлять перед началом спектакля: «Дядюшки и тетушки, сестры и братья, мы хотим предупредить вас что все, кто выступит перед вами, — настоящие патриоты, даже те, кто играет свирепых чиновников и американских военных».

Кто из нас хоть чуточку может сожалеть об удобствах сайгонской жизни? Для артиста нет большего счастья, чем выступать перед такими зрителями.

Восхитительная Чань Лоан, столь же великолепна в гриме и сверкающем королевском костюме, когда играет в традиционном театре,

сколь волнующа в своих новых ролях: крестьянки, работницы из Сайгона...

Я ищу сравнение, которое могло бы дать точное представление об этом таланте: это как если бы Дуллэн или Сара Бернар вступили в ряды Национального фронта освобождения. В джунглях Южного Вьетнама есть не только балетная школа, там есть еще киностудия. Фильмы студии «Освобождение», директором которой является Нгуен Хьен, очень высоко оцениваются специалистами на международных фестивалях короткометражных фильмов. Специалисты были бы поражены качеством этих фильмов, если бы знали, в каких первобытных условиях проявляется пленка и происходит монтаж фильмов. Изобретательность кинематографистов достойна восхищения. Они, как, впрочем, и врачи, и все другие партизаны, придумали и сами смастерили инструменты, которые им не удалось достать.

В армии во время сражений или даже в оккупированной зоне всегда найдется оператор, который в нужный момент извлечет камеру, спрятанную в мешке с мукой, который он тащил до этого на спине. И мы никогда не забудем товарищескую помощь и безумную отвагу тех кинематографистов, которые нас сопровождали.

Однажды один из них — назовем его именем, которое он сам себе дал на войне — Чеп Хонг¹, -- вырвал камеру из рук Бэрчетта в тот момент, когда мы прятались в бомбоубе-

¹ Чеп Хонг — в переводе на русский язык означает «красная сталь». — *Прим. автора.*

жище, в секторе, непрерывно обстреливавшимся самолетами из пушек и пулеметов. Он выскочил из траншеи, и мы тут же потеряли его из виду за сплошной стеной земли, поднятой взрывами.

Через десять минут, которые показались нам бесконечно долгими, Чеп Хонг спрыгнул к нам в убежище. Он сказал Бэрчетту, возвращая камеру: «Вот вам подарок. Мне удалось снять падение вертолета, подбитого нашими партизанами. Правда не так хорошо, как хотелось бы. В ту самую минуту проклятая бомба засыпала меня землей».

XXXIV

Однажды утром мы очутились на лесной поляне. И в этот момент вражеские самолеты открыли пулеметный огонь. Нам грозила неминуемая смерть. Тогда мы легли в траву, укрывшись обрывками полосатых парашютов вместо маскировки. Сопровождавший нас офицер Армии освобождения спокойно сказал: «Если они нас действительно нащупали, то мы, товарищи, бессильны что-либо сделать».

Странно, но мы вдруг почувствовали себя совершенно спокойно. И именно потому, что наш товарищ сказал правду без всяких прикрас. Растянувшись в чахлой траве, мы чувствовали себя совершенно беззащитными под смертоносным небом, в котором кружились десятки самолетов, поливая нас огнем из пулеметов и обстреливая ракетами.

Офицер командовал: «Когда мы убедимся, что нас заметили, только тогда мы попытаемся сбить хотя бы один самолет. Но не раньше. Нас ведь всего семеро, и лишь пятеро из нас вооружены».

Я непоследовательна в своем рассказе. Рассказать обо всем, что мы видели, я могу, но только не в хронологическом порядке. Работа журналиста состоит не в том, чтобы доставлять сведения экипажам бомбардировщиков. Поэтому я должна запутать следы.

Ни для кого не является секретом, и тем более для самой американской авиации, что налеты с целью устрашения не прекращались и во время рождественских праздников. Я уже рассказывала об убитом мальчике, которого мы нашли лежащим у своего буйвола в ночь на 24 декабря.

Всю рождественскую неделю, во время которой в Европе празднуют и веселятся, наша группа постоянно меняла свое местонахождение, и по пятам за нами шла ненависть, обрушившая смерть с высот синего неба.

В тот день, когда самолеты на короткое мгновение удалились, мы смогли добраться до небольшого, более защищенного участка леса. Из осторожности мы разделились на две группы: Нге, Май и я образовали первую, а Бэрчетт, офицер Нам и Ту — вторую. Самолеты появились вновь и стали снижаться над нашей тройкой в тот момент, когда нам негде было укрыться: вокруг было лишь несколько деревьев, стоявших далеко друг от друга, и муравейник.

Крепость термитов достигала метровой высоты. Мы легли около нее. Самолеты обстреливали нас из пулеметов, а Нге жестами показывал мне, как нужно себя вести во время воздушных атак. Крестьяне знают это очень хорошо. «Когда самолеты идут оттуда, прячься с противоположной стороны. Если же они летят с другой стороны, то прячься здесь». Май знал очень хорошо правила этой игры. Ведь сколько раз за свои 20 лет жизни ему приходилось играть в нее и выигрывать!

Прильнув к дереву, ловкий как белка, улыбаясь, он следил за самолетами, сожалея лишь о том, что в данный момент было запрещено стрелять в них. Подняв свое широкое лицо к небу, Нге, казалось, прислушивался, откуда дует ветер.

— Не бойся,— сказал он мне вдруг, выудив из своей памяти несколько французских слов, выученных бог знает при каких обстоятельствах во времена французского господства.— Тебя могут только ранить, но не убить. Я ведь выше и шире тебя. Я прикрою тебя своим телом.

Вечером, на биваке, мы встретили вторую группу, которая, как и мы, достигла надежного укрытия джунглей.

— Знаешь,— сказала я Бэрчетту,— Нге хотел прикрыть меня собой, чтобы меня не убили! Я бы ни за что на это не согласилась.

— Все равно ты не смогла бы ему помешать. Я сам поспорил с моими спутниками из-за этого...

Это была рождественская ночь. Солдаты, расположившись лагерем в лесу, шушукались. Офицер нам сказал по секрету.

— Они расстроились, потому что хотели устроить вам праздник, а праздник не получился. Уже два дня они ждут продукты из города, чтобы устроить вам настоящий пир по случаю рождества. Но носильщики тоже попали под бомбежку и еще не пришли.

Солдаты думали, что рождество в Европе то же самое, что праздник весны в Азии — праздник начала лунного года. Мы никак не могли их убедить в том, что не испытываем никакой грусти, встречая рождество с ними, а не в кругу своих семей (которые, впрочем, уже давно к этому привыкли).

Партизанам хотелось поделиться всем, что у них еще оставалось. Был и сюрприз — бутылка рисовой водки, уже давно приготовленная для встречи иностранных журналистов. Стол был накрыт как по мановению волшебной палочки. Меткому стрелку Май удалось подстрелить большого черного гиббона. Рождественский пир состоялся.

Это был большой праздник, при мигающем свете коптилок, в джунглях, только что омытых потоками дождя последнего тайфуна. Сырость заставила выползти из своих нор всех отвратительных животных: змей, скорпионов и других ядовитых насекомых.

Едва растянувшись в гамаках, мы тотчас же уснули после тяжелого дня. Но вдруг среди ночи нас стали тихонько расталкивать. Смех, объятия, дружеские похлопывания по плечу.

— Наши бойцы захотели вас поздравить,— сказал офицер.

— С Новым годом! Желаем доброго здоровья! Приезжайте к нам, когда мы победим. Тогда мы сможем по-настоящему встретить наших друзей в Сайгоне!

Из уважения к нашим национальным традициям они тайком не спали до полуночи, хотя им нужно было выступить уже в 4 часа утра. По-видимому, они когда-то видели, как встречали американские оккупанты (а до них и французские) в лагерях или в офицерских клубах Новый год.

Мы не сказали нашим друзьям, чтобы их не огорчить, что с Новым годом поздравляют не под рождество, а 1 января.

XXXV

Всякая дружба во время войны соткана из расставаний. Один уходит по одной из тысяч тропинок в джунглях, другой должен уйти в противоположную сторону. У каждого есть своя задача. И когда он идет под покровом ночи и под бомбами, то знает, чего хочет и что должен делать.

Однажды вечером, спустя пять недель после рождества, Нге и Нам, наши друзья и телохранители, распрощались с нами. Они получили более важное задание, а мы вскоре должны были покинуть их страну.

В сопровождении переводчика наши друзья пришли в уголок леса, где мы устроились печатать на машинке. Они торжественно распрощались с нами.

— Нас откомандировали из Армии освобождения, чтобы охранять и помогать вам. Но мы крестьяне и не умеем обращаться с иностранцами. Поэтому мы вас просим указать нам на наши недостатки, чтобы мы могли лучше подготовиться к возможным будущим визитам.

Мы ответили Нге и Наму, что лучшим доказательством их отличной работы является то, что мы остались живы, несмотря на все вражеские проiski. Мы воспользовались присутствием хорошего переводчика, чтобы спросить у наших хранителей, почему они рисковали своей жизнью ради нашего спасения и прикрывали нас своими телами во время бомбежки на открытой местности.

— Мы часто это делаем, чтобы спасти наших командиров или вообще всех тех, кого мы считаем лучшими. Никто от нас этого не требует, — объяснили нам. — И дело даже не в личной дружбе. Речь идет только о том, что в любой момент каждый из нас отвечает себе на вопрос: кто нужнее для страны и революции? Тот, кто рядом с тобой или ты сам? Тот, кто нужнее, должен остаться в живых.

— Но мы же не вьетнамцы. Мы только журналисты, да еще и иностранцы.

— Нге и я подумали, что есть миллионы вьетнамцев, способных заменить нас, а вас только двое сейчас среди нас. Поэтому важно, чтобы вы остались живы и рассказали правду о Южном Вьетнаме, о нашей борьбе.

В первый раз Нге показал нам фотографию своей семьи: удивительно молодая женщина и шестеро детей, похожих на отца как две

капли воды. И все-таки Нге был готов пожертвовать собой в любой момент. Он это доказал много раз. Нам вынул из кармана портрет молодой женщины.

— Это моя жена, — сказал он. — У нас нет детей. Ведь мы так мало встречались. А Нге повезло: в начале Сопrotивления он был на гражданской службе. Он смог жениться и имеет детей. Я же был помолвлен три года назад, а женился лишь в год заключения Женевских соглашений. Месяц спустя я должен был скрыться в высокогорных районах, чтобы избежать расправы. С тех пор я не видел своей жены. Ее арестовали на следующий год, и я даже не знаю, в какой тюрьме она находится.

Многие из нас, — сказал Нам, — достигли пожилого возраста, так и не узнав женской ласки. Об этом редко говорят. Зачем жаловаться на свою судьбу и тем самым увеличивать горе соседа? Мы знаем виновника несчастий — это американские агрессоры, и мы все сражаемся за то, чтобы выгнать их из нашей страны... Почему Сен, командир женского интендантского подразделения в полку X. не вышла замуж, хотя ей уже сорок лет? Потому что она осталась кому-то верна.

За время, проведенное вместе с Нге и Намом, мы многое узнали от них о начале второго периода Сопrotивления, о людях Южного Вьетнама.

— Посмотри на это дерево, — сказал как-то Нге, — это пальма дуот. В 1955 году, когда мы скрывались от преследования в горах Таи Нгуен, не имея ни соли, ни риса, эта

пальма была нашим другом. Мякоть дуота была единственной пищей, благодаря которой мы остались живы.

Ты видишь, сейчас я крепкий, но в то время мы могли свалить одну вот такую пальму лишь усилиями нескольких человек. После этого мы чувствовали такую слабость, что должны были немного полежать, прежде чем приняться за еду.

Уходя, нам хотелось оставить листовки деревенским жителям. Но у нас не было бумаги, и мы ее изготавливали из прессованных листьев бамбука. Лучшее для этого подходило бамбук ло-о. А маниокой пользовались вместо мела в подпольных школах. Позже, когда Фронт решил выпускать свои первые газеты, нам пришлось напасть на вражеский пост лишь для того, чтобы раздобыть немного бумаги.

Те времена кончились. Враг повсюду терпит поражения. Теперь нам нужно переходить вброд эту речку, хотя рядом есть мост. Ты видела, что он разрушен. Но на этот раз не нашими партизанами. Его разбомбили американцы... Да, теперь их очередь взрывать мосты и минировать дороги. Не осмеливаясь больше нападать на земле, они испугались, как бы этот мост не послужил войскам Армии освобождения, и разрушили его с воздуха.

Нге и Нам привязались к нам, как к своим соотечественникам. Когда Нам сопровождал меня в какую-нибудь деревню, потому что мне легко было переодеться под вьетнамку, Нге оставался на базе с Бэрчеттом и очень беспокоился, как мне потом говорили, все время

прислушивался, не гудят ли бомбардировщики в той стороне, куда мы ушли. Нам тоже всегда очень торопился вернуться и заботился о Бэрчетте, которого полюбил, как отца. Они целиком взяли на себя заботу о нас и очень близко к сердцу принимали нашу корреспондентскую работу, относились к ней как к боевому заданию.

Во время расставания Нге вручил мне несколько десятков сигарет, которые он скрутил специально для меня, набив их черным табаком, растущим в провинции Таи-Нинь, потому что он больше всего похож на наш галльский табак. Он скрепил их клеем из риса по всем правилам армейской гигиены. Наверняка он заметил, что у меня кончился табак. Ничто не ускользало от его внимательного взгляда: ни моя усталость, ни то, с каким трудом я просыпалась ночью во время тревоги. Он говорил тогда: «Спи спокойно. Если самолеты прилетят, я буду здесь». И я вновь засыпала.

Нге не был исключением. Когда Ту или Винь заменяли его, они так же по-братски заботились о нас, европейцах, не привыкших еще к жизни в джунглях. Но Нге, «старший товарищ», как называли его солдаты, был дольше всех с нами. Он научил меня всему тому, что знал о лесных растениях и животных, заботился обо мне, подбадривал своей улыбкой, защищал меня. Он был мне так же близок, как мои товарищи по Сопротивлению во Франции, как мои соседи по камере, как те, утрата которых навсегда оставила в моей душе чувство одиночества.

«Теперь в Европе, наверное, идет снег? Вы уезжаете из Азии, а у вас ведь зима. Есть ли у вас теплые свитеры?» — вот о чем беспокоились наши два друга за последним стаканом рисовой водки. Люди, которые никогда не летали на самолете, никогда не видели снега, никогда не уезжали из Вьетнама, пытались себе представить наше возвращение! «Скажите там, у вас, что мы будем сражаться до тех пор, пока последний американец не покинет нашу страну».

— Если война еще долго продлится, — сказал Нге, — то у меня есть сыновья, которые встанут на мое место. Сжав свою левую руку правой, он добавил: — Французский народ и мы — верные друзья.

XXXVI

— Братья, проверьте, все ли вы взяли.

Гамаки, которые были привязаны к деревьям для отдыха, снова свернуты. Все снаряжение собрано. Солдаты внимательно осматривают траву. В джунглях все ценится дорого, дороже даже, чем в деревнях. Любой потерянный предмет невозможно найти в лианах, которые растут очень быстро и скрывают его от глаз. По примеру солдат мы научились тоже соблюдать порядок и быть экономными.

Наши спутники заботятся также и о нашей аппаратуре. Эти молодые крестьяне преисполнены такого же уважения к фотоаппарату Бэрчетта и к моему магнитофону, как и к собственному оружию, с которым никогда не расстаются. Они очень увлекаются техникой

и изучают работу наших аппаратов так же, как если бы речь шла о захваченном у врага новом виде оружия. Они смеются от удовольствия, когда им даешь послушать записанное на пленку пение хорового ротного кружка. Они довольны, когда я объясняю, что тысячи людей в мире смогут услышать голос маки. Сколько раз им обоим приходилось выбегать из убежища, чтобы убрать какой-нибудь из наших аппаратов, оставшийся под бомбами во время тревоги.

В джунглях даже самая незначительная вещь может пригодиться. Маленькие цилиндрические металлические коробочки из-под нашей фотопленки остались где-то в лесу, и в них теперь хранят от сырости соль и хинин. Однажды мне подарили хорошенькую керосиновую лампочку. На одной ее стороне была нарисована лодка в лучах заходящего солнца. Приглядевшись, я заметила, что эта лампочка была сделана из американской консервной банки.

Вещи, которые мастерят солдаты Армии освобождения, не только очень практичны, но и обладают неподражаемой прелестью предметов народного творчества. Таков, например, чайник, который может быть одновременно и кружкой, — подарок учеников школы, расположенной в лесу. Чайник сделан из коробки от нивакина — противомалырийного средства, изготовленного в VIII округе Парижа. К этой коробке приделали металлическую ручку, оплетенную нейлоновой нитью, чтобы не обжигать пальцы кипятком. А из другой коробки сделали крышку с дырочками. Носик из

металлической банки припаян вручную. Чай надежно защищен от земли, падающей сверху в убежищах во время бомбежки. Кроме того, в него не попадают комары и другие мошки, которые с наступлением вечера тучами преследуют всех нас и наполняют чашки с чаем. Солдаты сделали много других подарков своим «дядюшке и тетушке», как нас называли все эти парни в возрасте от 16 до 20 лет. Нам подарили одну очень полезную вещь — нейлоновую маскировочную сетку, сделанную из пестрого американского парашюта.

— Вам она пригодится, когда вы будете пересекать открытую местность. Нужно маскировать любую блестящую вещь, которая может привлечь внимание самолетов. А ведь ваши аппараты и велосипедные рули очень блестят. Вы их оберните этой тканью. Тогда не нужно будет без конца срезать ветки для маскировки.

Нам также преподнесли дюралюминиевые ложки и чашки, сделанные из обломков сбитых самолетов, поэмы, переписанные от руки... Но больше всего молодежь из различных подразделений стремилась как можно лучше нас накормить, считая за честь принимать иностранных журналистов у себя в полку. Вечером они подолгу обсуждали меню следующего дня с дежурным по кухне. Конечно, у них были и цыплята, выращенные ими сами, и рис, и вволю сушеной рыбы. Нам этого было вполне достаточно. Но молодые люди со свойственным им крестьянским гостеприимством старались приготовить нам более изысканные блюда.

Так, однажды утром Хан и Льем предложили нам, держа за хвосты, двух жирных крыс, которые живут в капустных пальмах.

— Они поедали наш рис. Мы за ними охотились две ночи.

Наши друзья были чрезвычайно довольны, ведь лесные крысы у них ценятся так же, как у нас кролики. Глядя, как мы едим этих крыс, они радовались, думая об удовольствии, которое мы должны были испытывать в этот момент.

На другой день нам подали мясо дикобраза, действительно необыкновенно вкусное.

— Оно очень полезно, а в вашем возрасте, дядюшка и тетушка, нужно иметь много сил, чтобы продолжать путешествие.

Напрасно мы их уверяли, что у нас превосходное здоровье. Главный охотник не спал всю ночь, подстерегая пробуждение гиббонов на рассвете, чтобы мы имели возможность полакомиться их жареным мясом. В развалинах Ангкора во время нашего путешествия в Юго-Восточную Азию я часами слушала гиббон, которые долго переговаривались между собой, издавая мелодичный свист. Меня приводили в восхищение их полеты с ветки на ветку. Вблизи же черные и белые гиббоны похожи на маску Короля обезьян из китайской оперы. Но гиббоны не умеют строить убежища. Поэтому во время очередной бомбежки, когда американцы рассчитывали уничтожить находящийся на учениях наш полк, две обезьяны были смертельно ранены. Это была самка гиббона с детенышем. В резуль-

тате мы имели около шестидесяти килограммов вкусного мяса.

На следующий день Бэрчетт, проснувшись, как всегда, в три часа утра, стал опять записывать на пленку обезьяний гимн солнцу: звуки таинственные и полные неизъяснимого очарования, которые мы не уставали слушать. Но когда я проснулась, Бэрчетт принес мне свой магнитофон и, странно посмотрев на меня, сказал:

— Послушай-ка, прежде чем я сотру эту запись.

И я услышала плач отца-гibbonа. Он оплакивал гибель своей самки и детеныша, убитых бомбами. Это не был традиционный гимн солнцу. Это была безутешная жалоба существа, которое, пробудившись, вспоминает о своем горе и испускает крик страдания, близкий к безумию.

Мы смотрели с Бэрчеттом друг на друга затаив дыхание. А потом, не говоря ни слова, уничтожили запись. Нам не хотелось брать ее с собой.

XXXVII

Битва под Бинь-Зя — поворотный момент в этой войне — поразила Пентагон и продемонстрировала не только существование, но и мощь регулярной армии Фронта.

Далеко в джунглях, сидя у своих транзисторов, мы слушали, как комментаторы на всех языках сообщали о поражении, нанесенном марионеточным и американским войскам. О самом большом поражении с начала вой-

ны. Комментаторов интересовали методы борьбы «регулярной армии Вьетконга», таинственно появившейся откуда-то из джунглей или, словно по мановению волшебной палочки, прямо из-под земли там, где ее никто не ожидал.

Мы были единственными иностранными корреспондентами по другую сторону линии фронта. И мы могли бы ответить на вопросы, которые задавали себе наши собратья по перу. К концу этой битвы мы находились вблизи командного пункта, недалеко от театра военных действий, и видели, как час за часом прибывали связные и доставляли своим командирам клочки бумаги, исписанные тонким, сжатым почерком: это были последние данные о ходе сражения.

В столь привилегированном положении нельзя было пожаловаться на недостаток материала для сообщений, и если нам чего-то не хватало, так это разве телетайпа, чтобы немедленно передать свои впечатления. И наконец, 4 января во второй половине дня один из высших офицеров Армии освобождения пригласил нас на пресс-конференцию, которая состоялась недалеко от Бинь-Зя.

Последняя фаза этого сражения закончилась накануне. Место конференции было тщательно замаскировано среди плантации каучуковых деревьев. Вокруг нас, примостившись на корточках, сидели несколько журналистов и фотокорреспондентов из различных печатных органов НФО. Солдаты натянули между двух деревьев большую, сделанную от руки карту. В то время как офицер говорил,

они отдыхали после недавнего сражения, покачиваясь в гамаках. Даже воздушный налет, происходивший совсем рядом, не прерывал сообщения офицера.

Мне кажется, что его рассказ и свидетельства простых солдат дают ключ к пониманию все более поразительных побед Армии освобождения над врагом, более многочисленным, лучше вооруженным и монополюльно господствующим в воздухе.

— Мы считаем, что битва при Бинь-Зя началась 5 декабря 1964 года, — сказал офицер Армии освобождения Ле Чань Лонг.

Длилась она, следовательно, месяц, и вело ее одно и то же соединение, находясь иногда под огнем 20 бомбардировщиков и 80 вертолетов, одновременно пущенных в дело (по данным противника). Мы начали ее, атаковав среди бела дня «стратегическую деревню» Бинь-Зя, где было сосредоточено шесть тысяч крестьян. Этот район, в шестидесяти пяти километрах от Сайгона, считался абсолютно спокойным, и оккупанты и марионеточные чиновники часто проезжали через него, направляясь на мыс Сен-Жак, где они обычно проводили воскресный отдых. Надо принять во внимание и тот факт, что эти деревни населены нашими соотечественниками-католиками, которые эмигрировали с Севера в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году и долгое время находились под влиянием пропаганды Дьема.

Мы постоянно меняем планы атак. Враги привыкли, что обычно мы атаковали ночью и извне. На этот раз, благодаря помощи насе-

ления, сконцентрированного в этих «стратегических деревнях», мы атаковали гарнизон Бинь-Зя днем прямо из расположения противника. Наемники, охваченные паникой, практически не оказали сопротивления.

Через два дня мы атаковали крупный центр округа Да-До на юг от Бинь-Зя. Там также, благодаря помощи населения и патриотов, служащих в марионеточных войсках, мы еще раз смогли тайно проникнуть в расположение противника. Потери врага были значительными, наши — ничтожными. Позже мы узнали, что эксперты по психологической войне выставили и сфотографировали трупы наемников, окрестив их «трупами вьетконговцев». Этот мрачный маскарад не мог обмануть жителей, которые опознали несколько лиц и которым известно, впрочем, что Армия освобождения не покидает на месте сражения своих раненых и убитых.

Овладеть вражеским постом или деревней — это часто для Армии освобождения не цель, а лишь средство для того, чтобы привлечь в выбранное место подкрепления противника, что и произошло на этот раз.

Мы не располагаем, как американцы, такими средствами передвижения как джипы, грузовики, амфибии, — продолжал офицер, — но мы используем технику врага, вынуждая ее прибыть на место, подготовленное нами для сражения.

Таким вот образом девятого декабря колонна из четырнадцати бронированных амфибий типа М-113, следовавшая из Бариа по дороге номер два, попала в нашу засаду. Ут-

ром из Сайгона по воздуху были переброшены две роты, чтобы вновь овладеть Бинь-Зя. Этим ротам мы не придавали такого значения, как танковой колонне, отправленной для поддержания их боевого духа.

Один солдат, участник этой операции, рассказал мне:

— Под прикрытием деревьев мы с тяжелой поклажей за плечами форсированным маршем прошли десять километров, чтобы не упустить врага. Вражеская авиация готовила дорогу для М-113, обрушив на лес град ракет.

У нас не было времени, чтобы вырыть щели. Замаскированные ветками, мы были похожи на движущиеся кусты. Наконец мы заметили дорогу. Послышался шум приближающейся колонны. Лес замер. Внезапно раздался сигнал трубы. По сигналу «кусты» бросились к дороге. Командир, товарищ Т., вскакивает на один из бронетранспортеров, размахивая флагом, на котором вышит наш девиз: «Кьет Чанг!»¹. Одни стреляют в водителей, заставляя их нагибать головы, чтобы спастись от пуль, другие вскакивают на М-113 и бросают внутрь ручные гранаты. М-113 — настоящие мастодонты, и с той поры, как мы узнали все их уязвимые места, у нас уже больше не пробегают от страха мурашки по спине при виде их. Из-за большого веса они застревают при подъеме на склоны и на крохотные плотины, окружающие рисовые поля. Когда же они оказываются перед высохшим

¹ «Кьет Чанг!» по-вьетнамски означает «Драться до победы!» — *Прим. автора.*

каналом, они не могут его пересечь и должны ожидать, когда он заполнится водой.

У нас в части есть два брата. В тот день, девятого декабря, они вдвоем уничтожили танк. Главное — это действовать быстро, без колебаний, и так приблизиться к вражеским бронетранспортерам, чтобы оказаться в непростреливаемом пространстве. Самое главное — это подпустить противника как можно ближе, не обнаружив себя, затем смешаться с ним и парализовать его усилия.

Прибыла авиация, но в такой каше она боялась нанести урон своим собственным войскам. С другой стороны, наши бойцы, овладевшие бронетранспортерами, направили в небо дула пушек этих машин и таким образом сбили четыре самолета.

Во время битвы нашим девизом было: «Вступив в бой, не отступать!» Четырнадцать М-113 были уничтожены. Одна из машин, пытаясь ускользнуть с поля боя по речке, пошла ко дну, настолько она была изрешечена пулями. Девять американцев было убито. Все тяжелое вооружение было взято для армии, а все легкое было оставлено местным партизанам.

Когда мы возвращались нагруженные трофеями, нас приветствовали крестьяне, которые, впрочем, во многом содействовали победе. В продолжение всего боя девушки вызывались пополнить наши запасы боеприпасов. Нашим раненым, вынесенным из-под огня, была оказана помощь в пунктах первой помощи, заранее организованных медицинской службой нашей армии.

Офицер так дополнил рассказ солдата:

— В тот день мы должны были действовать молниеносно и поэтому не взяли с собой ни минометов, ни базук. Но у наших людей было превосходство над колонной танков и бомбардировщиками. Оно заключалось в высоком моральном духе наших бойцов. И только благодаря этому колонна бронетранспортеров была уничтожена.

Надо отметить, — продолжал офицер, указывая точку на карте, — что соседний гарнизон даже не пошевелился, чтобы прийти на помощь колонне, оказавшейся в трудном положении. Это типичный случай, показывающий низкое моральное состояние и полное отсутствие духа солидарности в войсках нашего противника.

После этой победы по всему району происходили многочисленные стычки. Партизаны и солдаты постоянно меняли тактику, чтобы измотать противника.

Одним из важнейших результатов битвы при Бинь-Зя было уничтожение отборных резервных частей, необходимых для обороны Сайгона. Несколько раз Армия освобождения не вступала в бой с обыкновенными войсками, моральный дух которых очень низок, а берегла свои удары для самих американцев и их «коммандос», два батальона которых были полностью уничтожены.

Семнадцатого декабря мы решили устроить засаду на дороге номер пятнадцать, ведущей на мыс Сен-Жак. Чрезвычайно сложная операция. Движение здесь очень интенсивное, и практически невозможно было сохранить эту

операцию в тайне. Жители этого сектора заметили наши приготовления. Мы решили довериться им и правильно сделали, так как они не только сохранили тайну, но еще и помогли нам вырыть целую сеть траншей и туннелей, в которых мы укрывались.

Когда появились три моторизованные колонны, мы пропустили первую, ничем не выдавая своего присутствия, затем набросились на вторую и прижали ее к земле. И на этот раз солдаты первой колонны, довольные тем, что им удалось ускользнуть, даже не подумали вернуться, чтобы прийти на помощь своим.

В то же время силы, прибывшие из Сайгона, вновь заняли «стратегическую деревню» Бинь-Зя. Двадцать седьмого декабря мы ее снова неожиданно атаковали, но не днем, как в первый раз, а ночью. Местные партизаны служили проводниками Армии освобождения. Новый марионеточный гарнизон был выведен из строя. Крестьяне же из поселка воспользовались этим, чтобы разрушить доты и проводочные заграждения. Мы знали, что противник любой ценой хотел удержать этот стратегический район и, следовательно, должен был прислать новые подкрепления. Мы к этому готовились. Два батальона вражеских солдат, сброшенных с парашютами, легко удерживались силами одних партизан. Мы же старались создать впечатление, что никакие другие силы, кроме партизан, не принимали участия в сражении.

Нашей основной добычей стал сброшенный американцами с парашютами 29 декабря 33-й

батальон десантиков-рейнджеров¹, один из одиннадцати отборных батальонов, являющихся единственным стратегическим резервом Сайгона. В то время как 33-й батальон совершал маневр, чтобы взять в тиски партизан и окружить деревню, мы внезапно атаковали его с тыла. В первые же минуты мы уничтожили командный пункт. Охваченный паникой, враг не смог укрыться от нашего мощного, концентрированного огня. Во время этой схватки из пулеметов, которые мы успешно применяем для противовоздушной обороны, было сбито четырнадцать самолетов.

На следующую ночь враги оставили без помощи на поле боя своих раненых из-за боязни подвергнуться новой атаке. Население сектора смогло, таким образом, собрать оружие, оставленное на месте схватки. Партизаны отлично пополнили им свои запасы. На следующий день на сотне вертолетов было прислано подкрепление. Однако сайгонские солдаты не осмеливались далеко отойти от них. Сначала они пытались заставить крестьян вынести своих раненых с поля боя. Крестьяне же, которых им удалось собрать с этой целью, отказались под предлогом, что они «боятся вьетконговцев». В конце концов у американских «светников» родилась гениальная мысль: чтобы покончить со всем этим, они решили сбросить бомбы на поле боя с целью уничтожить возможные скопления партизан. Единственным результатом этой бомбежки было

¹ Рейнджеры — солдаты диверсионно-разведывательных подразделений в армии США.— *Прим. ред.*

то, что они прикончили немалое число своих же раненых...

Только после этого вертолеты осмелились приземлиться и забрать тех, кто еще оставался в живых.

В тот день можно было наблюдать большое движение «летающих орлов». Крестьянам с помощью концентрированного огня удалось «взять живьем» один вертолет, то есть они попросту помешали ему подняться в воздух. Внутри находилось четверо убитых американцев, а также совершенно неповрежденное тяжелое вооружение.

Офицеры Фронта по опыту знали, что, ради того чтобы получить обратно это оружие, а также вывезти трупы солдат, принадлежащих к «высшей расе», американцы способны пожертвовать еще одним отборным подразделением своих войск, чего они ни за что бы не сделали, если бы речь шла о раненых или убитых сайгонской армии.

(Позже я рассказала эту историю своему другу, американцу, одному из тех мужественных представителей интеллигенции, которые борются против вооруженного вмешательства Пентагона во Вьетнаме. Он считает, что трупы стараются забрать не только для того, чтобы поднять боевой дух американских солдат. Тут еще замешаны достаточно грязные денежные интересы. Дело в том, что страховые общества платят определенную сумму армии, которая в свою очередь какую-то часть выплачивает вдове погибшего, но все это только в том случае, если представлено тело убитого. Ни о каких деньгах не может быть

и речи, если солдат числится без вести пропавшим.)

— Что бы там ни было, тридцатого декабря около Бинь-Зя армия Фронта и население готовилось к бою, расположившись в засаде вокруг захваченного вертолета. Дзоты, пулеметные гнезда образовывали хорошо укрепленные и в то же время тщательно замаскированные позиции. Сама же машина служила приманкой, «как коза, привязанная к колышку, при охоте на тигра», — пояснил мне один крестьянин.

Таким образом 4-й батальон морской пехоты, прибывший на место по воздуху, попал в наши сети и был принесен в жертву своими хозяевами ради четырех трупов американских «советников».

На следующую ночь противник снова бросил без помощи своих раненых на поле боя. И снова санитары Армии освобождения оказали им посильную помощь.

Третьего января Фронт нанес еще один удар по новым подкреплениям, посланным Сайгоном. На дороге номер два была устроена засада на эту колонну и как раз в том месте, где враг меньше всего этого ожидал. В самом деле, дорога эта проходит через «стратегическую деревню» Бинь-Бо. Действуя заодно с населением, солдатам удалось проникнуть в деревню, спрятаться там и уничтожить пятнадцать грузовиков и две роты 35-го батальона десантников-рейнджеров.

Эта операция была завершающим этапом битвы при Бинь-Зя, во время которой по предварительным данным, сообщенным на

пресс-конференции, было выведено из строя две тысячи сайгонских солдат (включая убитых, раненых и пленных), двадцать восемь американцев; уничтожено двадцать шесть вертолетов и самолетов, тридцать шесть боевых машин (в том числе четырнадцать бронетранспортеров М-113), а Армия освобождения пополнила свои запасы сотнями единиц тяжелого и автоматического оружия. Это после подобных поражений Пентагон принял безумное решение атаковать с воздуха соседнее государство — Демократическую Республику Вьетнам, чтобы как-нибудь поправить свои дела.

XXXVIII

Я никогда не забуду дней, проведенных в одном и том же секторе леса в полку, который готовился к крупным боевым операциям 1965 года.

До этого мы постоянно перемещались вместе с небольшими войсковыми частями. Теперь впервые у нас появилась возможность поближе познакомиться с буднями Армии освобождения, лучше узнать ее бойцов.

Молодость их поразила нас сразу, как только мы попали в джунгли. Их мальчишеские лица в обрамлении из веток, которыми они маскировались от самолетов, заставляли думать, что это не солдаты, а бойскауты, играющие в индейцев. Но мы знали, что в нужную минуту они могли обрушить на врага сокрушительный удар. А по вечерам воздух

звенел от их песен и беззаботного смеха. В такие минуты можно было бы забыть о войне, если бы военные учения и песни не прерывались частыми бомбежками. Но едва исчезали самолеты, все бойцы полка снова смеялись и пели.

Средний возраст солдат регулярной армии Фронта — двадцать лет. В большинстве своем это сыновья бедных крестьян, и родились они в начальный период Сопротивления против французских колонизаторов. Они ничего не видели, кроме войны. С самого рождения они слышали, как старшие повторяли: «Лучше смерть, чем рабство», «Наш народ рос и мужал четыре тысячи лет, не прекращая борьбы за свою независимость». Более того, для каждого из них борьба против американских оккупантов — это средство отомстить за своих или защитить то, что еще осталось от их семей. Благодаря таким историческим условиям, таким личным переживаниям создан определенный тип молодых людей, которые стали правой рукой Фронта.

Теплая, душевная обстановка царит в армии. Отношения между офицерами и солдатами напоминают отношения между членами семьи. К офицеру обращаются, называя его старшим братом или товарищем.

Никаких внешних знаков различия, никаких нашивок. Офицерам от двадцати до двадцати восьми лет, и избраны они на этот пост как имеющие большой опыт вооруженной борьбы. А некоторым командирам, бывшим партизанам, не больше двадцати — двадцати двух лет, а они вот уже по пяти, а то

и по шести лет не расстаются с оружием. Простые солдаты и офицеры равны во всем: они работают, едят и борются вместе. Мы видели, как все наравне трудились, когда надо было выращивать овощи или ухаживать за скотом и домашней птицей, плести шляпы и корзины из латании или печатать армейские газеты. Все здесь делается сообща, по принципу: люди гораздо быстрее сближаются, когда вместе строят, сражаются, сажают рис в землю, которую вместе вспахали.

Все они — и солдаты, и офицеры — уроженцы Южного Вьетнама, бывшие крестьяне. Они прошли через одни и те же испытания. Когда кто-либо из бойцов ранен, будь то простой солдат или офицер, он уверен, что ему будет оказана вся возможная помощь и что свои его никогда не покинут. Общая ненависть к врагу, демократия, равенство без панибратства, царящие здесь, объясняют тот высокий моральный дух регулярной армии «Вьетконга», который делает возможным молниеносные атаки, всегда оканчивающиеся победой людей из джунглей и вызывающие удивление противника.

Мы приняли участие в изучении макета, с величайшей точностью и во всех деталях воспроизводившего вражеский пост — объект будущей атаки. Офицер изложил в основных чертах задачу, и единственно поэтому его можно было отличить от других солдат. В дальнейшем он ограничился лишь тем, что давал слово всем, кто поднимал руку, желая высказаться. Еще раньше он объяснил нам, что макет сделан в соответствии с донесениями

разведки, а главным образом благодаря сведениям, полученным от населения.

— Население — это наши глаза и уши. Одни мы не смогли бы все узнать. А население знает все, вплоть до числа шагов между рядами колючей проволоки или двумя соседними дотами. А размер шага вымеряется заранее. Благодаря населению мы знаем все привычки врага. Недавно, когда мы атаковали «стратегическую деревню», одна крестьянка и ее двое детей служили проводниками. Мы все стараемся быть достойными той помощи, которую нам оказывает народ. Наша армия служит ему. Если мы роем убежища, мы роем их для армии и для гражданского населения и в случае необходимости в первую очередь предоставляем убежища гражданским. Мы помогаем людям спасти их имущество во время бомбардировок. А крестьяне, со своей стороны, снабжают нас продуктами во время сражений, которые тянутся по нескольку дней. Совсем недавно пожилая женщина долго шла за нами под огнем и тащила коромысло с ведрами приготовленного риса. «Это для моих сыновей, чтобы они не голодали», — повторяла она.

Перед макетом поста каждая группа из трех человек — основная единица в армии — высказывала свои соображения, продиктованные конкретным опытом. Каждый план обсуждался сообща. Окончательный план атаки был принят лишь тогда, когда все до единого солдата были с ним согласны. Если оставалось хоть малейшее возражение, дискуссия продолжалась и тянулась иногда часами.

— Вы знаете нашу крестьянскую поговорку «Три дурака стоят вместе одного мудреца»? — сказал нам, смеясь, Ла Хонг Нго.

Затем перешли к распределению боевых заданий. В таких случаях никогда не приходится приказывать. Всегда есть добровольцы, и из них образуется группа, которая первой заложит мины в расположении противника. Точно так же, просто и спокойно, назначается группа, которая придет ей на смену, если первая погибнет прежде, чем выполнит задание. Нет никаких фанатических порывов, есть только решения, принятые хладнокровно, решительно, с верой в будущее. Каждый думает при этом: «Где я смогу принести больше пользы для общей победы?»

Это составляет неотъемлемую часть будней Сопrotивления в стране, где жизнь и смерть идут бок о бок вот уже двадцать лет, где человека могут убить в любой момент, даже если он не сражается, и где каждый всосал с молоком матери мысль о необходимости борьбы.

Перед боем в армии всегда создается не один план атаки, а несколько, что позволяет менять тактику в разгар сражения в соответствии с его ходом и с ответными действиями противника, поскольку все они были предугаданы и проанализированы заранее. Вот эти-то различные планы, написанные из экономии на небольших листках бумаги тем тонким, убористым почерком, каким, как мне кажется, пишут революционеры во всем мире, объясняют чрезвычайную маневренность Армии

освобождения, разнообразие ответных ударов, которые обескураживают противника, увязнувшего в непривычной обстановке вместе со своим тяжелым вооружением.

Затем мы стали свидетелями следующего этапа подготовки к бою. На этот раз солдаты воспроизвели в натуральную величину укрепления, окружавшие вражеский пост. Тысячи раз под звук рожка и сопровождаемые страшным шумом, который производили их товарищи, ударяя по пустым контейнерам и имитируя грохот сражения, группы добровольцев повторяли действия, которые им понадобится проделать под огнем.

Ни одна пуля не тратится даром. А быстрота выполнения различных маневров, гибкость, согласованность «троек» все возрастают и через несколько дней, иногда через несколько недель тренировок достигают совершенства.

Одной штурмовой группе было поручено набросить на рвы, окружавшие укрепления поста, что-то вроде бамбукового мостика, соединенного с лестницей, — все это в натуральную величину. Это простое приспособление, достаточно легкое, чтобы его могли свободно нести два человека, делает возможным молниеносный захват поста. В перерывах между упражнениями, повторяемыми до тех пор, пока они не станут навыками, не участвующие в этой операции бойцы делали критические замечания по поводу действий своих товарищей, которые сами не всегда могли отдать себе отчет в недостатках, допускаемых ими при выполнении маневра.

Атака этого поста имела целью пополнить запасы нашей части снарядами определенного калибра.

— Мы всегда хорошо знаем, где находятся те или иные боеприпасы. Нет никакой нужды перегружаться ими заранее. Источник нашего снабжения всегда рядом с нами,— сказал Бон, улыбаясь.— Мы всегда прежде всего считывали на свои силы. Если в будущем мы и обратимся за помощью моральной, материальной, в том числе и оружием, к народам, которым дорого дело мира, то я думаю, что нашим основным поставщиком вооружения все-таки всегда будет сам Пентагон. Его оружие очень нам подходит...

— В Армии освобождения в промежутках между сражениями больше времени уделяется учебе, чем военным упражнениям. Изучается география, история, гигиена, математика. И внимание, которое отводится просвещению, не случайно,— пояснил нам офицер, ответственный за вопросы образования.— Так мы готовим будущее нашей страны.

Занятия проходят на поляне. Солдаты сидят на корточках, а легкораненые и больные тоже присутствуют на уроках, устроившись в своих гамаках. Перед первыми рядами — вооружение: ручные пулеметы, минометы, базукки, и всегда в боевом положении. Между деревьями виднеется красно-голубое с золотой звездой знамя НФО и красное знамя части, на котором золотыми буквами вышит лозунг: «Драться до победы!»

Во время учений и занятий подразделения ПВО охраняют лагерь в джунглях. Их

пушки всегда находятся в боевой готовности, устремив в небо стволы, на которых выбито: «Made in USA».

XXXIX

Даже в самых отдаленных убежищах в глубине джунглей наступил век нейлона и транзисторов. По возвращении меня много раз спрашивали, как могла жить женщина в джунглях, среди солдат. Нет ничего проще.

На каждой стоянке достаточно было вместо ширмы натянуть между двумя деревьями кусок непрозрачного нейлона, и у меня появлялся отдельный кабинет. Но я пользовалась особой привилегией. Каждый вечер я могла получить ведро теплой воды, чтобы вымыться и избавиться от различных мелких насекомых, проникающих под кожу. Мои товарищи должны были довольствоваться холодной водой. Зато ни в воде, ни в мыле партизаны никогда не испытывали недостатка.

Появление транзисторов — это огромный прогресс по сравнению с предыдущей войной. Даже группы партизан, затерявшиеся в самых отдаленных уголках джунглей, всегда связаны с внешним миром, и голос радио доходит до них повсюду. Они слушают из-за границы и из своей собственной страны новости, передаваемые радиостанцией «Освобождение», и из Ханоя. Солдаты слушают даже уроки иностранного языка, организованные радиостанциями Ханоя, Сайгона или Би-би-си.

Все, с кем нам довелось встретиться, были одержимы страстью к учебе. Многие также

увлекаются спортом. Порой, когда нам казалось, что все страшно устали от трудов минувшего дня, мы слышали вдруг, как из какого-нибудь уголка леса неслись крики и взрывы смеха, сопровождавшие игру в волейбол.

Во время учений полка, проводившихся в тот момент, мы были включены на некоторое время в состав группы Ла Хонг Нго. В первый день ребята были смущены: они явно не привыкли иметь дело с «новобранцами» из-за границы. Краснея как девушки, они не знали, как рассказать о сражениях, за участие в которых они были награждены. Тогда нам приходилось обращаться к командиру батальона. Каждый из этих молодых людей был ранен один или несколько раз и имел солидный боевой опыт.

Двадцатитрехлетний командир Нго, контуженный, затем раненный в ноги, заставил своих товарищей воспользоваться своим телом, как подставкой для зенитного пулемета. Выйдя из окопов и не обращая внимания на огонь с вертолетов, они стреляли по кружившим над ними самолетам.

— Ну и что такого? Я всего-навсего был ранен в ноги,— пробормотал юноша, когда мы спросили о его подвиге. Он умолчал, что кроме того у него было обожжено плечо, которое служило опорой пулемету, и что долгое время он почти ничего не слышал.

Новые наши знакомые были все в шрамах. Льем, один из лучших поэтов стенной газеты, в восемнадцать лет потерял глаз, получив ранение в лицо во время атаки поста недалеко

от Шок-Чанга. Он не отошел, пока не заложил мину. Это один из тех одиннадцати партизан, некогда вооруженных одними серпами, вокруг которых сформировался теперешний полк. Родители его бедные крестьяне. Отец ушел на Север вместе с другими частями народной армии, и Льем видел его всего один раз в жизни, когда он был совсем ребенком.

Молодость бойцов армии НФО уже говорит о том, что вьетнамцы не нарушили Женевских соглашений. Ведь никто не может сказать, что эти двадцати — двадцатипятилетние солдаты принимали участие в первой войне в Индокитае. В то время они только родились. Мы не встретились в армии с их отцами, потому что они ушли на Север и остаются до сих пор на территории Демократической Республики Вьетнам¹. А мы видели, как армия НФО проводила учения не севернее, а много южнее 17-й параллели. Джунгли Южного

¹ В заявлении НФО от 22 марта 1965 года говорится: «Если американцы будут впредь увеличивать в Южном Вьетнаме свои вооруженные силы и войска своих сателлитов, будут продолжать расширять войну на Север Вьетнама и Лаос, то Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама обратится к народам различных стран с призывом направить в Южный Вьетнам добровольцев, чтобы они плечом к плечу с южно-вьетнамским народом боролись против общего врага. С другой стороны, поскольку американские империалисты продолжают сеять страдания и смерть в Южном Вьетнаме, Фронт освобождения считает, что он вправе будет призвать, в случае необходимости, дочерей и сыновей Юга, находящихся сейчас на Севере, с тем чтобы они снова взяли в руки оружие и уничтожили врага, а тем самым спасли бы свою страну и свои семьи». — *Прим. автора.*

Вьетнама достаточно просторны, чтобы в них могли скрываться полки и поддерживающие их роты тяжелого вооружения. Тот факт, что первые освобожденные районы Юга — Камау и дельта Меконга — наиболее удалены от 17-й параллели, показывает всю смехотворность и лживость американских рассказов по поводу «агрессии Северного Вьетнама против Южного».

Фронт не нуждался ни в каких указаниях извне, чтобы начать борьбу, пользуясь поддержкой всего народа. «Пентагон посеял ветер, теперь он пожнет бурю», — сказал нам однажды один из руководителей Фронта, принадлежащий к каодаистам.

Нам достаточно было посмотреть вокруг себя, чтобы понять все эти элементарные истины. В нашем полку шестьдесят девять процентов бойцов потеряли кого-нибудь из близких родственников в результате репрессий или бомбардировок, одиннадцать процентов остались без матерей, двенадцать — потеряли своих отцов, замученных и казненных в 1954—1960 годах во время массовых расправ с бывшими участниками Сопротивления.

Поэтому солдаты и говорят: «Это американцы сформировали наш полк».

Большинство этих юношей осиротело еще в самом начале тех черных времен. Они бродили по дорогам, питаясь остатками риса. Отец-подпольщик убит или ушел на Север, мать — в концентрационном лагере. А они бродят по дорогам, и деревенские жители тайком кормят их, рискуя при этом попасть в тюрьму за «помощь, оказываемую семьям

«вьетконговцев». Легко понять, что солдаты НФО, у которых было такое детство, твердо решили не складывать оружия до тех пор, пока последний иностранный солдат, последний бомбардировщик не покинут Вьетнам.

Все наши знакомые нашли в армии свою вторую семью и ради нее готовы без колебаний пойти на смерть. «С такими солдатами, которые пришли сюда добровольно и убеждены в справедливости нашей борьбы, — сказал мне однажды один офицер, — нет никакой нужды прибегать к наказаниям, чтобы добиться железной дисциплины и высокой боеспособности. У нас нет гауптвахт. Если солдат допустил ошибку, его критикует вся часть. И даже офицерам не избежать справедливой критики своих подчиненных, если к тому есть причины.

Когда провинившийся признал свою ошибку, проанализировал ее с помощью всех нас, понял, почему он оступился, мы считаем, что он достаточно наказан теми угрызениями совести, которые он испытал. Если солдат не признает вины, обсуждение продолжается. Наказание здесь ни к чему. Проходит какое-то время, и мы вновь возвращаемся к обсуждению в разных формах этого вопроса, с тем, чтобы помочь нашему товарищу исправиться морально».

XI

В полку X. я встретила молодых людей, перешедших из правительственной армии на сторону Фронта. Один из них, лицеист, был

схвачен во время облавы при выходе из кино. Другие были крестьянами, выросшими за колючей проволокой «стратегических деревень». Их силой взяли в армию, и они ждали лишь удобного случая, чтобы дезертировать всем вместе, захватив с собой и оружие. Однако они знали, что если их поймают, то расстреляют в пример другим.

В полку были молодые люди, пришедшие из городов, чтобы избежать насильственной мобилизации, организованной американцами в надежде пополнить марионеточные части, от которых остались лишь одни названия. У нас во Франции молодежь тоже уходила в ряды партизан, чтобы избежать вербовки на принудительные работы. Я знаю сына одного торговца. Отец сумел вывезти его из Сайгона в чемодане. К счастью, парень был невелик ростом. Оказавшись со своим чемоданом в освобожденной зоне, отец сказал сыну: «Я поручаю тебя людям Фронта. Уверен, что с ними ты не рискуешь стать негодяем».

Все новобранцы, в том числе и те, кто пришел к нам из стана врага, проходят одинаковую школу, получают одну и ту же военную подготовку. И даже солдаты, попавшие в плен, по их просьбе зачисляются в ряды Армии освобождения, если они не совершили никаких преступлений против народа. «Особая война», которая должна была развязать гражданскую войну во Вьетнаме в интересах американцев, была причиной многих семейных трагедий.

Не считая некоторых офицеров войск особого назначения, горстки палачей и полицей-

ских-преступников, выступавших против своего народа еще со времен первой войны в Индокитае, другие, находящиеся на службе у американцев — объясняли нам наши друзья, — «такие же вьетнамцы, как и мы. НФО требует от них лишь одного: не мешать борьбе за освобождение нашей земли от американских захватчиков».

Кроме того, НФО уже давно объявил, что он готов сотрудничать в рамках «Союза единства действий» со всеми партиями, союзами и отдельными южновьетнамскими деятелями, даже враждебными нам в каких-то пунктах своей программы, даже ранее сотрудничавшими с иноземными захватчиками, при одном только условии, что они будут бороться против американских агрессоров и их сообщников.

Одной из причин массового дезертирства, даже среди офицерского состава, является «заблуждение» американцев, или, точнее, их политики расовой дискриминации.

Становится понятным недоверие к американцам в среде правительственных солдат, когда ознакомишься с их повседневной жизнью. Все удобные жилища находятся в распоряжении американцев. Кроме того, сайгонский солдат никогда не бывает уверен в том, что ему окажут первую помощь в случае ранения на поле боя. В первую очередь эвакуируют раненых американцев, затем офицеров-наемников и только в том случае, если есть свободные места в вертолетах или остаются какие-нибудь медикаменты, оказывают помощь рядовым солдатам.

Нам рассказали о многих случаях, когда раненые были или просто-напросто брошены на поле боя, как например, в битве при Бинь-Зя, или когда офицеры приказывали добивать тяжело раненных солдат. Бывший военный из Сайгона мне рассказал: «Американцы и офицеры решили, что эти люди все равно уже не смогут воевать. Тогда они бросили их, а некоторых прикончили, как раненых лошадей. Люди нашей роты были так этим потрясены, что многие ушли в джунгли. Мы подумали, что, может быть, когда-нибудь и мы сможем оказаться на месте этих несчастных, или, наоборот, получим приказ добивать товарищей, а в случае отказа будем расстреляны».

Когда знаешь все это, то становится понятным, почему во время атак сторожевых постов солдаты правительственной армии все чаще и чаще поворачивают оружие против своих командиров и «советников». Последние доверяют теперь охрану американских баз только самим американцам.

Иногда солдаты вражеских постов переходят на сторону Национального фронта освобождения, но остаются пока в рядах сайгонской армии по приказу Сопротивления. В нужный момент они выполняют возложенную на них задачу, и пост переходит в руки Фронта. Таким образом, цепи вражеских постов, расположенных вдоль стратегических путей, падают одновременно, как плоды, подточенные изнутри. Вражеские коммуникации могут быть перерезаны в любой момент, и Сайгон может оказаться изолированным от моря и от крупных городов.

Телеграммы из Сайгона либо замалчивают подобные факты, либо по возможности уменьшают их значение. Однако эти факты объясняют, почему Пентагон, отказываясь предоставить Вьетнам вьетнамцам, вынужден сделать то, чего пытался избежать путем «особой войны» и налетов на Северный Вьетнам и на Лаос, а именно: направить американские войска для непосредственного участия в войне, наподобие той, которую уже проиграли их французские предшественники.

В джунглях мы также встретили и бывших офицеров правительственной армии. Теперь они обучают солдат Сопротивления обращению с тяжелым оружием. Еще в начале «особой войны» американцы подготовили большое количество технического персонала из южно-вьетнамцев. Они не смогли, конечно, предвидеть, что когда-нибудь эти люди будут делиться своими знаниями с бойцами Армии освобождения.

— Нужно воздать должное тем патриотам,— сказал мне один офицер,— которые, оставаясь в рядах врага, находят возможность при эвакуации постов оставлять нам сведения, написанные на клочках бумаги или на страницах, вырванных из блокнотов. Особенную ценность их сообщения представляли для нас в то время, когда мы еще не умели ни сбивать американские вертолеты, ни пользоваться их тяжелым оружием. Эти братья-патриоты рискуют не только погибнуть от рук врага в случае провала, но и получить пулю от своих же друзей во время боя.

Мы побывали в роте тяжелого оружия. Один из командиров показал нам минометы калибра 81, безоткатные орудия, тяжелые американские пулеметы «браунинг» и «максим». У каждого оружия своя история, которую нам охотно рассказали солдаты роты.

— Этот «браунинг» принял участие в семнадцати боях на нашей стороне. Однажды он стрелял без перерыва с 6 утра до 8 вечера, отражая многочисленные атаки врага. Один из номеров его расчета был убит, а двое других ранены. Видите, пулемет тоже был задет, но он еще хорошо служит. Это орудие калибра 57 потопило четыре корабля и четыре амфибии М-113 у Кан-Тхо. А вот и ее «дочь», мы ее отобрали в недавней схватке. Все орудия роты были «детьми» друг друга, так как были захвачены одно за другим у американцев. Все солдаты роты тщательно ухаживают за своими орудиями.

Ни один снаряд не выпускается мимо цели. Мы видели, как солдаты упражнялись в стрельбе, добиваясь точности попадания. Если пуля попадает в движущуюся цель, то уж снаряд наверняка должен поразить ее.

— Как и во всех других подразделениях, орудийные расчеты беспрестанно тренируются в стрельбе и в транспортировке своих орудий. Они их разбирают и собирают во всевозможных ситуациях, даже под огнем. Мы стремимся с каждым днем повышать уровень нашей технической, тактической и идеологической

подготовки, чтобы быть готовыми к будущим битвам, — рассказывал нам Бон.

Все вокруг говорило о том, что здесь готовятся большие сражения. Вся работа велась со слаженностью и точностью часового механизма, что так удивляет иностранных стратегов.

На следующий день нам пришлось переплывать реки, ползти под землей, пробираться сквозь непроходимые заросли джунглей, чтобы добраться до нескольких пунктов связи. Через них генеральный штаб координирует все военные операции на территории всего Южного Вьетнама.

— Наш принцип состоит в том, чтобы наносить удары по врагу сильно и метко, регулярно и одновременно в нескольких местах. Одним из слабых мест противника, как бы он ни был хорошо вооружен, является то, что он не может быть сразу повсюду, — сказал нам один офицер. — Как бы ни велика была численность врага, он не в состоянии оккупировать всю страну целиком, народ которой поднялся на борьбу против него. Если же враг попытается это сделать, то ему придется расконцентрировать свои силы, что сделает его более уязвимым.

Под защитой многометровой толщи земли юные бойцы без передышки посылали сигналы своих радиопередатчиков, работая по очереди, чтобы работа не останавливалась ни на минуту. А чтобы вражеские самолеты не смогли их обнаружить, связисты работали и во время бомбардировок. Один из аппаратов был назван именем «Куба», а другой «Мечь за Нгуен Ван Чоя».

Вернувшись ночью в наш лагерь, мы очень удивились, увидев пустые гамаки и лишь нескольких спящих бойцов.

— Сегодня пятница, день собраний бойцов — членов «Молодежной организации Фронта», — объяснили нам.

В двухстах метрах от лагеря расположилась под деревьями почти половина отделения Ла Хонг Нго. Керосиновые лампы стояли прямо на земле. Оратор что-то объяснял вполголоса, заглядывая в свою записную книжку.

— Но почему они так уединились? — спросил Бэрчетт.

— Чтобы не тревожить других солдат во время отдыха, — ответили ему.

В тот вечер на собрании говорили вот что:

— Мы перешли от засад к преследованию противника, к нападению на его подкрепления. Скоро мы перейдем в наступление на крупные посты, казармы, военные лагеря и на города, занятые американцами. Это ставит перед нами новые задачи, но не должно нас пугать. Если все как следует обдумать, серьезно изучить и если мы будем полны решимости победить, то обязательно добьемся успеха.

Несколько молодых людей из другого отделения устроились среди колючих лиан в другом тенистом уголке, наполненном благоуханием, навевающим мечты о счастье.

Когда мы подошли, один из выступающих говорил о взаимопомощи бойцов отряда.

— Достаточно ли мы делаем, чтобы помочь коллективу и чтобы помочь каждому в отдель-

ности? Прежде всего нужно знать, кого ты любишь больше — самого себя или других, — страстно говорил он. — Когда люди любят друг друга; то даже мутная вода кажется светлой, и тогда все становится возможным.

XLII

Когда ночь опускается на лагерь, солдаты народной армии, собравшись, как в деревне, беседуют об урожае, о домашнем скоте. Несмотря на то что в нескольких метрах от людей звучат крики ночных птиц, возгласы и тревожные вопли всего того, что кишит, ползает и летает в джунглях, испытываешь чувство покоя и гармонии. Царит такая же задушевная обстановка, как на какой-нибудь деревенской площади.

Это час задушевных бесед. Колеблющийся свет ламп освещает совсем молодые лица солдат нашей части. Прежде чем повесить гамаки на ночь, бойцы готовят чай на костре, разведенном в яме, чтобы не привлекать внимания самолетов. За несколько дней, проведенных вместе, мы привыкли друг к другу, и теперь они задают нам тысячи вопросов о наших семьях, о нашем путешествии сюда, о странах, откуда мы приехали.

Бэрчетт пускает по рукам товарищей фотографию своей жены и троих детей. Удивляются, когда узнают, что у меня есть восемнадцатилетняя дочь. Меня спрашивают: «А она нас любит?» Жители Южного Вьетнама очень сентиментальны и проявляют свои чувства, на мой взгляд, даже более открыто,

чем их соотечественники с Севера. «А тетушка нас любит?» — с таким вопросом обращаются ко мне дети, потершись своим маленьким носом о мою щеку. То один, то другой из наших друзей извлекает из кармана потерятое письмо, полученное, по крайней мере, месяцев десять, а иногда даже год или два назад, и читает его нам. Вот письмо старшего брата, одного из бойцов зоны, еще оккупированной врагом:

«...Сообщаю новости о твоей сестре. Она попала под подозрение полиции, и я отослал ее в освобожденную деревню. Я же продолжаю свою прежнюю работу, о которой ты знаешь. Мысли о тебе, братишка, и об отце, убитом два года назад, придают мне смелости. Твоего двоюродного брата недавно арестовали в Сайгоне. Из-за этих американцев всю нашу семью разбросало в разные стороны. И лишь в день нашей победы мы сможем собраться все вместе. Я слышал, что муж Хыонг погиб на фронте. Если ты узнаешь, где он похоронен, напиши мне.

Нашей семье пришлось пережить много горя, но не больше, чем другим. Братишка, нас ждут те, кто сейчас находится в тюрьмах. Нужно сражаться, этого требует справедливость. Мертвые тоже ждут, чтобы мы отомстили за них».

Письмо подписал Хай Хань.

А вот другое письмо матери, из освобожденной зоны:

«Мой сын, тебя не будет со мной в день Нового года. Мне грустно, но я горжусь тобой. Вся наша семья уверена, что ты будешь

и дальше с честью выполнять свой долг. Ты знаешь, мой сын, что ты должен отомстить за своего отца и что мы не можем быть счастливы, пока эти дьяволы (американцы) не будут изгнаны.

Нас опять бомбили. Старый дядюшка Бо погиб в огне, так же как и дети Дука; дом тетушки Минь тоже сгорел. Я думала, что она захворает, увидев, что все ее имущество и очаг предков превратились в груды пепла, но, знаешь, она все такая же живая, несмотря на свой возраст. Мы помогли ей отстроить хижину. Все пепелище она засадила тыквами, которые выросли очень большими.

Мой сын, сфотографируйся, если можешь, и пришли мне карточку, чтобы я могла посмотреть, как ты выглядишь после трех лет разлуки...

Письмо мое маленькое, но любовь велика.

О твоей женитьбе могу сказать только одно: выбери девушку, которая крепко любит свою родину. Я твоя мать, но я далеко, ты теперь сын всего нашего народа. Ты сам решай, посоветовавшись, как с родной семьей, с солдатами и офицерами твоего полка. Они знают, что хорошо и что плохо для тебя. А когда ты окончательно решишься, мой сын, просто сообщи мне об этом...»

И еще одно письмо от Тхань Ван (невесты Минх Тху), учительницы из провинции Камау:

«У меня только одна жизнь. И всю свою жизнь я буду верна обещанию, данному тебе.

Скоро наша страна воссоединится. После разлуки наша любовь станет еще сильнее. Это

хорошо, что ты уходишь на фронт. Я желаю тебе доброго здоровья и больших успехов нашему боевому оружию в борьбе против американцев.

Теперь у меня третий класс. Дети приходят учиться из трех деревень. Моя работа — это и есть моя боевая задача. Мое сердце бьется вместе с твоим. Я тоже, как могу, буду бороться с захватчиками. Помни всегда: любовь наша до гроба».

Вокруг этой традиционной фразы всех влюбленных она нарисовала гирлянду из цветов, а в углу приклеила свою маленькую фотографию. На конверте нарисовала голубка, держащего в клюве письмо. Не только тот, кому предназначены письма, но и все бойцы отделения знают их наизусть. Письма приходят редко, а война разбросала семьи по всей стране. Бойцы делятся всем. Каждый интересуется родственниками другого, как своими собственными. Письма поднимают боевой дух, укрепляют веру в будущее. Солдаты выписывают отрывки из этих писем в свои личные дневники, которые есть почти у всех. Перед боем они перечитывают тетрадки, куда записали свои думы, стихотворения, обещания, данные самим себе.

Я думаю, что американские психологи не поверили бы своим глазам, если бы увидели этих молодых крестьян, склонившихся над своими записями, подобно бойскаутам, отмечающим события дня в своих журналах.

Но как преобразуются эти люди, когда из таинственной глубины джунглей они устремляются в атаки, ошеломляющие врага.

Хоа обратился ко мне с просьбой:

— Я очень долго носил в своем вещевом мешке первый том «Жана Кристофа» Ромена Роллана, но, к сожалению, потерял его. Если вы вернетесь к нам до победы, не забудьте привезти мне что-нибудь из книг.

XLIII

В Армии освобождения со мной случилось нечто совершенно небывалое: я усыновила юношу. То есть, вернее, юноша сам выбрал меня в приемные матери. Его зовут Муой Хай, он предпоследний ребенок в семье, где было одиннадцать детей. В Южном Вьетнаме братьев и сестер называют порядковым номером по мере их появления на свет, но первым номером всегда считается их мать.

Хай — помощник командира роты первого батальона нашего полка. В восемнадцать лет он был уже ветеран партизанской войны. Рассказывая нам историю своей жизни, он, как и все солдаты-крестьяне, прежде всего заговорил о земле.

— Я родился в провинции Кан Тхо. Во времена первого Сопrotивления моя семья, которая была одной из самых бедных в деревне, получила надел земли, но после нарушения Женевских соглашений все рисовые поля в районе отобрал крупный помещик из приближения Нго Динь Дьема. Мы стали еще беднее, чем прежде. Только после 1962 года, после того как партизаны освободили наши края и враги не осмеливаются больше показываться там, земля наконец возвращена тем, кто ее обрабатывает.

Фронт освобождения роздал землю нам. Но мой отец не дожил до этого. В 1957 году он был арестован в поле, как возможный соучастник «Вьетконга», снабжающий партизан продуктами питания. Я был в то время ребенком и видел, как его увозили. Я знаю, что мой отец никогда не участвовал в движении Сопротивления. И все-таки его арестовали и потом, в апреле 1963 года, расстреляли.

В 1960 году, шестнадцати лет, я ушел в Армию освобождения, потому что достаточно насмотрелся на кровь, льющуюся рекой в деревне, на облавы и прочесывания. За год перед тем был убит мой старший брат. Я должен отомстить также за моего двенадцатого брата, убитого в 1963 году — в том же году, когда погиб наш отец.

В том, таком тяжелом для его семьи году Хай, окончив курсы помощников командира взвода, участвовал в нападении на вражеский пост. Он вызвался добровольцем вести солдат во вторую атаку в случае неудачи первой.

— Мы тайком пробрались в «стратегическую деревню», — рассказывал он, — но едва началась атака, как враги подняли тревогу. Наша первая группа была уничтожена, прежде чем ей удалось взорвать все мины. Настал наш черед атаковать.

Как только мы поднялись, я был ранен в ногу, но продолжал идти вперед. Во время общей атаки товарищам удалось захватить несколько дотов. Но около того дота, который должны были занять мы, меня снова ранило в голову осколком гранаты, которыми враги забрасывали нас с близкого расстояния.

В моем взводе уже были раненые и убитые. Я отправил связного к командиру роты с просьбой выслать подкрепление, но мой связной был убит по дороге.

Нужно было действовать быстро, а я обливался кровью. Я ворвался в дот. Но вражеский солдат в упор выстрелил в меня. Потом выяснилось, что он выстрелил мне в голову, но пуля прошла, не задев важные центры, поэтому я, как видите, жив и по сей день. Но тогда я потерял сознание. Позднее узнал, что благодаря поддержке нашей артиллерии моим товарищам удалось отойти. Что же касается меня, то в пылу сражения, происходившего ночью, никто не видел, как я вскочил в дот, где марионеточные солдаты оставили меня, посчитав убитым.

Когда перед рассветом я пришел в себя, то услышал, как над дотом, где я лежал пластом, очень ослабев от большой потери крови, кружат самолеты. Я понял, что наши отошли, не заметив меня. Слышались только редкие отдаленные выстрелы. При свете ракет я пополз, чтобы как-нибудь выбраться оттуда. Заметив невдалеке жилой дом, напярғ все силы, чтобы добраться до него. Через каждые два метра отдыхал, и мне понадобилось два часа, чтобы проползти сотню метров, отделявшую дот от дома.

Наконец я все же дополз до дома и хотел позвать кого-нибудь. Но кричать не мог, а в доме все спали. Солнце вот-вот должно было взойти, мне надо было спрятаться во что бы то ни стало. Огибая дом, я увидел детский гамак, подвешенный между двух столбов. Мне

удалось взобраться в него, прежде, чем потерял сознание.

Когда я открыл глаза, на моих часах было уже восемь утра. У меня был жар, мучила жажда. До меня доносились голоса патрульных марионеточной армии. На этот раз мне удалось проникнуть в дом, расширив дыру в бамбуковой перегородке. И я снова упал.

Меня услышали старик и мальчик. Они очень испугались, увидев, что я весь в крови. Они знали: если меня найдут в доме — их расстреляют. Сначала они умоляли меня уйти, но, убедившись в том, что я слишком слаб, дали мне напиток, уложили в свою постель, а сами ушли, чтобы организовать перевозку меня в лагерь с помощью верного друга. Им оказалась девушка.

«Мы отправим вас в освобожденную деревню, — сказала она. — Пока мы живы, будете жить и вы».

Перевозка длилась два дня. С самого начала пути я был в бреду и никого не узнавал. Попав в госпиталь Фронта, даже не мог выпить глотка воды. Мне говорили потом, что я боролся со смертью много недель. Но это уже старая история...

Выздоровев год назад, Хай вернулся в строй и участвовал в сражениях так же, как до ранения. На его лице, более худом и более серьезном, чем лица его товарищей, остались шрамы, но они не обезображивали его. Он признался, что иногда страдает от головных болей, и на вид казался физически более слабым, чем другие бойцы. В его глазах часто появлялся лихорадочный блеск. Врачи Фрон-

та тщательно следили за его выздоровлением. Но запрещение участвовать в сражениях было бы самым тяжким наказанием для Хая.

На той неделе из перехваченных радиogramм американских сил штаб нашего полка понял, что готовятся усиленные налеты и бомбежки того района джунглей, в котором мы скрывались. Обсудив положение, офицеры решили ничего не менять в программе занятий полка. Сразу по прибытии солдаты, как всегда, соорудили сложную сеть бомбоубежищ и подземных ходов — они должны были обеспечить безопасность при любом воздушном нападении, которое ведется вслепую, на зеленую завесу густых зарослей. Желая сохранить в абсолютной тайне подготовку к предстоящему крупному сражению, штаб запретил стрелять по самолетам, чтобы не выдать врагам присутствие в этих местах полка, оснащенного тяжелыми орудиями.

Нам рекомендовали немедленно, не дожидаясь никаких повторных распоряжений, прервать все занятия, как только послышится шум моторов, и тотчас же отправляться в убежище. И вот при каждой воздушной тревоге Хай бросался ко мне, чтобы показать ближайшее укрытие, а потом, так же как раньше делали Нге, Ту или Тай, заслонял вход своим телом, оберегая меня от случайных осколков. Мы почти ничего не могли сказать друг другу, потому что мой вьетнамский словарный запас был очень скуден, а Хай не говорил по-французски.

Сначала я приняла за шутку слова Ла Хонг Нго. Когда все солдаты собрались вокруг

чашек с рисом и вяленой рыбой, он сказал мне:

— Я должен вам кое-что сказать: Муой Хай спрашивает, не хотите ли вы стать его приемной матерью?

Нет, это было вполне серьезно. Во время войны, в каждой деревне именно так зарождаются взаимные привязанности между женщинами, у которых враги убили детей, и юными бойцами, в течение многих лет разлученными со своими семьями. Есть пожилые женщины, которые усыновили по десяти — одиннадцати солдат. Так же нередко женщины, не имевшие детей из-за того, что война разлучила их с мужьями, усыновляют юных бойцов.

Но Хай, как я поняла позже, решил стать моим сыном, желая не столько добиться моей привязанности, сколько окружить и поддержать меня своей деликатной заботой и нежностью. Он, такой неразговорчивый и казавшийся всегда поглощенным своей внутренней жизнью, подумал о том, что я оказалась очень далеко от своей родины, от своей семьи. Долг гостеприимства, логика братства требовали, чтобы я обрела здесь новую семью.

Я согласилась усыновить его, к великой радости всех солдат. С тех пор я получила право на все знаки внимания, оказываемые родителям. Поскольку Хай раньше всегда готовил бетель для своей матери, теперь он свертывал для меня сигареты из табака, посаженного и собранного солдатами полка. И подносил мне кружку чая, держа ее обеими руками. Каждый вечер, подвесив мой гамак, Муой Хай

желал мне спокойной ночи, как привык делать это дома. Его командир мягко упрекнул меня в том, что мне не пришла в голову мысль первой поцеловать своего нового сына.

— Они страшны в бою, но в то же время чисты и привязчивы, как дети. Впервые в их жизни вы предъявили им конкретное доказательство международного сочувствия к нашей борьбе. Они запомнят каждый ваш жест, каждое слово.

При бомбежках, во время вынужденного бездействия в глубине убежищ мы с Бэрчеттом рассказывали «нашим ребятам» о том мире, который мы видели. Хай был ненасытен.

— Мама,— спрашивал он,— а когда у вас была война, неужели эсэсовцы были такими же жестокими, как американцы у нас? ¹ В свою очередь я многое узнала о районах Южного Вьетнама, которые не смогла посетить лично.

XLIV

— Я из Бентре,— рассказывает Льем,— из самого густонаселенного, сказочно плодородного района, из «героического Бентре».

¹ Этот вопрос нам задавали много раз. Ответ на него можно найти в словах генерала Нгуен Као Ки, главы сайгонского правительства. «Меня спрашивают о том, кто мой любимый герой,— заявил он в интервью, данном репортеру газеты «Санди миррор»,— у меня есть только один герой— это Гитлер!»

Как только было объявлено о назначении в Сайгон г-на Кэбота Лоджа вместо г-на Тейлора, Лодж с жидейшей похвалой отозвался о генерале Ки.

«Я самого лучшего мнения о нем»,— сказал посол Соединенных Штатов.— *Прим. автора.*

Приезжайте к нам после победы, у нас там столько кокосовых орехов, что моя сестра приготовит для вас ванну из их молока.

В 1960 году мы спасались от облав и прочесываний в зарослях дельты, живя, как птицы, на верхушках густолиственных пальм, растущих прямо из воды. Вражеские амфибии проходили под нами, мы обстреливали их сверху, и они не могли понять, откуда их настигают выстрелы.

По всей дельте снует многотысячная флотилия мелких лодок, сбитых из трех досок, бесшумно скользящих по лабиринту протоков и перевозящих наших солдат во время нападений на вражеские посты. Сампаны наших девушек проскальзывают всюду и делают нас более подвижными, чем тяжелые американские амфибии, которые запутываются в водорослях.

Повсюду, где мы ведем бои,— в свою очередь говорит Нго,— молодежь упрашивает своих родителей разрешить им следовать за нами. Когда гибнет один из нас, на его место встают десять новых бойцов...

Люди не жалеют для нас ничего.

Ни в одном слове этого рассказа не прозвучала печаль. Если люди в Южном Вьетнаме и бывают иногда сентиментальны, то надо заметить, что от природы они все оптимисты, любят пошутить, никогда не страдают отсутствием аппетита.

— Как бы ни было тяжело на войне, нельзя же все время думать о напалме и отравляющих веществах,— сказал мне писатель-борец Ань Дук.

Ань Дук рассказал нам также:

— Я участвовал в битве при Кай Нуок. Многие из наших бойцов были еще мальчишками, такими же юными, как ребята из вашей группы. Они краснели, когда девушки подсмеивались над ними, но нужно их было видеть в бою, бросающимися в самую гущу сражения с примкнутыми штыками! Операция развивалась так стремительно, что вражеский радист не успел даже отстучать сигналы SOS. Впрочем, это было бы все равно ни к чему: из Камау, предупрежденного соседним постом, все время передавали одно и то же: «Нас атакуют на всех участках сектора, ничем не можем помочь».

В результате этого боя более двухсот солдат противника было выведено из строя, а нам пришлось оплакивать пятерых погибших. Это обычные для 1963 года цифры.

Большинство наших юношей не успели узнать счастья любви. Еще вчера они были совсем ребяташками и развлекались тем, что охотились на хохлатых цапель, стараясь подбить их камнем. Сегодня это искусство им пригодилось: им часто приходится стрелять по самолетам. Я видел своими глазами, как один В-26 был сбит двумя крестьянскими парнями. Один из них был вооружен американским «гарандом», а другой стареньким французским ружьем «лебель», которое из-за большой длины называют иногда «шестом». Оба юноши выстрелили одновременно, и каждый приписывал себе честь этой победы. Но когда извлекли трупы из кабины самолета, стало ясно, что пуля, выпущенная из «лебеля», пе-

ребила шею летчику, лейтенанту Вильяму Стади. В самолете был еще труп лейтенанта Вон Хенесси. На своей летающей крепости они были сбиты в Кхань-Бинь-Донге бывшим пастухом, победителем всех состязаний среди мальчишек своей деревни.

XLV

И вот наступила минута прощания. На следующий день полк выступал в поход, чтобы принять участие в одном из крупных сражений 1965 года. Об этом мы узнали в штабе на обеде, где нас угощали избранной дичью: мясом зверька, которого называют здесь шео. Копыта у шео, как у лани, но сам он никогда не бывает больше крупного кролика.

— Господин Тейлор попал быку на рога,— сказал мне офицер, мой сосед за столом.

Это образное выражение, весьма распространенное среди крестьян Азии, в переводе на язык газетных сообщений означает примерно следующее: «Американская стратегия — в тупике. Чем больше агрессоры расширяют военные действия, тем более становится неизбежным их поражение».

Мы находились на месте действия в тот момент, когда политика «особой войны» терпела крушение и американцы начинали «ограниченную» войну. Это понимали все — от простого крестьянина, изобретателя оружия, состоящего из начиненных швейными иглами бобов, до самых видных руководителей Фронта. Все патриоты спокойно и с надеждой смотрели в будущее.

— У нас есть семьи,— говорили они,— в ко-

торых уже три поколения воюют. Дед ведет политическую борьбу в деревне: изобретает всякие западни для врага. Его сын, если он не на Севере,— или партизан, или деятель НФО, а внук, которому исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет,— в Армии освобождения. То, что одному поколению не удастся сделать, обязательно осуществит следующее.

Как-то я спросила одного из ответственных работников Народно-революционной партии, наиболее влиятельной в Армии освобождения благодаря ее большому опыту вооруженной борьбы: «Когда и как закончится эта война?»

— Когда? Это не только от нас зависит. Не вьетнамцы развязали эту войну, а американский империализм... Как? На это мы можем ответить: неизбежным поражением агрессоров и возвращением их в свою страну.

— Если мы боремся так решительно,— прибавил в тот вечер офицер штаба полка,— так это потому, что цели наши разумны и умеренны, полностью отвечают Женевским соглашениям. Решение вопроса об объединении страны мы предусматриваем на более позднее время, и он должен быть решен самими вьетнамцами, когда страна наша освободится от какого-либо иностранного вмешательства. Если бы лозунг Фронта «Независимость, мир, нейтралитет, демократия» был признан всеми, то можно было бы немедленно положить конец войне. Но мы ни за что не сложим оружия, пока этот лозунг, отвечающий надеждам и устремлениям четырнадцати миллионов населения Южного Вьетнама, не будет осуществлен.

— Четыре слова этого лозунга составляют одно целое. Действительно, что значил бы мир, без независимости? С 1954 года мы знаем, что такое мир, в котором царит смерть, и с нас хватит такого мира. Настоящий мир наступит для нас тогда, когда последний захватчик уйдет в море. И мы никогда не допустим, чтобы различными махинациями агрессоры достигли того, чего они не смогли добиться силой оружия.

Что касается лозунга «нейтралитет», то здесь нет никаких «если». Он отражает реальную действительность Южного Вьетнама. Коммунисты, как и все борцы НФО, искренне поддерживают этот лозунг, зная, что таким образом они смогут обеспечить действительную независимость своей страны, изгнать американцев и устранить опасность всеобщей войны в этой части света.

— Этот нейтралитет мог бы походить на нейтралитет Швейцарии. То есть Южный Вьетнам не стал бы подписывать какие бы то ни было военные соглашения, но принял предложенную экономическую помощь, от кого бы она ни исходила, при условии, что это не нанесло бы ущерба его независимости. Любое иностранное капиталовложение было бы благожелательно принято.

Эти разумные слова звучали тем более веско, что они исходили от человека, готовившего возглавить людей, идущих в бой, из которого он мог и не вернуться.

— Американцы все равно будут разбиты, что бы они ни предпринимали,— сказал он,— потому что они не хотят понять, что имеют

дело с целым народом, с народной армией, ведущей народную, справедливую войну, возглавляемую справедливым руководством. Как и французские генералы двадцать лет назад, они полагались сначала на свое техническое превосходство, на свои танки и гигантские бомбардировщики, на механическую обученность своих войск больше, чем на идеи, которые их вдохновляют. Пентагон не знает людей, с которыми ему пришлось столкнуться во Вьетнаме, он их презирает. Офицер, привыкший вести войну за надежной броней танка или находясь высоко в небе, в кабине самолета, не может представить себе жизнь в джунглях крестьянина-солдата, который всегда на ногах, всегда начеку. Американцы повторяют сейчас ошибку французского командования в Дьен-Бьен-Фу, недооценившего наши возможности.

Когда перед нами встает неразрешимый с первого взгляда вопрос, мы обращаемся ко всему народу. Мы верим в его огромные творческие силы. Простой крестьянин доказал, что он способен отодвинуть рамки невозможного и совершить нечто такое, чего не могли предвидеть никакие эксперты.

Я спросила у этого офицера:

— Что будет, если американцы выполнят свою угрозу и нападут на Демократическую Республику Вьетнам?

— У нас одна родина,— сказал он.— Освободить Юг, защитить Север, воссоединить страну — такой была и остается наша цель. Как бы американцы ни усиливали бомбардировки Севера, критический для Пентагона во-

прос: что сделать, чтобы вновь овладеть потерянными территориями Юга? — так и останется неразрешенным. Исход конфликта все равно будет решаться на Юге. Мы же со своей стороны еще более усилим борьбу, чтобы поддержать наших соотечественников на Севере. Если же американцы сотрут военной силой 17-ю параллель, они вынуждены будут вести войну кроме нашей армии также и с Народной армией Демократической Республики Вьетнам, которая после Дьен-Бьен-Фу непрерывно совершенствует свое мастерство.

Если американцы начнут новую «корейскую» войну и даже перебросят во Вьетнам сотни тысяч своих солдат, они смогут только отдалить конец войны, но им не избежать окончательного поражения. И тогда будет литься кровь американцев. Иногда я даже жалею их, потому что не миллиардеры и не высшие офицеры Пентагона, а сыновья крестьян и рабочих падают, сраженные пулей, где-нибудь среди рисовых полей. До каких же пор американский народ будет терпеть все это?

Противник потерял контроль уже не только над деревнями, но и над дорогами. Города находятся в изоляции, а некоторые из них скоро будут освобождены нами. Супермен проиграл партию. И скоро американцам останется только море. Их ультрасовременные всеенные лагеря, над которыми витает призрак Дьен-Бьен-Фу, уже сегодня напоминают смехотворные строения краба Нхатранга.

Офицер имел в виду народную легенду Юга. В ней говорится, что один рыбак был превращен в краба за то, что употребил во зло пода-

рок доброго духа. Он стал одним из тех маленьких крабов, которые все время строят клешнями песчаные шарики, тотчас размываемые и уносимые волнами.

XLVI

Каждый раз, когда какой-нибудь полк выступает в бой, солдаты и офицеры собираются на митинг. На этот раз митинг был созван также и по случаю отъезда двух иностранных гостей.

Было около 10 часов вечера, когда после ужина офицеры штаба проводили нас в условленное место, где уже собрались сотни людей. Для ораторов была сооружена небольшая трибуна из бамбука.

Впереди, выстроившись, как на параде, стояли натертые до блеска тяжелые полковые орудия. Высокие бамбуковые факелы освещали лишь знамена и передние ряды бойцов. Остальные, сливаясь с деревьями, тонули в темноте. И только по гулу аплодисментов, сопровождавших слова оратора, можно было понять, как много людей присутствует здесь. Тысячи глаз, которых мы не видели, были устремлены на нас.

Ла Хонг Нго, командир подразделения, совместно с которым мы участвовали в учениях, вышел на трибуну, чтобы заявить от имени своей группы, что оба иностранных журналиста хорошо работали, выполняя общие задачи, и что, «несмотря на свой возраст», стали настоящими членами их боевого коллектива. Поэтому командир предложил присвоить

нам звание «почетных бойцов» его группы. Эта награда от имени молодых людей, доказавших свою готовность в любой момент пожертвовать жизнью и преподавших нам урок братства и оптимизма, удивила и очень взволновала нас.

Солдаты, говорившие от имени своих отрядов, обещали безупречно выполнять полученные задания и никогда не отступать. Офицер, выступивший на митинге, тоже был крестьянином. Как и все руководители «Вьетконга», которых я слышала, он говорил очень просто, без всякого фанатизма.

— Когда мы идем в бой, как, например, сегодня вечером, то каждый идет вместе с десятками убитых товарищей. Кто идет с матерью, кто с отцом, которых убили враги. Мы должны уничтожить зверей, которые сделали это. Миллионы людей во всем мире думают о нас, желают нам победы. Они знают, что мы сражаемся и за их свободу.

Товарищи падают, сраженные вражеской пулей, погибают любящие друг друга, но народ никогда не умирает — он все время идет вперед. Вы знаете, как говорят в наших семьях: «Если младшая сестра упадет, старшая подымет ее». Если один из нас споткнется, то другой поддержит его, а все вместе мы придем к победе!

В ответ раздались бурные аплодисменты. Руки, сжатые в кулак, поднялись над головой. И потому что солдаты были очень молоды, они долго возбужденно кричали, как это делают во всех странах крестьяне во время деревенских танцев. Так в Армии освобожде-

ния солдаты уходят в бой. Час спустя лес заполнился их приглушенными шагами. Впереди нас люди несли на спинах тяжелые орудия. Пламенем вспыхивало красное знамя и гасло в густых зарослях.

У каждого солдата, отправляющегося в бой, к поясу подвешена лепешка из вареного риса, завернутая в кусок нейлонового парашюта. Я знала, что среди них был Хай, мой приемный сын, а также Льем и Нго. Несколько раз мне показалось, что я их узнала. Мы подумали, что после ужина в штабе снова вернемся в лагерь, чтобы лично распрощаться с бойцами нашей группы. Но офицер нас переубедил:

— Сегодня вечером они узнали, что мы должны выступить. Завтра они идут в бой. Вы попрощаетесь сразу со всеми, со всем полком. А мы расскажем вашей группе, что вы должны были уехать, но что вы их увидите позже, после боя.

Я никак не соглашалась. Но офицер настаивал:

— Послушайте моего совета. Ведь им пришлось пережить уже столько разлук...

Прикрытые широкими листьями чанг-куана, керосиновые лампы освещали лица солдат под шлемами из латании. Проходя мимо нас, солдаты доверчиво улыбались, повернувшись в нашу сторону. Каждый из них мог быть Хаем или Льемом.

На сердце у меня было тяжело, когда я думала, что не все эти молодые солдаты увидят свою родину свободной и независимой. Но разве путь, который они избрали, не был

единственно правильным? Когда-то французские партизаны избрали такой же путь.

Мы вскинули мешки за спину. В небе гудели слепые чудовища-бомбардировщики, а в джунглях тысячи движущихся огоньков говорили о том, что народ живет и надеется.

Мадлен Риффо

У ПАРТИЗАН ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Редактор *П. Л. Павлов*

Литературный редактор *А. С. Поволоцкая*

Художник *Г. А. Сотсков*

Художественный редактор *Г. В. Гречиго*

Технический редактор *Л. Г. Репнина*

Корректор *М. Г. Тихонова*

Сдано в набор 22.8.66 г. Подписано к печати 10.1.67 г.

Формат бумаги 70×90¹/₃₂ Печ. л. 7 (Усл. печ. л. 8,19).

Уч.-изд. л. 7,951

Бумага типографская № 2. Тираж 30 000 экз. Изд. № 10/8376

Цена 50 коп.

Зак. № 978

Военное издательство Министерства обороны СССР

Москва, К-160

2-я типография Военного издательства

Министерства обороны СССР

Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10.

25р.

~~Цена 50 коп~~

МАДЛЕН РИФФО